

Маргарита **Прошина**

В потоке классики

Маргарита Прошина

В потоке классики

статьи
беседы
литературные портреты

Маргарита
Прошина

В ПОТОКЕ КЛАССИКИ

статьи
беседы
литературные портреты

Издательство
Книжный Сад
Москва
2020

ББК 84 Р7

П 78

*На передней стороне переплета:
писательница Маргарита Прошина.*

Прошина М.В.

П 78 В потоке классики: статьи, беседы, литературные портреты. - М.: Издательство "Книжный сад", 2020. - 271 с.

Наряду с размышлениями Маргариты Прошиной о творчестве Достоевского, Бунина, Чехова, о классиках и современниках, в книге представлены мнения коллег о творчестве самой Маргариты Прошиной, о её месте в современной литературе.

ISBN 978-5-85676-163-3

ББК 84 Р7

© Маргарита Прошина, 2020

СЛОВА ОТКЛИКАЮТСЯ НА ЗОВ МОЕГО СЕРДЦА

Юрий Кувалдин беседует с писательницей
Маргаритой Прошиной

- Вся ваша жизнь, Маргарита Васильевна, посвящена книгам. И это очень важно для нашего разговора, ибо я в каждой беседе с представителями литературы и искусства для «Нашей улицы» неизменно повторяю, что настоящая жизнь совершается не в самой жизни, как многим кажется, а в книгах, и этим тезисом я подвожу собеседника к фундаменту любой мысли, что вначале было Слово. Жизнь создана Словом. Но кто его написал? Несколько упрощая проблему, скажу, что писатель. Писатель умер. Слово осталось и стало управлять людьми и другими писателями, то есть Слово стало Богом. Литература, как литургия, призвана спасти душу. Какие авторы произвели на вас самое сильное впечатление и почему?

- Безусловно, Юрий Александрович, вне мира книг я себя не представляю. В библиотеке Ушинского, в которой я проработала не одно десятилетие, преобладала научно-педагогическая литература, но меня всё время влекло к художественным изданиям. Серьезный писатель создаёт свой особенный художественный мир. Таких писателей мы называем классиками. Они отличаются, как говорил Баратынский, лица необщим выраженьем. Есть писатели, создающие произведения, возвышающие душу. А есть ре-

месленники из окололитературной армии, кормящейся на литературе, во всяком случае, до недавнего времени они были. Они занимались выискиванием всяческих частностей в чужих произведениях. Брались оценивать других, сами же ничего своего создать не могли, а если и пытались, то у них рождались приглаженные, даже прилизанные мертвые поделки. Замысел возникает как бы в безмолвии. И не просто возникает, а околдовывает. Сначала я слышу едва уловимый шелест страниц, переходящий в шёпот, который передаётся мне. Возникают образы, расплывчатые, неожиданные, иногда знакомые - все что-то говорят, не слушая друг друга. Я закрываю уши руками, пытаюсь защитить себя от сплошного шумового потока. Тихо пишутся стихи. Тихи они на бумаге. Я озвучиваю их сначала про себя, а потом невольно произношу:

тихо буквам
в черных строчках
сжаты губы
алой точкой

тайны знаков
тянут ввысь
где инако
выткан смысл

Успокоившись, я сосредотачиваюсь на определённом образе и вступаю в диалог с ним. Разговоры, разговоры, записи, споры, ссоры изматывают меня. Но и расстаться я не могу с ними. Сажусь к компьютеру и жму на клавиши. Каждый раз я поражаюсь, наблюдая появление на мониторе слов, которые самостоятельно складываются в новые фразы. От первоначальной идеи ничего не осталось. Я читаю их с неподдельным интересом, никогда даже не предполагая, чем это закончится. Но удовольствие получаю ни с чем не сравнимое от самого процесса. Поэзия приходит

тихо-тихо после шелеста страниц. Произведение начинает жить не оттого, что автор всё своё внимание уделяет так называемому стилю, а от колоссальной интеллектуальной энергетике художника, от его полного погружения в создаваемое произведение. И эта энергия совершенно бессознательно поглощает умного читателя, который вовлекается в сотворчество. Истинный художник срывает покрывала, соскребает глянец с жизни. Этим я хочу сказать, что воспитание моё прошло на высокой литературе. Когда я вижу у писателя со вкусом удачно построенную фразу, то довольно часто вспоминаю «Золотую розу» Константина Паустовского. Само повествование в этой вещи пронизано украшенностью, и я понимаю, что художественная проза - это украшенный со вкусом текст. Или взять Борхеса. Читая его, я захлебываюсь от восторга. Писатель - это тот человек, который всегда находит нужные слова или создаёт свои, которые обогащают язык выразительностью и оттенками чувств. Слова весьма отзывчивы на чуткое отношение к ним автора, они демонстрируют в ответ свою многомерность. Когда вещь всецело захватывает меня, например, пронзительная по звучанию «Степь» Чехова, то мне не хочется ни пить, ни есть, ни отвлекаться на какие бы то ни было другие дела, я радуюсь ей как новому другу. «Мы с тобой не расстанемся», - мысленно говорю я ей. Понимая, что буду обращаться к своему другу не раз. Перечитывая, скажем, «Факультет ненужных вещей» Юрия Домбровского, или «Над пропастью во ржи» Джерома Сэлинджера, или «Соборян» оригинальнейшего Николая Лескова, каждый раз поражаюсь глубине мыслей, психологической объёмности неповторимых образов. И что уж говорить о «Чевенгуре» Платонова! Вот, например, нечаянно брошенное замечание о персонаже, которого он называет просто бобыль: «Вместо ума он жил чувством доверчивого уважения». Я тут же вспыхиваю, начинаю писать своё. Тонкие

струны человеческих душ, запечатлённые в знаках, живут в вечности, согревая друг друга. Какой-то непонятный звук донесся из глубины души. Как будто хрустально упала сосулька за окном. И тут же зазвучала мелодия, окутывая меня всю невероятно нежным перезвоном, как будто кто-то едва касался палочками ксилофона. В этот момент я догадалась, что моя душа убежала из моего тела. Наверно, так начинается музыка. Помимо моей воли она звучит где-то далеко, не во мне. Но все-таки я понимаю, что этот нежный, ласковый звук издает именно моя душа. В ней сохранилась эта музыкальная тема, которая когда-то произвела на меня сильное впечатление, а теперь помимо моей воли вдруг в этот миг возникла. Вот зазвучали струнные так деликатно, едва ощутимо. Удивительная мелодия, лаская слух, звучит уже вне меня, но я чувствую, что это душа моя незаметно отделилась и улаживает меня, создаёт поэтическое настроение. Я боюсь пошевелиться, опасаясь, что прозрачная музыка исчезнет бесследно, я хочу запечатлеть это мгновение словами. Я пишу, только слово написанное позволяет сохранить память о чудесной музыке души моей. Ведь и дивную музыку эту композитор тоже написал нотными знаками на бумаге, теперь по нотам её исполняют музыканты, чтобы она жила в душах и сердцах слушателей. Андрей Платонов меня потрясает и доводит до восторга. У него особенное чувство слова, а как он его ставит! Перечитывая Платонова, я каждый раз делаю всё новые открытия. Погружая читателя в состояние обычной тоски мастера Дванова, Платонов говорит, что его не закрытое верой сердце мучилось в нём и желало себе утешения. Герой представил, что внутри его тела - пустота, куда непрестанно, ежедневно входит, а потом выходит жизнь, не задерживаясь, не усиливаясь, ровная, как отдалённый гул, в котором невозможно разобрать слов песни. Классика зажигала во мне страстное желание писать.

- Это понятно. Многие люди подобным образом зажигаются, им кажется, что сейчас они возьмут ручку и напишут что-то совершенно невероятное. Но пыл быстро проходит, когда этот порыв сталкивается с чистым листом бумаги. Каким образом вы, Маргарита Васильевна, пришли к выводу, что самой нужно писать?

- Вы сами, Юрий Александрович, любите повторять мысль о том, что устная и письменная речь абсолютно непересекающиеся вселенные, потому что свободно говорить умеют многие, иногда так безостановочно и гладко, что с сожалением понимаешь, что слова эти легковесны, как воробьиные, что тишина сотрет их, как будто вовсе никто и ничего не произносил. Иное дело - слово написанное. Это, повторю, совершенно разные вещи. Устно воздух наполняют разговорами современники, но читая, например, Чехова, задумываешься о бессмертии его произведений, как будто он сам живой и идёт сейчас по Дмитровке. Так до меня дошло очевидное, что слово, написанное мною, сохранится, но при условии, что я буду писать, равняясь на того же Чехова. Постепенно я стала нарабатывать опыт перехода от слова устного к письменному, писать свои художественные этюды, избегая журнализмов, информативности, перечисления лишних имён, прямых выводов, то есть я, если так можно сказать, рисую свои картины, понимая, что художественная проза - это, прежде всего, изображение, краски языка, тонкие психологические наблюдения, нестандартные ходы. Другими словами, сюжет меня не привлекает. Я живу, смотрю, вижу, слышу, благодаря языку. Если бы не было слова, то я, например, глядя на ночное небо не понимала бы ничего. Слово «луна» или жёлтый диск, их бы не было, я бы даже не знала, что небо есть небо! Почему луна висит и не падает? Сколь-

ко вопросов, которые я могу задавать, благодаря словам. Всё есть, существует только потому, что есть слова. Я не перестаю удивляться этому чуду из чудес - словам. Я могу думать, мыслить, задавать вопросы... Я всё могу! Кроме одного - жить без воздуха. То есть без Слова. Я могу перемещаться из прошлого в будущее, минуя настоящее. Глаза пробегают по книжным полкам, руки снимают с них самых верных друзей, и я могу сочетать несочетаемые отрывки из разных книг, знакомить героев из разных эпох и уголков земли. Я могу всё, я погружаюсь в неисчерпаемый океан литературы, в другие миры, жизни. Главное, как написать. Пишу. Нет не то, не так! Мне не хватает каких-то совершенно других, новых, главных слов. Открываю «Толковый словарь» Ожегова, читаю: лабаз, лабазник, лабильный, лабиринт, лаборант, лаборатория, лава, лаваз, лаванда, лаваш, лавина, лавировать, лавка лавочка, лавочник, лавр, лавра, лавровишня... Слова! Как их много, ими можно выразить всё, что было и чего не было. В комнате стемнело, я уже не различаю букв. Сейчас я встану, включу свет, и волшебство исчезнет. Семерки - самое загадочное время суток. Слова! Как мало я вас знаю, я хочу писать вас, я хочу узнавать вас, я хочу с вами дружить! Человеку свойственно меняться на протяжении всей жизни. В детстве время течёт совершенно иначе. День кажется таким длинным и насыщенным событиями, а события эти - такие важные, что, конечно же, не забудутся никогда. Я настолько была уверена в своей памяти. Проходили годы, и оказалось, что я помню только какие-то фрагменты из своего детства и юности. У меня никогда не возникало проблем, как выразить свои мысли в разговоре с кем-то на любую тему. И я считала, что язык у меня подвешен хорошо. Оглядывая свою жизнь, я вдруг задумалась над тем, что все мои разговоры куда-то провалились, исчезли, как будто я никогда и ничего не говорила. И, надо сказать, что, читая классику, я удивилась

её жизненности и современности. Конечно, тут у меня с кончика пера просится довольно избитая фраза: классики не умирают, что они живее всех живых. Я тут же взяла ручку и стала писать и почувствовала, что слова разбегаются, когда я пытаюсь их собрать в законченную, осмысленную фразу, причём не простую, а художественную. Каждый день я чувствую, как слова окружают меня и просятся на бумагу. Гениальный Чехов обладал талантом «коротко говорить о длинных вещах». Во время беседы с друзьями слова льются рекой, мысли толпятся в голове, торопят тебя и как бы кричат: «сейчас - я, моя очередь», - никаких затруднений в устной речи не возникает. Стоит только попытаться записать их - не можешь написать ни одной буквы, потому что не только слова, но и мысли исчезают. Переход к письменной речи так труден для меня потому, что написанное слово живёт своей самостоятельной жизнью, а звуки исчезают бесследно. Я придумываю свою историю жизни людей, которая происходит за тем или иным окном. Если рассматривать слово «окно» просто как многозначное слово, то можно нафантазировать, наверное, рассказ или даже повесть. Чехов написал бы глубокий и содержательный, гениальный рассказ. Я всегда волнуюсь, разглядывая окна, в которых горит свет, особенно захватывают занавешенные окна. Есть окна, освещенные удивительно мягким, ласкающим светом, есть романтические окна в цветах, а бывают окна такие странные, всё есть, а от них веет холодом. Вот тут можно придумывать истории, которые случаются там, за неведомым окном. Важно, как выглядит само окно: типовое, обычное, эркер, фонарь, а вдруг это дом с мезонином! Разные истории, иногда печальные, иногда истории ожидания чуда, но всегда даю шанс своим придуманным героям изменить свою жизнь к лучшему. Моя игра с окнами так увлекла меня, что захотелось свои выдуманные истории записать. От нового года до нового года пролета-

ют годы. В памяти остались только яркие вспышки. Вспышки чёрные - печальные. Цветных значительно больше осталось, но неумолимое время размывает их по мере удаления. Постепенно воспоминания становятся неясными: белый, розовый, голубой, зелёный, красный и другие цвета радости плавно проникают друг в друга и превращаются в размытые, широкие мазки моей прошедшей жизни. А были ли эти события со мной? Так ли это было? Мои эмоции перемешались с воспоминаниями. То ли было, то ли не было. Значит, надо записывать, подумала я. Заключительная фраза повести Хемингуэя «Старик и море» была своеобразным паролем в нашей юности к вхождению в круг знатоков и истинных почитателей высокой литературы: «Старику снились львы». Да, только через преодоление препятствий рождается настоящий талант. Иной газетчик всё содержание этой вещи мог бы вместить в короткую заметку. Подумаешь, ловит рыбу! Ну, акулы ещё. О чем тут распространяться?! Но художнику неважно содержание. Художник из малого факта создаст впечатляющее красочное полотно. Сколько их, времён года исчезнут бесследно!? В памяти людской останутся только те, о которых напишут писатели. Колесо времени. Я останавливаю его своим словом. Но это слово будет воскресать вновь и вновь, после каждого умершего, с каждым новым родившимся. У меня свой характер, и у каждого слова - свой характер. Когда я, ухватив мысль, как бы в забытьи сажусь писать, то даже не знаю, какие слова сегодня захотят помочь мне, а какие будут от меня прятаться. Я убедилась на собственном опыте, что не я подбираю слова во время работы, а они приходят в нужный момент. И так изо дня в день слова складываются в законченные фразы, которые передают определённые мысли. Вот задумалась я сегодня и поразила такой простой вещи, которая стала как бы открытием для меня, что если я буду писать по одному абзацу в день, то в год их бу-

дет уже 365! А в течение пяти, десяти... лет! Я почувствовала вдруг огромное желание просто писать, причем, не думая о количестве каких-то там абзацев. Как это заманчиво писать слова! Когда я думаю о словах, о моих словах, то мне иногда кажется, как будто я в сладком сне, что слова в моих текстах накапливаются как бы сами собой, как вода в дождевой бочке, и весь их поток в знойный день мне представляется душеспасительным дождём. Каждое слово, поставленное мною в текст, приобретает какие-то иные оттенки, нежели в разговорной речи. И тут я понимаю, что слова откликаются на зов моего сердца и как бы ставятся мною самой, как бы улавливая музыкальность моих чувств. В эти минуты я не замечаю, как текст растёт сам по себе. Одна страница, вторая, третья... Объём мною написанного особенно ощутим с большой дистанции. Общий текст всех моих произведений растёт день ото дня. Я так поражаюсь этому, что не могу поверить в то, что это написала я. Я уже с любопытством читаю свои произведения и, подчас, не узнаю их, как будто они написаны не мною. До чего же увлекательна работа со словами. Новый рассказ подобен печке, в которую нужно подбрасывать дрова, чтобы она долго работала. Но до дров, для розжига нужен сухой хворост вдохновения. Я сама вспыхиваю спичкой, хворост загорается, подпаливает поленья, заслонки открыты, гудение в трубе напоминает орган. В момент творчества важно добиться полного освобождения от себя, перевоплотиться в персонажа. Я наяву проживаю жизнь других людей, рожденных мною же. Нужно почувствовать их, и вместе с ними прожить их жизнь, а не свою. В этот момент начинается истинное творчество. Я как бы создаю людей, которых не было на самом деле, но они начинают жить своей жизнью в рассказе. Моё собственное прошлое воскрешается в художественных образах, возвращается как некоторая ностальгия по поэтическим, умирительным эпи-

зодам, тающим в памяти дымкой гаснущего костра. Причём костры всегда разные и, угасая, они вспыхивают вновь, озаряя светом разные уголки памяти. В эти минуты меня охватывают разные противоречивые чувства. Прошлое может быть безвозвратно утрачено, если его не сделать записанным.

- Я заслушался, Маргарита Васильевна, вашим подробным вскрытием истоков собственного творчества. Да, так и бывает. Начинаешь с малого, а потом, входя в суть задуманного, заводишься, теряешь ощущение времени и места, переносишься в иные миры, не замечаешь, как уже написаны десятки страниц. В этом таинство и непредсказуемость творчества. Читая ваши рассказы и эссе, я оказываюсь во власти вашей музыкальной тональности, опозитизированности текста, и в большинстве своём, я бы охарактеризовал их как стихотворения в прозе.

- Да, вы правы, Юрий Александрович, потому что меня со всей очевидностью увлекает поэтика художественности, создаваемая всесильным всеведущим словом. Власть слова не имеет границ. Слово, как сказано в Библии, создало мир - ушедший, нынешний, будущий. Слово исцеляет, слово убивает, слово окрыляет. Мы неутомимо ищем, кто мы, откуда мы, не желая принять и понять, что словом создано всё, что нас окружает. Стихотворение «Слово» Николая Гумилёва - гениальный гимн слову, которым в былые времена останавливали солнце, разрушали города, в ужасе звёзды жались к луне, когда где-то там, в вышине проплывало слово. Гумилёв настолько глубоко и образно передаёт силу и власть слова, что я сама себя ощущаю Словом!

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,

И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово это Бог.

Довольно часто размышляю о трагичности судеб писателей. Глубину мира, созданного писателем, познать до конца нельзя, поскольку для каждого читателя она своя и зависит от желания мыслить, познавать художественные миры. Встретить в жизни душу, созвучную твоей, которая открывается тебе навстречу, понимает то, чем и как ты живёшь, и доверяет тебе свои тайны - счастье, награда, которые посылаются избранным. Анализируя свои ошибки, я обратила внимание на то, что пытаюсь передать свои чувства, мысли словами, озвучивая их, я слышу, что они несколько меняют смысл. Порой произнесённое слово вызывает неожиданную бурю, всплеск эмоций от собеседника, которые я не предполагала. И снова в памяти моей возникают строчки из гениального «*Silentium!*» Тютчева:

Лишь жить в себе самом умей -
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи,-
Внимай их пенью - и молчи!..

Душа каждого человека величайшая тайна есть. Это я понимаю, признаю и уважаю бесконечно. К примеру, меня завораживает мастерство, которым щедро со мною делится Паустовский: «...чтобы дать представление о начавшемся крупном дожде, достаточно написать, что первые его капли громко щелкали по газете, валявшейся на земле под окном». Константин Паустовский магически заражает художественным словом. Сажусь писать слова, буду писать их день за днём, собирать в художественные фразы. Слышу, как капли барабанят по перевёрнутому ведру на балко-

не. Дождь. Художественный мир бесконечно разнообразен и многолик. Мы от рождения имеем возможность впитывать в себя всё, что было создано до нас людьми, посвятившими свою жизнь творчеству. Чем талантливее, глубже, оригинальнее произведение, тем длительнее путь к его признанию. Устоявшееся, то есть, прошедшее испытание временем, содержит в себе те истины, в которых каждые последующие поколения находят для себя созвучное им. Истинный писатель добровольно посвящает свою жизнь литературе, потому что это не просто его осознанный выбор, а тяжёлый крест. Главное, понять, что мир метафизический, то есть мир литературы, и есть единственно реальный. Кто мы, откуда мы, кто создал человека? Вечные вопросы эти и ответы на них многократно записаны в Книге Жизни и ответы на них тоже, но большинство людей даже не догадываются об этом. Писатель пишет, как хочет, совершенствуя своё мастерство, не обращая внимания на критиков и советчиков от литературы. Литературные герои живее живых людей. Я с изумлением наблюдаю, как художественные персонажи начинают управлять мною. У них в моей голове своя голова. Как-то я вспомнила одну старую знакомую, с которой в былые времена нас связывали общие интересы. Вдруг неожиданно для меня самой в одночасье она превратилась в героиню моего рассказа и стала совершать такие кульбиты, что превратилась из милой женщины, какой я её как бы знала, в совершенно зловещую.

- Эмоциональные и умные ваши короткие эссе, Маргарита Васильевна, натолкнули меня на мысль, что вы следуете завету Юрия Олеши, и пишете каждый день. Олеша первопроходец коротких, в одно дыхание, записей. Он закрепил чеховскую краткость, предполагающую, правда, высочайший художественный уровень. Ведь часто крат-

кость - просто информация, Олеша же - художество. Информация не нужна художеству. И даже враждебна. Олеша бросил писать сюжетные вещи. Чем вызвана эта ваша неуголимая жажда Слова?

- Вы знаете, Юрий Александрович, хочется сохранить важные моменты жизни, какие-то мысли и чувства, остановить мгновения, но я не кричу: «Остановись, мгновенье...» - я их записываю каждый день. Продолжительное время я думала, что мир во мне и окружающий мир - и есть один реальный мир. Я была зациклена на себе, переживая период максимализма молодости, недоумевала от несоответствия моего понимания и отношения к событиям с реальностью. Затем постепенно пришло осознание того, что я несю в себе, сознавая саму себя, а не кого-то другого, два мира: мир во мне - мой, и мир вне меня - чужой. Существование в мире вне меня, познание его, умение взаимодействовать с ним, собственно, и есть жизнь земная. Долгое время я пряталась от огорчений внешнего мира в бездонных глубинах художественных миров. Какое-то время пыталась оберегать от внешнего мира мой внутренний мир. Срабатывал инстинкт самосохранения. По мере приобретения жизненного опыта, пришла потребность записывать свои впечатления, и я стала каждое утро писать, потому что именно утром раскрываются сами по себе самые лучшие силы души. Вечерние раздумья, сон создают определённое лирически-романтическое, задумчивое или печальное состояние души, которое потом в суете дня исчезает, растворяется. Вернуться к этому состоянию я уже не могу. К тому же после ежедневной утренней записи, весь день чувствуешь себя превосходно, и с чувством исполненного долга я начинаю новый день. От соприкосновения этих двух миров возникает третий мир - в моих текстах. Всё, что я пишу, живёт своей самостоятельной жизнью. Много-

значность слова «мир» открылась мне, распахнув бесчисленные миры текстов, которые множатся с каждым днём. Самое удивительное то, что написанные мною тексты живут своей жизнью, отдаляясь всё дальше от меня. Вот я и нашла выход, освободиться от тела можно только в записанном слове, проще - в Книге, потому что душа и тело существуют независимо друг от друга. Мои произведения остаются в прошлом, продолжают свою не зависимую от меня жизнь в настоящем и будут жить после меня. Иногда испишешь несколько страниц, но желаемого, как ни бьёшься, не добьёшься. Оказывается, у прозы есть свои секреты. Достаточно эти страницы зачеркнуть, и дать несколько иных фраз, как они вспыхивают новыми красками, чем те длинноты. Из пустяка может вырасти целый рассказ. Надо пристальнее взглянуться в этот пустяк, и, в какой-то момент, возникнет целая история. Оглядывая свою жизнь, я вспоминаю, сколько же в ней было историй! Я работала в библиотеках среди книг, и это казалось мне главным, как работа за зарплату многим людям кажется смыслом жизни. А как иначе? Родился, выучился, устроился на хорошую работу, а дальше что? Жить по заведённым правилам и не подчиняться им - такое могут позволить себе гении, такие как Чехов, Платонов или Булгаков. Любые жизненные перипетии: любовь, измена, несчастье, разочарование... не должны выбивать меня из творческого состояния. Любовь, такое светлое, но и самое коварное чувство, и помогает преодолевать все сложности, как, скажем, в случае с Достоевским, когда ему повстречалась Анна Григорьевна. Прожить жизнь с книгами и не стать писателем, по-моему, просто невозможно.

- Я часто встречаю у вас, Маргарита Васильевна, упоминание моего любимого писателя Андрея Платонова. Он видел слова, а не то, что стоит за словами. В этом его

гений. 99 процентов пишущих пытаются мне все что-то рассказать. А мне ничего рассказывать не надо. Все смыслы сводятся к одному слову - Х. Поэтому нужна только и только форма из слов. Вот пример гениально-корявой Платоновской вязи формы из "Чевенгура": "Четверо прочих, ходивших с Чепурным в степь, пробежали обратно, Пиюся же где-то залег одиноким образом в цепь - и его выстрел раздался огнем в померкшей тишине. Дванов побежал на выстрел с револьвером наружи, через краткий срок его обогнал Копенкин на Пролетарской Силе, которая спешила на тяжелом шагу, и вслед первым бойцам уже выступала с чевенгурской околицы сплошная вооруженная сила прочих и большевиков - кому не хватило оружия, тот шел с плетневым колом или печной кочергой, и женщины вышли совместно со всеми. Сербинов бежал сзади Якова Титыча с дамским браунингом и искал, кого стрелять. Чепурный выехал на лошади, что возила Прокофия, а сам Прокофий бежал следом и советовал Чепурному сначала организовать штаб и назначить командующего, иначе начнется гибель..." и т.д. Андрей Платонов так может писать километрами. И я как замороженный следую за ним. Чем он вас так привлекает?

- Как-то, Юрий Александрович, я пришла к самой великой могиле Армянского кладбища - могиле Андрея Платонова, но огромного, старого дерева, по которому я её узнавала, не было, его спилили. Памятник открылся передо мной как-то иначе, его скромность поразила. Вот могила гения - Андрея Платонова, а величие его состоит не в огромном дереве, не в камне, не в плоти, а в словах, которые он написал. Слава его растёт, и будет расти год от года и век от века. Нужно обладать колоссальной силой воли и мужеством, чтобы сохранять творческое спокойствие и погружаться в себя. Но вспомним, разве Андрей Платонов

работал при более благоприятных условиях в годы, когда пропаганда оглушала поголовно всех бывших крепостных. Страх, отсутствие чувства собственного достоинства, стремление «жить не хуже людей» лишают многих творческого начала. Я не приемлю общие понятия - «весь народ», «большинство жителей нас не поймут...» - для меня они означают никто. Каждый одарённый человек - личность, которая в состоянии заниматься творчеством, ибо только оно и есть смысл жизни. Я беседую с Платоновым часто. Вот открываю «Счастливую Москву», и в очередной раз восхитилась прозорливости автора: «Когда Москва свешивалась из своего окна в вечера одиночества, ей кричали снизу приветствия прохожие люди, ее звали куда-то в общий летний сумрак, обещали показать все аттракционы парка культуры и отдыха и купить цветов и сливочных тянучек. Москва смеялась им, но молчала и не шла. Позже Москва видела сверху, как начинали населяться окрестные крыши старых домов: через чердаки на железные кровли выходили семьи, стелили одеяла и ложились спать на воздухе, помещая детей между матерью и отцом; в ущельях же крыш, где-нибудь между пожарным лазом и трубой, уединялись женихи с невестами и до утра не закрывали глаз, находясь ниже звезд и выше многолюдства. После полуночи почти все видимые окна переставали светиться, - дневной ударный труд требовал глубокого забвения во сне, - и шепотом, не беспокоя сигналами, проходили поздние автомобили; лишь изредка потухшие окна снова освещались на короткое время - это приходили люди с ночных смен, ели что-нибудь, не будя спящих, и сразу ложились спать; другие же, выспавшись, вставали уходить на работу - машинисты турбин и паровозов, радиотехники, бортмеханики утренних рейсов, научные исследователи и прочие отдохнувшие». Мрачный провидец Платонов! Сегодня Москва уходит глубоко под землю со своими стоянками, торго-

выми центрами, расширилась на сорок километров к югу, растёт всё выше и выше этажами офисов и жилых домов. Имперская Москва притягивает всех. Вбирает в себя. Она как слоёный пирог пропитана народом. Прогуливаясь по Бульварному Кольцу, вглядываясь в счастливые, печальные или загадочные лица. Я раскланиваюсь направо и налево с Чеховым, Левитаном, Рахманиновым, Кандинским, Серебряковой, Цветаевой.... - и выбираю, в кого бы из великих мне перевоплотиться. Это совсем как у Андрея Платонова в той же «Счастливой Москве»: «Воображение другой души, неизвестного ощущения нового тела на себе не оставляло его. Он думал о мыслях в чужой голове, шагал не своей походкой и жадно радовался пустым и готовым сердцем. Молодость туловища превращалась в вожделевание ума Сарториуса; улыбающийся, скромный Сталин сторожил на площадях и улицах все открытые дороги свежего, неизвестного социалистического мира, - жизнь простиралась в даль, из которой не возвращаются». Да, со сторожем Сталиным уйдешь и не вернёшься! Для меня главная история - это Героическая история, то есть Божественная, художественная, литература с Христом, Моисеем, Чеховым, Гоголем, Платоновым... Однажды, в знойный день в ожидании очередного температурного рекорда я ощутила себя утомлёнными колосьями ржи, жарой, плывущей волнами по земле, землёй и дождём. Я была грозой, извергала молнии, сплошным потоком заливала ржаное поле, до смерти напугала Наташу и её младшего брата Антошку. Благодаря Андрею Платонову, я совершила путешествие в мир детства, пройдя путь от родной деревни до бабушкиной, протяжённостью километра в четыре, который кажется так велик. Так чувствовать и ставить слова, чтобы передать вкус, запах, живописать быт, деревенскую жизнь, плавно перетекающую от одного поколения к другому, может только прирождённый чародей слова. Мне кажется, что Платонов

просто пропитан словами, знает секрет их души. Рассказ его «Июльская гроза» блистательное подтверждение утверждения Антона Чехова, что важно, как писать, а не что. Неспешно, как бы буднично повествует Платонов о путешествии в гости к бабушке двух ребятишек, но как он передаёт надвигающуюся грозу, изменения неба, земли, настроения, страх, ужас, богатую палитру изменений природы и душевных переживаний. Ожидание смерти и счастье продолжения жизни, всё это я пережила, перечитывая этот рассказ, который так естественно подводит к мысли о том, что нет ничего дороже жизни ребёнка, потому что «ребятишки - дело непокупное». Слова эти в рассказе произносит незначительный персонаж, появляющийся из «глубины хлебов», старик с «думающими глазами». Частенько вспоминаю Андрея Платонова, его умение не только находить слова в устном просторечии, наиболее выразительно передающем мысль, но и его феноменальное умение их сочленять на бумаге. Художественное полотно его произведений именно благодаря самобытным, сочным словам производит на читателя столь глубокое впечатление, например, в рассказе «Земля»: «В детстве нет счету времени. Утро от вечера в двух шагах. Год от году, как от ворот до плетня». И вот сама пишу рассказ. Сомнения терзают меня. Все новые персонажи заявляют о себе, пытаюсь убедить меня в необходимости их присутствия в нём. «Вы только отвлекаете меня, перегружая текст частными подробностями. Моя героиня сама в состоянии выразить глубину своих переживаний, нескольких деталей вполне достаточно для этого, - объясняю я им. У Марка Аврелия в «Размышлениях» есть важное для писателя замечание: «Не делай ничего наугад, а только по правилам искусства». Вот я и стремлюсь следовать им. Стремлюсь я к соразмерности. Слово какое хорошее - соразмерность, а как определить её в тексте? При чтении художественных текстов

Платонова, Чехова, меня восхищает сочетание изображения, глубина, воздух, построение диалогов, в общем, дозировка. Взять, например, рассказ Андрея Платонова «Глиняный дом в уездном саду»: «Деревянная кузница стояла на другом конце сада. В ней работал и неотлучно жил пожилой одинокий кузнец Яков Саввич Еркин. Ему было теперь почти пятьдесят лет, он прожил длинную жизнь, почти непригодную для себя. Когда-то он работал лесным сторожем и проклял лес. Уходя навсегда из казённой избышки, он обернулся к дубовой чаще и сказал ей: - Проклинаю тебя на веки веков, грудь моя забудет все твои деревья, грибы и тропинки. Голова моя не увидит тебя и во сне никогда! Он перекрестил шумящую дубраву крестом прощания и презрения и пошёл от неё в пустошь, опять неимущий и свободный». Герой рассказа «прожил длинную жизнь, почти непригодную для себя». Как умело ставит Платонов слова, какой подтекст! Как описать то, что уже много раз было описано другими? Мне кажется, что для этого нужно найти новые слова, свои слова, в своей интонации. Например, как сказать о хорошо слышащем человеке? Я скажу так: «У него ухо было впереди глаз». Метафора оживляет любое затасканное понятие. Одним из примеров метафорического мышления для меня всегда остаётся гениальный Андрей Платонов, у которого, что ни слово, то - открытие. Вот коронный пример его мышления словами: «Поименный перечень должностей висел на стене. Все люди, согласно перечня и распорядка, были заняты целый день обслуживанием самих себя; названия же должностей изменилось в сторону большего уважения к труду, как-то - была заведующая коммунальным питанием, начальник жилой тяги, железный мастер - он же надзиратель мертвого инвентаря и строительного имущества (должно быть, кузнец, плотник и прочее - в одной и той же личности), заведующий охраной и неприкосновенностью коммуны, заве-

дующий пропагандой коммунизма в неорганизованных деревнях, коммунальная воспитательница поколения - и другие обслуживающие должности». Слова обрастают новыми смыслами в зависимости от места и времени. При виде домов позапрошлого или прошлого века я разговариваю с ними. Они рассказывают мне истории тех людей, которые на протяжении их долгого века жили в них, и на глазах преобразуются, становятся новыми прекрасными, окруженными цветущими садами.

- Все ваши рассказы, Маргарита Васильевна, посвящены женщинам, везде я встречаюсь с их неразделённой любовью, с их душевными переживаниями, с их, казалось бы, непреодолимыми проблемами. На мой взгляд, вы самая проникновенная из пишущих женщин, самая чувственная, способная разгадать все нюансы женских тайн. Как вы пришли к сосредоточению своего творчества, по сути, на одной теме?

- Мне кажется, Юрий Александрович, это вполне закономерным, потому что я росла, училась, работала среди женщин, многими из них восхищалась, некоторым удивлялась, наблюдала за ними, думала о том, что каждая женщина одарена чём-то. Если вдуматься, то все изобретения и поступки мужчины совершают ради женщин. Женщина - врождённый психолог. Женская интуиция творит чудеса, если она прислушивается к ней. Не зря говорят, что женщина - шея: куда захочет, туда и голову мужчины повернёт. В голове моей целая череда образов и впечатлений. Я их проговариваю, а лист бумаги чист. Что я должна сделать, чтобы мои мысли материализовались? Я должна каждый образ перенести на бумагу, но для этого прежде необходимо «прибраться в голове», то есть отделить главную героиню от второстепенных. Это мне всегда удаётся с тру-

дом. Каждый образ требует отдельного рассказа о себе, пытается соблазнить меня яркими эпизодами из своей жизни. Вот я и сижу перед чистым листом бумаги вся в спорах и дебатах с возможными героями. Порой для того, чтобы принять решение мне необходимо отвлечься на какое-то время от размышлений и споров с собой. Решение приходит внезапно, как озарение, и как будто само собой. Вдруг, чётко всплывает картина вместе с героиней, которая оттеснив остальных, вдруг заполняет всё пространство. И я перевоплощаюсь в образ очередной героини, в её внутренний мир, образ мыслей. От себя следует отрешиться, забыть о себе. Решению подобных задач учат в театральных училищах. Приступая к подготовке к роли, актёр полностью вытряхивает себя, освобождая место для очередной роли. А когда ролей не просто несколько, а много!?! Все они живут, растут, меняются в нём. И нужно уметь с ними сосуществовать, а затем и расставаться. Я же должна создать героиню, можно сказать, родить её, наполнить её внутренним содержанием, создать образ. Сколько противоречий, споров с собой приходится пережить прежде, чем она заживет своей жизнью, независимой от моей воли. А это происходит непременно! Задумываешь новый рассказ. Обдумываешь детали. Садись писать, полагая, что он практически готов. Ничего подобного! Предполагаешь одно, а руки твои самостоятельно пишут какие-то другие слова. Перечитываешь и с изумлением понимаешь, что получился рассказ другой, и героиня другая. Задумала рассказать печальную историю о зависти человеческой, о её крайних проявлениях. А героиня получилась светлой, восприимчивой к добру. Она сама довольно решительно меняет свою судьбу, без тебя. Ты только успеваешь записывать. Трудно отказаться от себя, когда очень хочешь, но в процессе творчества это происходит помимо воли, как-то само собой. Когда я думаю о божественной частице, кото-

рая есть в душе каждого человека, я знаю, что там есть тёмная. Стремление удержаться на грани середины, предполагает значительные душевные затраты. Задача состоит в искуплении нижнего мира, поиске искр божественной святости, очищении их от частиц нечистоты и преобразении в мире светлом. Орфей спускается за Эвридикой, чтобы возволить возлюбленную из небытия; хищная птица в своем полете стремится все выше и выше - в безвоздушное пространство и превращается в снег и свет. Для искусства - эта ситуация более чем типична, а для души человека - трагична. Но работая над своими рассказами, я ещё раз убедилась, что без черноты, нет света. Чтобы летать, нужно научиться ползать. Как Чехов начал свою литературную деятельность очень мелкими этюдами, так и я стала писать краткие вещицы, но каждый день. Ангел-Чехов, как классный руководитель, постоянно проверял мои «уроки». Наступил момент, когда вся моя жизнь стала ложиться в мои произведения: и сетования на судьбу, и то, как я постоянно наступала на «грабли», набивала себе шишки из-за собственного упрямства и необдуманных поступков. Всё стало моим материалом, которым я нагружаю своих персонажей - и моё отчаянье, и жалость к себе, и замыкание в собственной углу, дабы спрятаться от жизни. А внутренний голос настойчиво нашёптывал мне: пиши смело, ничего не бойся, всё будет хорошо. Да, понятно, надо принимать всё, что предлагает судьба, и писать то, что мне диктует внутренний голос. Я задумалась о том, что мой любимый Чехов - и есть счастливый случай, который дарит судьба в виде ангела. Чтобы узнать его, нужно, чтобы и к вам в окно залетел Чехов с белыми крыльями вишнёвого сада. Главное, быть открытой к возвышающим переменам, к постоянному творчеству. Новые люди, как новые листья, появляются незаметно, даже, можно сказать, тайно. Появляются ежесекундно, с неизменным любопытством смотрят по сторонам,

пытаясь понять, куда попали, зачем? Родители же возлагают на них свои надежды, убеждая себя в том, что уж дети-то сумеют достичь того, что им не удалось. А ведь беспокоиться следует о том - будут ли они читать книги, и, тем более, писать их? А чего писать-то, ведь уже и так написано столько, что и не прочесть за целую жизнь. Чтение только отвлекает от главного - «хорошей жизни». А книги для них ведь уже писали Чехов и Тургенев, Достоевский и Платонов... Да, этих детей в колясках, играющих в песочнице, катающихся на самокатах не было на свете каких-то пятьдесят лет назад. Хочется верить, что они воспользуются постоянно расширяющимися возможностями развития своего внутреннего мира, проникнут в смысл вечного обновления, и займутся творчеством, приумножая и расширяя бесконечные художественные миры для тех, которые будут играть в песочнице после них, и оставят свою душу жить вечно. Ведь душа человека живет вне тела. Любая хорошо написанная книга дождет своего читателя. Когда и как это произойдет никому не ведомо. Это не зависит от того, когда, как и где она была издана. Достаточно одного читателя, думающего и преданного литературе, который захочет поделиться своим открытием этой книги. Современники, за редким исключением, не могут оценить художественное произведение во всей его полноте и оригинальности. Мешает именно современность, сознание факта, что писатель живет с тобой в одно время, а, стало быть, он такой же, как и ты. Но ещё Пушкин воскликнул - не такой! Причин более чем достаточно: влияние официального признания или непризнания автора, отсутствие вкуса и привычки мыслить, неприятие точки зрения автора, неумение чувствовать глубину произведения, подтекст, банальная зависть... Книги, как и люди, имеют свою судьбу, свой путь к читателю. Писателю нужно быть оригинальным, его должны сразу узнавать, вот, поэтому я и посвятила себя

как бы одной теме - женщинской. Спросят: «А что это за писатель Маргарита Прошина?» Ответят: «Маргарита Прошина пишет только о женщинах!» Конечно, это я с артистической улыбкой говорю. Но узнаваемость и доверие - важные вещи. Часто я представляю себя на сцене. Это когда работаю над новым рассказом. Откуда выходит моя героиня? Из правой кулисы? Или из левой? А, может быть, поднимается на сцену из зала, пройдя его из глубины по проходу. Впрочем, я не люблю, когда актеры внедряются в зрительный зал. В этом отношении я совершенно солидарна с Константином Сергеевичем. Сцена отгорожена от зала стеной. Так же и в рассказе. Героиня выходит как бы из меня и действует уже самостоятельно. Следовательно, я сама себя не узнаю в новом облике. Но я живу в нём. В чем же здесь парадокс? В том, что до написания этого рассказа во мне уже жили другие я. Для нормального человека этот феномен называют раздвоением личности, или попросту шизофренией. А вот в писательстве - это дар свыше. Так раздваивался Чехов. Он же врач, но не рассматривал своё раздвоение как болезнь. Конечно, в состоянии перевоплощения я вовсе не отказываюсь от своего мировосприятия. Я трансформирую свои взгляды и чувства на другого человека. Ведь мой персонаж - это не я. Вряд ли бы Достоевский сказал о себе, что он Родион Раскольников. Хотя убийца жил в душе Достоевского. Как и в каждом человеке живет палач и жертва. Вопрос в том, как управляет поведением мозговой центр. Я уже не могу не считаться с мнением героини. При возникновении серьёзных разногласий с ней, я слушаю в первую очередь её. И что вы думаете? Она начинает говорить то, что именно ей нравится, а не мне. Вот из такого противоречия получается что-то новое. Нужно всё обдумать в тишине. Просмотреть «Даму с собачкой», или «Страдания юного Вертера». Рассказ требует определённой безжалостности. В него просятся мно-

юрий кувалдин беседует с маргаритой прошиной

гие люди. Но я их молча устранию, как неприятных мне людей из друзей в фейсбуке. И опять пред моим взором пустая сцена. Какой рассказ последует? Новые героини просятся в текст, кто из них выйдет на сцену нового рассказа? Я с замиранием сердца жду, кого из них выбрать. Самый захватывающий момент - это предощущение выхода на сцену новой героини.

Беседовал Юрий КУВАЛДИН

“Наша улица” №192 (11) ноября 2015

Григорий Блехман

ЧУВСТВО ВРЕМЕНИ МАРГАРИТЫ ПРОШИНОЙ

(Маргарита Прошина Фортунэта: рассказы. Предисловие Эмиля Сокольского. - М.: Издательство "Книжный сад", 2015. - 448 с. ISBN 978-5-85676-153-4)

Название этого моего эссе определил рассказ автора книги о себе: «У каждого из нас имеется своё чувство времени. Мне Чехов, Гумилёв, Достоевский, Платонов всегда представляются современниками. Я становлюсь старше, а они по-прежнему через художественное видение представляются мне молодыми. Они гораздо современнее и интереснее многих ныне молодых, которые, не обладая образованностью и культурой, искренне считают себя вправе объяснять и влиять, как им мнится, на ход истории. Чувства и разум находятся у меня в постоянном диалоге. Я не думаю о своём возрасте постоянно. Я с неугасающим интересом наблюдаю течение времени вокруг меня... В сущности ведь всё на этом свете относительно - годы, века, тысячелетия..., а вечно лишь то, что записано».

О своём же восприятии того, «что записано», рассказывает: «Я перестала читать содержание. Сюжет меня мало интересует. Если бы только это меня занимало, то я вряд ли бы в который раз стала перечитывать «Степь» Чехова, «Тёмные аллеи» Бунина, «Счастливую Москву» Платонова. Они притягивают меня своей неисчерпаемостью и безбрежностью в лексическом сочленении бездонных глубин. Музыка текста

завораживает меня... Отношения читателя и книги всегда индивидуальны, во многом они зависят от желания и умения читателя погружаться в текст или даже в подтекст. То, что художественную книгу можно читать, а прочесть невозможно, доставляет мне огромное удовольствие...».

Приведённые размышления дают возможность судить не только о литературных вкусах Маргариты Прошиной и философской культуре её мироощущения, они позволяют понять и писательские стремления автора книги, в предисловии к которой Эмиль Сокольский пишет: «Пожалуй, главное, что отличает её прозу - непринуждённость. Прошина будто и не задумывается, каким образом будут развиваться события... речь её льётся словно сама по себе... её рассказы в основном населены простыми людьми, которые озабочены домашними, производственными проблемами, устройством личной жизни...».

Казалось бы, что особенного: мы такое видим и о таком слышим каждый день. Но талант писателя и состоит в том, что самую обыденную историю он может представить так, будто рассказал о близких тебе людях, а порой, и о тебе самом.

Вот рассказ «Уроки деревни», которым начинается книга. Повествует он о молодой учительнице Зое. После пединститута она резко сменила привычную городскую среду, пожелав распределиться в глухую деревню, чтобы учить там детей, о чём мечтала с детства.

Не правда ли, сюжет далеко не нов. Но когда читаешь неторопливое повествование о деревенской жизни, характерах и нравах каждого её жителя, скоро будто сам попадаешь в обстановку этих людей, живущих среди густых туманов, окружающего деревню соснового леса, и серебристо-изумрудных лугов, «где золотятся купола стогов». И меня – читателя завораживает именно «музыка текста». Он будто вливается в меня со всеми его героями, их характерами, судьбами и обстоятельствами, в которые они попа-

дают, напоминая в очередной раз насколько важно в художественной литературе не только ЧТО, но и КАК.

Беру произвольно небольшой отрывок рассказа: «Засыпала Зоя на высокой кровати так быстро, как никогда не бывало в Москве. Её обласкивала молчаливая спящая деревня. Хотя во сне она слышала какие-то неясные звуки, вроде как дыхание леса, или слабого стеснительного собачьего лая, или тревожного, но тихого, какого-то картавого ночного вскрика петуха. За околицей, в темноте полей тархтел, но негромко, колхозный трактор, и трудно было понять, пахал ли то передовик производства или заново вспахивал пашню тракторист-неумеха, из молодых...».

Читаешь и невольно испытываешь такое же состояние, что и героиня, поскольку такой «аромат прозы» способен вызвать в твоей эмоциональной памяти созвучие, какого, в конечном счёте, и хочет писатель.

И так в любом эпизоде любого рассказа книги, где основные роли отданы женщинам. Последнее неудивительно, поскольку автор - женщина. А потому и глубже любого мужчины знает о психологии представительниц лучшей половины человечества - их сильных и слабых сторонах, внутренних тревогах, сомнениях, утратах, обретениях, преодолениях... И что важно, – каждая из героинь индивидуальна, потому и интересна.

Есть и очень оригинальные персонажи. Например, героиня рассказа «Её волшебное озеро» – талантливая сотрудница НИИ, кандидат экономических наук, красавица Лебедева, которая не может разобраться в парадоксальности своего отношения к мужчинам. С одной стороны, больше одной встречи, во время которой всегда происходит «всё и сразу», не допускает: «Ни с одним из мужчин второй раз она никогда, нигде, ни при каких условиях не встречалась, и не хотела встречаться. Они стирались из памяти, как стирается ластиком карандаш с листа бумаги.

Нет, и не было. Кажется Лебедева стала понимать самку богомола, которая убивает самца после спаривания». С другой, - после рассуждения: «Сама думаю, как бабы могут с одним мужчиной прожить» – продолжает - «Я вообще мужчин люблю. Мне с бабами скучно. Я всех мужчин люблю. Они какие-то не такие, как вы. И каждый мне помимо зашкаливающего удовольствия что-то даёт. Даёт такое, с чем я ещё в своей жизни не сталкивалась, что-то новое, от которого по всему телу пробегает пленительная дрожь».

Вот в таких парадоксальных, на её взгляд, ощущениях и живёт. Может, пока ни встретит того, от которого не захочет уйти. А не встретит, может и это её устроит, как самку богомола, но более гуманную.

Автор об этом речи не ведёт, оставляя читателю полную свободу размышлять о явлении своей героини и её будущем.

Должен отметить, что Маргарита Прошина ни в одной истории не навязывает своего мнения. Она лишь рассказывает, полностью доверяя читателю самому что-то неожиданное открывать в её персонажах или вспоминать о подобных чертах и обстоятельствах у знакомых ему людей.

Поэтому, прочитав любой её рассказ, понимаешь, насколько в каждом из нас велика степень таинственности нашего внутреннего мира, который в конечном счёте и диктует нам поступки, а также, определяет меру жизнестойкости.

Об этой мере жизнестойкости, на мой взгляд, замечательно поведала автор в рассказе «Фортуэнэта» - героиня, именем которой и названа книга. Имя же определялось тем, что рождена героиня от русского папы испанкой мамой.

«Фортуэнэта родилась в Лондоне 9 мая 1899 года. Отец её, Владимир Иванович, состоял на дипломатической службе в посольстве российской империи...». А в 1913 году семья вернулась в Санкт-Петербург и поселилась на Васильевском острове. «Отец был очень постоянен в своих

привычках и набивал трубку английским табаком «Вирджиния»... Кабинет запомнился ей как внушительная комната с высокими окнами, тяжёлые шторы на которых редко раздвигали, поэтому там всегда был полумрак, придававший некую таинственность. Высокие книжные шкафы с резными дверцами, заполненные солидными фолиантами с позолоченным тиснением на корешках, бюро с многочисленными ящичками, отец с трубкой в руке...».

И вот – эпизод: «С трудом приоткрыв тяжёлую дверь, Фортунэта вбегает без стука в кабинет с рыжим котёнком... и с порога возбуждённо говорит: «Папа, папа! Посмотри скорей, какой чудесный котёночек! - и тут же сбивчиво и громко с мольбой в голосе продолжает: Папа, будь добр, разреши оставить его, он такой малюсенький, беззащитненький..., я буду сама ухаживать за ним! Скажи мадам!.. Отец молча дописал что-то, держа вишнёвую трубку, поднял голову и негромко сказал: «Котёнок - это хорошо, но тебе ведь давно известно, деточка, что без стука врываться в кабинет, когда я работаю, нельзя. Говорить следует спокойно, ни при каких обстоятельствах не повышая голоса... Хорошо, ты можешь оставить котёнка, только попроси горничную испустить его, и обсуди с мамой, как его устроить. А теперь ступай, разденься, приведи в порядок себя и своего друга...».

В такой обстановке, определяемой временем, положением семьи и нравственными её устоями прошло детство и отрочество героини. И это дало ей внутренний стержень на всю дальнейшую жизнь.

А жизнь после известных событий октября 1917 года развивалась так, что Фортунэту, как и многих, подобных ей бросила новая власть «из князи - в грязи». Поколесила она по свету, довелось даже побывать в лагере для перемещённых лиц... Но, видимо, тот самый стержень, характерный для русской интеллигенции, был настолько силен, что никакие обстоятельства - не то что не сломали: даже

не согнули. И когда она тихо заканчивала жизнь в Херсоне продавщицей галантерейного магазина, покупатели ежедневно могли видеть: «Небольшого роста, очень худенькая, с едва заметной сединой в рыжих волосах, лицо и руки в веснушках, Фортунэта стояла за прилавком, как маленькая балерина, с очень прямой спиной. Захочешь выпрямить так свою спину, и не получится. В ней была аристократическая осанка. Речь Фортунэты настолько отличалась от херсонского говора, что рядом с ней все становились какими-то вежливыми и невольно подтянутыми».

Заканчивается рассказ той же интонацией мягкости, с какой автор подаёт полную трагических обстоятельств судьбу героини: «Фортунэта была необыкновенно предупредительна с покупателями и приветлива, и всегда предлагала свою помощь в подборе пуговиц в зависимости от ткани, цвета, фасона».

Следует сказать, что каждая история этой книги заканчивается фразой, долго в тебе звучащей. И не отпускает она, наверное, потому, что любой рассказ Маргариты Прошиной, даже, порой, довольно жёсткий, наполнен любовью и теплом к тем, о ком автор пишет.

Поэтому захотел поделиться прочитанным и поблагодарить писателя за чувство времени и глубину внутреннего мира, которые передаются мне - читателю, и что-то, в результате, во мне «прорастает».

Книга Маргариты Прошиной "Фортунэта" в библиотеке "ImWerden" Мюнхен

"Наша улица" №192 (11) ноябрь 2015

С небольшими сокращениями эссе Григория Блехмана о книге Маргариты Прошиной "Фортунэта" под заголовком "Нельзя вбегать без стука" опубликовано в "Независимой газете"

Эмиль Сокольский

В ПОТОКЕ КЛАССИКИ

Предисловие к книге
Маргариты Прошиной "Фортунета"

Маргарита Прошина пишет спокойно и естественно - так, словно её литературная деятельность началась с самого юного возраста. Лишь только открываю книгу, чтобы познакомиться с автором, войти в её художественный мир, воспринять манеру письма - как сразу забываю о том, что ещё минуту назад этот писатель был мне совершенно неизвестен. Прошина говорит со мной так, будто знает меня много лет, будто давно уже писала специально для меня, и будто мои литературные предпочтения ей понятны и близки.

Прошиной не нужно меня как читателя завоевывать, заинтересовывать, задерживать на чём-то моё внимание. С первых же слов я отдаюсь течению её речи, слышу её внятный негромкий голос, вижу всё, о чём она рассказывает - и сам становлюсь героем или персонажем её повествования. Говорит ли это о моей - безусловно, похвальной и необходимой для восприятия художественного произведения - чуткости, или есть причины объективного характера?

Читательский талант - вещь, конечно, важная. Но ведь этот же самый талант - избирателен, предполагает строгость оценок, не жалуется вторичности, ему подавай достойное качество. Что можно сказать о прошинских сочинениях?

Начну с того, что Маргарита Прошина - писатель позднего старта. Богатый жизненный опыт, неустанное чтение

книг, работа в библиотечной сфере - видимо, и сформировали её как будущего писателя. Потребовался лишь толчок, счастливое стечение обстоятельств, чтобы Прошина открыла себя читательскому миру. Этим толчком послужила встреча с писателем Юрием Кувалдиным, первооткрывателем писательских талантов, прошедших школу художественного письма в его журнале "Наша улица", где Прошина показала себя вполне сложившимся автором.

Пожалуй, главное, что отличает её прозу - непринуждённость. Прошина будто и не задумывается, каким образом в её рассказах будут развиваться события; её не останавливает "страх перед чистой страницей": проза Маргариты Прошиной по своей природе близка самой природе; речь её льётся словно сама по себе, "ни о чём" и "нипочему", а главное - биение самой жизни, где каждая минута наполнена не всегда уловимым смыслом, и с каждой минутой - всё больше хочется жить, всё больше наполняешься каким-то невидимым богатством, чувством значительности жизни. Не в этом ли высшее предназначение писателя: выразить в слове всю многообразную красоту мира, красоту человеческих отношений, которая явлена в простом, на первый взгляд незначительном, и особенно остро - при контрасте с уродливыми сторонами жизни - всяческим негативом. Прошина нашла себя в жанре рассказа, что уже - признак опытности: рассказ дисциплинирует, вызывает к экономии средств, высокой концентрации мыслей и образов, композиционной цельности, взвешенности. Однако вместе с тем произведения Прошиной напоминают маленькие повести - столько в них непредсказуемых сюжетных ходов и действующих лиц.

Открываем наугад книгу.

"Зою разбудили крики петухов. Она открыла глаза и не поняла, где находится. Её еще полусонный взгляд скользнул по тускло белеющей печи и остановился на слабо го-

ревшей лампадке в углу под иконой Спасителя в большом серебристом окладе. Из тесаных бревенчатых стен кое-где из пазов свисала пакля".

Так начинается рассказ "Уроки деревни". Действие развивается неторопливо. Автор бережно разворачивает повествование, задерживаясь на каждой детали; мы подробно видим и окончательно пробуждающуюся Зою, и обстановку избы, и то, что за окном: накрытую густым туманом деревню. Этой деревне далее посвящается несколько поэтичных строк: окружена сосновым лесом, который стоит на ковре голубых мхов, и серебристо-изумрудными лугами, где золотятся купола стогов

Собственно, в этом рассказе - вся Маргарита Прошина. Вообще, читатель сразу должен настроиться на то, что не внешней занимательности нужно ожидать от книги. И в "Уроках деревни" - вроде бы никаких особенных событий и не происходит: девушка приехала в деревню учительствовать, и вот она знакомится с местными жителями, с укладом жизни, вовлекается в хозяйственные заботы, проводит первые уроки... Ритм прошинской прозы словно бы в ладу с ритмом деревенской жизни: ни суеты, ни многословия, речь размеренна, рассудительна, Прошина не чуждается развёрнутых отступлений - без которых рассказу никак не обойтись, настолько они необходимы для живого портрета героини, за которой угадывается сам автор - "родом" из литературы. Некоторые фрагменты заставляют и меня вспомнить детский холодок восторга перед корешками книг в шкафу - ещё не читанных, манящих: "Всегда, с детства, Зою интересовали книги. Но поскольку книг в доме было много, к книгам относились безалаберно, раздавали читать направо и налево, и многие книги зачитывались навсегда. А Зоя, еще учась в начальной школе, пыталась их как-то систематизировать. У Зои было два варианта систематизации. Допустим, расположить книги по алфавиту

стран, как сначала она думала. И когда стала смотреть предисловия, послесловия, где содержались сведения об авторах, решила, что интереснее будет хронологическая систематизация, когда будет видно, как развивалась литература, а уж потом расположить по странам".

Но вот место в рассказе - для меня едва ли не самое в нём трогательное, - но чем оно столь трогает меня? - своей абсолютной непридуманностью, искренностью, душевной чистотой. Такой прозе веришь непрекословно:

"У Зои была страсть к учительству. Каждая кукла имела у неё своё имя: Наташа, Нелли, Инна, Татьяна и Геночка. Наташа была самая крупная целлулоидная с большими синими глазами, в бордовом, строгом платье в складку. Она была отличницей и старостой класса. Нелли - очень кокетливая, немецкая, из папье-маше, с белыми кудрявыми волосами, и платье у неё было легкомысленное - белое, в оборочках с синими цветочками. Училась она на тройки. Инна была со стрижкой мальчика. Она была дисциплинированная и хорошистка. Татьяна - самая красивая ученица в классе, немецкая кукла с закрывающимися голубыми глазами и прекрасными белыми локонами. У неё было самое красивое гипюровое платье и белые туфельки с белыми носочками. Только Танечка ходила в школу с красной сумочкой, которую Зоя ей сделала. Танечка была гордостью класса. Геночка, почему-то Зоя всегда называла его ласково, был болезненным мальчиком, в синих штанишках и белой водолазке".

Чем заканчивается рассказ? Героиня впервые в жизни купается в баньке, затопленной по-чёрному - и едва не теряет сознание. На неё выливают два ведра холодной воды, укутывают в полотенце, отводят в избу. "И сутки потом Зоя пролежала больная". Дальше - действие могло бы развиваться в любом направлении; однако автора интересует лишь живой, насыщенный впечатлениями отрезок жизни,

свободный её поток, - вот ещё одно доказательство писательской опытности.

Язык Прошиной далёк от книжности; она вроде бы и не заботится о литературности; художественная задача не сводится к "рассказыванию историй", что столь популярно в литературе по сей день.

Художественное Прошина находит везде, даже, например, в серой жизни обитателей фабричного барака (рассказ "Ледяйкина"): "На табурете поблескивала тарелка. Оттенки на ней от белого становились то матовыми, то лиловыми, то светло-серыми. На тарелке лежало яблоко. Один бок красный, другой - трёхцветный в рыжую с красным полосочку, а ещё одна часть яблока хвалилась своим светло-зелёным пятнышком". Кроме того, прекрасное едва ли не насильственно врывается в безрадостную обыденность: по радио в бараке говорят о Моне, Куинджи, Мусоргском, и автор, словно бы равняясь на высокие имена, уверенно подтягивает рассказ до высокохудожественного уровня. И ещё - важное замечание: Прошина любит повседневные мелочи, у неё вкус к явлениям будничной жизни в литературе; можно сказать и так: Маргарита Прошина - певец быта, непозитических подробностей повседневного существования; её рассказы в основном населены простыми людьми, которые озабочены домашними, производственными проблемами, устройством личной жизни. Любопытен в этом отношении "Дневник библиотекарши": в нём много места уделено рабочей текучке; однако - на примере этого рассказа особенно - хорошо видно, насколько быт преобразуется, будучи выраженным в талантливом художественном слове. И постигаются важные вещи: "Сколько времени я потеряла в молодости! Болтались с подружками, то в кино, то в компаниях. Ссорились, мирились, спорили. О чём, из-за чего? Никто уже не помнит. Где эти подружки? Разбежались. Исчезли. Я

почти ничего не читала. Дома вечно какие-то домашние дела. Мама, каждый раз увидев меня с книгой, говорила: "Ты опять с книжкой? Делом займись". Конечно, чтение ведь для неё все равно что безделье".

Под впечатлением от рассказа "В зеркалах" не могу себе представить у зеркала женщину, которой бы не хотелось всегда стоять у него дольше, чем это нужно.

Через все рассказы Прошиной проходит уверенно женская тема. Поначалу это немного смущает, можно ведь расширить горизонты, но по мере погружения в художественную ткань прозы Прошиной приходит понимание, что в рамках своего творчества каждый автор сам себе и Бог, и гений. И законы в нём - свои. И правда - своя.

Рассказ "Последнее слово" заставил меня вспомнить Бердяева: "Христианство учит прежде всего беспощадному отношению к злу в себе. Но истребляя зло в себе, я должен быть снисходителен к ближнему. Максималистом я должен быть в отношении к себе, а не к другим. Ложный морализм и заключается в этом максимализме в отношении к другим людям.

Я должен прежде всего в себе и в своей жизни явить силу и красоту добра, а не осуждать других за то, что в них не явлена эта сила и красота, когда она и во мне не явлена, не принуждать их к тому, к чему я сам себя не смог принудить".

В эту книгу вошли только рассказы Прошиной, хотя у неё есть бесчисленное количество эссе. Я очень благодарен писательнице за такую запись:

"Моё знакомство с творчеством Эмиля Сокольского началось с предисловия к собранию сочинений Юрия Кувалдина в 10 томах (2006) "Запредельная проза". Текст захватил с первых же строк. Глубина проникновения в произведение, мысли, синтаксис, лексика - всё дышит свежестью, оригинальностью и доброжелательностью. Безусловно,

творчество Юрия Кувалдина не укладывается ни в какие схемы, как и личность самого писателя, и Эмиль Сокольский блистательно это показывает, анализируя творчество писателя. Я питаю особую страсть к предисловиям, послесловиям, примечаниям, но ничего лучше я не встречала прежде. Предисловие очаровало меня, ввело в неисчерпаемый "второй текст", насыщенный глубинными философскими течениями, которые, как магнит, притягивают, увлекают парадоксальными открытиями и свободой. Произведения Юрия Кувалдина поражают своей раскованностью, смелостью и дерзостью, так же как и предисловие Эмиля Сокольского, которое вводит читателя в мир литературы. Ибо, сказано, Кувалдин и есть сама Литература. Он не ждет от нее материальных благ. Он сам несёт в нее деньги. "Он выпускает книги одаренных "некоммерческих" авторов и ежемесячный литературно-художественный журнал современной русской литературы "Наша улица". И, заметно никуда не спеша, успеваешь всё. Кто знает, сколько филологов будет кормиться на его имени, как мечтал кормиться на Достоевском Егоров?" Я воспринимаю предисловие Сокольского как самостоятельное высокохудожественное произведение".

Правда, с первого раза я не понял: это написано на самом деле обо мне? - или о Кувалдине?..

Кстати говоря, в "Новых тайнах" (вместо послесловия), помещенных в конце этой книги, Маргарита Проршина очень точно расставляет акценты в понимании художественной прозы:

"Пишу рассказ. Сомнения терзают меня. Все новые персонажи заявляют о себе, пытаюсь убедить меня в необходимости их присутствия в нём. "Вы только отвлекаете меня, перегружая текст частными подробностями. Моя героиня сама в состоянии выразить глубину своих переживаний, нескольких деталей вполне достаточно для этого", -

объясняю я им. У Марка Аврелия в "Размышлениях" есть важное для писателя замечание: "Не делай ничего наугад, а только по правилам искусства". Вот я и стремлюсь следовать им. Стремлюсь я к соразмерности. Слово какое хорошее - соразмерность, а как определить её в тексте? При чтении художественных текстов Платонова, Чехова, меня восхищает сочетание изображения, глубина, воздух, построение диалогов, в общем, дозировка. Например, рассказ Андрея Платонова "Глиняный дом в уездном саду": "Деревянная кузница стояла на другом конце сада. В ней работал и неотлучно жил пожилой одинокий кузнец Яков Саввич Еркин. Ему было теперь почти пятьдесят лет, он прожил длинную жизнь, почти непригодную для себя. Когда-то он работал лесным сторожем и проклял лес. Уходя навсегда из казённой избышки, он обернулся к дубовой чаще и сказал ей: - Проклинаю тебя на веки веков, грудь моя забудет все твои деревья, грибы и тропинки. Голова моя не увидит тебя и во сне никогда! Он перекрестил шумящую дубраву крестом прощания и презрения и пошёл от неё в пустошь, опять неимущий и свободный". Герой рассказа "прожил длинную жизнь, почти непригодную для себя". Как умело ставит Платонов слова, какой подтекст! Отношение героя к труду немилому подневольному, характеристика самого героя, его история, правила искусства познаются в процессе чтения и создания художественных произведений".

Многие женщины в рассказах Прошиной целомудренны. В наши дни понятие "целомудрие" сузилось до "половой чистоты", но значение его шире. Во-первых, это "целостность". Целостность - то, что противостоит злу, то есть - распаду, а потому вне целостности - жизнь невозможна. И второе, нераздельное от целостности - мудрость: то есть мир и гармония души, ума, сердца. Целомудрие, смиренное мудрие, терпение, - это основа любви. Любовь - одно-

временно и двигатель нашей жизни, и цель её. Нет любви - нет жизни.

Мargarита Прошина - автор непредсказуемый; никогда не знаешь, чего ожидать от её очередного рассказа, и тем более - чем он окончится - особенно если учесть, что Прошина способна и смело выйти за границы реальности, - как, например, происходит в "Огнях Москвы":

"Ей показалось, что за ней неотрывно наблюдают испуганные глаза пассажиров из рядом едущих машин и автобусов. Впереди вдруг возникла какая-то светлая в ночи арка, или нечто похожее на выход из тоннеля.

Софья приложила еще большее усилие, придавливая стекло вниз всем корпусом. Стекло наполовину опустилось.

И в этот момент Софья ощутила прохладное прикосновение чьих-то рук к спине. Она оглянулась и увидела яркие павлиньи перья, которые стали прямо на глазах с невероятной скоростью расти прямо из лопаток, совершенно незаметно превращаясь в её руки. А сами руки растворились в этих павлиньих крыльях, которыми она продолжала опускать стекло.

Порыв ветра ворвался в комнату, разметав длинные волосы Софьи, распушив веером её невыдуманные крылья, с лёгкостью подхватил её самую высокую волной, и вынес в распахнутое окно.

Софья стала невесомой, воздушной, невиданной птицей с роскошным опереньем плывущей по переливчатой глади ночного неба".

Однако что такое "выход за пределы реальности?" Что такое на самом деле реальность? Реально только то, что закреплено в слове; вся остальная так называемая "реальная жизнь" исчезает бесследно. Прошина это прекрасно понимает; и не о себе ли самой она пишет в рассказе "ЕГЭ"? - "Курбская родилась в старинных книгах и до са-

мозабвения, до перевоплощения, до исчезновения любила не просто читать их, а жить в них единственно реальной жизнью".

Художественные предпочтения Прошиной вполне определённы - она вся вышла из классики: "До чего же психика человека зависима от множества самых неожиданных моментов, происходящих внутри и вокруг него! Перемену состояния уловить, передать это преобразование художественно одной лишь фразой, но чтобы читатель увидел и уловил миг этот, чтобы сам его пережил, почувствовал, для меня - вершина, которую я стремлюсь покорить. Читая Чехова, упиваясь каждым словом, я сделала очередное для себя открытие, перечитывая его рассказ "Случай из практики". Каждое новое прочтение показывает все до этого неизвестные тайны текста, поражающие меня бездонностью. Вот герой рассказа Королёв входит в спальню больной Лизаньки: "Совсем уже взрослая, большая, хорошего роста, но некрасивая, похожая на мать, с такими же маленькими глазами и с широкой, неумеренно развитой нижней частью лица, непричесанная, укрытая до подбородка, она в первую минуту произвела на Королеву впечатление существа несчастного, убогого, которое из жалости пригрели здесь и укрыли, и не верилось, что это была наследница пяти громадных корпусов". Королёв осматривает больную и вдруг: "В это время принесли в спальню лампу. Больная прищурилась на свет и вдруг охватила голову руками и зарыдала. И впечатление существа убогого и некрасивого вдруг исчезло, и Королев уже не замечал ни маленьких глаз, ни грубо развитой нижней части лица; он видел мягкое страдальческое выражение, которое было так разумно и трогательно, и вся она казалась ему стройной, женственной, простой, и хотелось уже успокоить её не лекарствами, не советом, а простым ласковым словом". Свет лампы и всё переменилось в одно мгновение. Какое полот-

но художественное: обстановка, портрет, настроение, чувства, размышления. Всё переменялось, когда принесли лампу! Я перечитываю снова и снова, восхищение моё не угасает. Мне хочется впитывать каждое слово этой как бы будничной прозы".

Прошина умело использует изобразительные средства языка, в том числе сравнения. Например, в рассказе "Азбука" есть такое: "Она росла, как травинка под солнышком, и не знала отказа ни в чём", - сразу возникает образ не возделанной культурой женщины, вышедшей в жизнь прямо из природы. Тут уместны неожиданные мысли из книги Филиппа Жакоте "Пейзажи с пропавшими фигурами" (его называют одним из великих поэтов XX века):

"Сравнения всегда говорят больше, чем нужно, они оправданы лишь отчасти; их следует воспринимать как указатели на пути к цели. Эти явления, эти пейзажи не должны рядиться в чужие одежды; поэтические образы не могут подменять собою реальность, их задача - показать, каким образом эта реальность раскрывается и впускает нас в себя. Непростая задача... Сравнение способно увести прочь от истины, а прямое высказывание уничтожить её плоть, оставив лишь голую схему, скелет... И выходит, что цель поэзии заключается не столько в том, чтобы найти связь между двумя предметами и сделать так, чтобы это новое единство парило над ними, мерцая, но погрузиться вглубь одного или нескольких предметов или явлений и идти в том направлении, куда им вздумается нас повести".

Есть места в рассказах Прошиной, которые веют душевным покоем, при, в общем-то, беспокойных жизнях персонажей, дышат природой. Драматичный рассказ "Проводница" уравновешен этим изредка случающимся душевным покоем: "Синева, насыщенная, глубокая синева моря показала Ларисе настолько ослепительной, что у неё перехватило дыхание. Она замерла и судорожно сделала не-

сколько глотков воздуха, как рыба на берегу. Влажный, прохладный воздух с ароматом утренней росы привёл её в чувство. Она зажмурилась, сладко потянулась, воскликнув: "Господи, хорошо как, спасибо!" Раскинула руки, как бы желая обнять утро, небо, аромат трав. В эту минуту ей казалось, что она может сделать невозможное. Она не могла даже себе объяснить, откуда это ощущение полноты жизни? Голова закружилась от свежести летнего утра. Синева была ослепительна. Такими же синими, как море, были ставни на окнах в доме Сергея. Луч солнца отражался в них и, казалось, что это частички моря. Это она попросила свёкра, она искренне считала родителей Сергея папой и мамой, покрасить ставни в синий цвет, а дом покрасили почти в белый цвет. Добавив в него чуть-чуть краски лимонного цвета. Дом преобразился до неузнаваемости, особенно тогда, когда Лариса посадила три сорта садовых ромашек в палисаднике перед домом. Ромашки выросли и красовались на высоких сочных стеблях, которые смотрятся особенно выразительно на синем фоне. У ромашек крупных белые лепестки в два ряда плотным кольцом опоясывают золотую серединку, и стебли более устойчивые, они держат гордо свои самостоятельные головки. Ромашки помельче изящно поворачивали свои трогательные головки, неукоснительно следуя за солнцем. Самые мелкие ромашки своими ажурными лепестками напоминали искусные изделия вологодских кружевниц. Они придавали ромашковому полотну особое изящество. Ромашковое облако ранним утром искрилось на солнце капельками росы. На фоне неба - дом с палисадником как бы слегка парил над землёй. А дальше начиналось море...".

Прошина отчётливо понимает, что проза должны дышать поэзией, тёплыми красками, вызывая в душе читателя счастливый отклик доброжелательности. Мне очень близко это настроение и я за то, что нужно, чтобы пример

был хорошим и чтобы в человеке, который читает то, что ты пишешь, откликалось хорошее и чтобы он смотрел в сторону хорошего.

Рассказ "Фортунэта", давший название всей книге, тронул меня мягкостью подачи трагедийной судьбы героини. Вот фрагмент счастливой жизни: "Фортунэта выжидательно вглядывается в полумрак кабинета. Но в сумраке видит только клубы дыма, который потом был связан с памятью об отце. Отец был очень постоянен в своих привычках и набивал трубку английским табаком "Вирджиния".

Пытаясь уловить реакцию отца, который сидел в кресле за письменным столом, на зелёном сукне которого поблескивал в свете бронзовой настольной лампы малахитовый письменный прибор и подставка с курительными трубками, она торопливо гладила котёнка.

Это было одно из самых трогательных воспоминаний Фортунэты - день, когда она вбежала к отцу с котёнком. Кабинет запомнился ей как внушительная комната с высокими окнами, тяжёлые шторы на которых редко раздвигали, поэтому там всегда был полумрак, придававший некую таинственность. Высокие книжные шкафы с резными дверцами, заполненные солидными фолиантами с позолоченным тиснением на корешках, бюро с многочисленными ящичками, отец с трубкой в руке. Стоило Фортунэте подумать об отце, как перед ней отчетливо возникла эта сцена".

Почему я привёл именно этот фрагмент? Потому что при большевизме Фортунэте пришлось хлебнуть горя, посидев в лагере для перемещённых лиц, а потом тихо заканчивать жизнь продавщицей галантерейного магазина. Формула, развёрнутая "властью народа": из князи - в грязи. Только социальное унижение Фортунэты никак не сказалось на её умной душе: она оставалась интеллигентной, предельно воспитанной женщиной. При чтении этого рассказа Про-

шиной невольно зазвучало в моей душе стихотворение Зинаиды Миркиной:

И есть всего одна задача -
Других, наверно, в мире нет:
Нашупать дно среди бездны плача,
В крошечной тьме увидеть свет.
И в совершенной тишине,
В неё вращая понемногу,
Почувствовать живого Бога,
Раздвинувшего сердце мне.

Читаю рассказ Прошиной "Поня" и, словно проснувшись, раздвигаю занавески - а на меня в упор смотрит утро. Поня "...вспоминала, как мамынька, Манефа Яковлевна, как бы не касаясь пола, легко вплывала в освещенную осенним солнцем горницу, с большой русской печью, и ставила старую берестяную корзину с картошкой на гладкую лавку, отполированную за долгие годы службы многочисленным семейством. На мамыньке было домотканое расшитое синими и красными лентами платье, на ногах - войлочные белые тапочки с синенькими из таких же ленточек цветочками, на голове - вязаная в форме цилиндра шапка с вплетенными там и сям узорами из толстых пестрых ниток".

Рассказы Прошиной столь женственны, доброжелательны и пластичны, даже если в них развёртывается драматическая судьба героинь, что невольно вспоминаю Чехова (правда, зрелого, а не раннего-юмористического, и не пьесы его, которые мне кажутся фальшивыми). Оттого, что он из Таганрога, в котором я люблю гулять, Чехов воспринимается мной едва ли не как добрый сосед. И Чехов, и Прошина и я довольно спокойны по характеру, и к людям я, за редким исключением, отношусь без негодования. Так вот: фраза из "Петербургского буерака" Алексея Ремизова, ко-

торую оценил Михаил Гаспаров, - она приведена в его "Записях и выписках": "Чехов относился к России как врач, а на больного не кричат".

В замечательном рассказе "Её волшебное озеро" вызывает в памяти целый поток ассоциаций такая характеристика героини: "Лебедева старалась ни с кем не ссориться. Она избегала выяснения отношений, предпочитала сама попросить прощения, даже если была права".

Я сразу задумался о способности прощать.

Что касается меня - я людей прощаю. Из великодушия? Нет, - с таким же успехом можно было бы сказать - из равнодушия. Однако всё проще. Дело в том, что я понимаю: человек существо непростое, неоднозначное, часто - не очень счастливое, иногда плохо понимающее, что делает и что говорит; он попросту бывает заложником своего скверного характера (или плохого настроения), о сказанном-содеянном может впоследствии жалеть, удивляясь себе самому... Или не жалеть, - но тогда уж если человек держит зло - значит, ему хуже приходится, чем мне, который зла не держит, и его можно пожалеть. Есть, правда, люди, которые получают адское наслаждение оттого, что причиняют зло, - но это уже клиника: тем более - почему бы не простить? В общем, вовсе не обязательно продолжать общение, но не прощать - бессмысленно и даже вредно, ибо непощение - будет жить во мне, а зачем оно мне нужно? Хорошая проза призывает к размышлениям, и произведения Прошиной всею своею художественной тканью направлены на это.

Я объёмнее, яснее представил Маргариту Прошину, посмотрев телефильм "Задумчивая грусть" (такое же общее название носят циклы её эссе), особенно меня тронул финал фильма, где она уходит, покачивая плечиками, в даль переулка под чудесную песню в исполнении Изабеллы Юрьевой "Бирюзовые колечки". Сама Прошина вот что пишет о певице:

"Голос, интонация, проникновение в текст и подача его - всё меня в ней завораживает. Изабелла Юрьева прожила почти целый век. Но, кажется, что она моя современница. Она пережила взлёт, успех, забвение, возвращение из небытия на сцену. При этом сохранила уникальное мастерство подачи романсов, за что в период необычайной популярности получила прозвище "белая цыганка". Как она бережно относится к каждому слову. В каждом исполнении песни чувствуется филигранная работа над интонацией, музыкальной фразой, дикцией. Да, это культура минувшего века. Она ушла "в невозвратную даль", но записи её концертов сохраняют для нас её песни. Изабелла Юрьева с первых звуков своего чарующего голоса берёт слушателя в плен. Когда я слышу "Бирюзовые, златы колечки..." в её исполнении, то невольно улыбаюсь, передёргиваю плечами, и мысленно переношусь на яркий праздник начала предыдущего века. Вижу удалую тройку, румяных гимназисток, храбрых военных, дам и кавалеров, которые кружатся в зале под захватывающие дух песни незабвенной Изабеллы Юрьевой".

Я поймал себя на мысли родственности наших душ, потому что сам обожаю творчество Изабеллы Юрьевой. У Изабеллы Юрьевой была прекрасная память. Обычно, когда я звонил ей спустя месяц после нашего последней беседы, она как ни в чем не бывало напоминала: "Помнишь, на чем мы остановились? Так вот..." - и продолжала тему. Говорить любила долго... Однажды память Юрьеву, вроде, подвела. Когда я с радостью поделился впечатлением от ее исполнения песни Дунаевского "Вечер вальса" (непривычный для "белой цыганки" репертуар! - до того мне попадались только "романсовые" пластинки певицы), она пренебрежительно бросила: "Не пела я такого! Не помню!" Об одной песне, за давностью лет, забыть можно... Однако спустя время в мои руки попали другие диски Юрь-

евой с подобным репертуаром, и уж тогда на сообщение о моих находках она пробурчала: "Ну, спела две-три песни, потому, что заставляли петь советский репертуар. Не хочу вспоминать, и ты не вспоминай. Слушай лучше романсы!" А после того, как я прислал Изабелле Даниловне запись передачи о ней, в которую включил песню "Возле города Тамбова", она месяца три со мной не разговаривала...

У прозы Маргариты Прошиной свой звук. Её манера письма порой может показаться несколько жёсткой, но в рассказах, из которых состоит эта книга, столько любви к жизни, столько внимания и тепла, что нельзя не почувствовать, что каждая страница наполняет нас внутренним богатством, расширяет и обостряет наше зрение.

Ростов-на-Дону, март 2015

Маргарита Прошина Фортунэта: рассказы. Предисловие Эмиля Сокольского. - М.: Издательство "Книжный сад", 2015. - 448 с. ISBN 978-5-85676-153-4

Книга Маргариты Прошиной "Фортунэта" в библиотеке "ImWerden" Мюнхен

"Наша улица" №192 (11) ноябрь 2015

Маргарита Прошина

ЯХОНТОВ ИЗ МАНСУРОВСКОГО

(писатель и драматург Андрей Яхонтов)

Выйдет Яхонтов из дому, посмотрит налево, посмотрит направо, перейдёт на ту сторону и остановится на углу Гагаринского и Большого Власьевского переулков, где стоит приземистая старинная церковь Святого Власия, замечательная для писателя тем, что в ней 12 апреля 1906 года венчался Максимилиан Волошин с Маргаритой Сабашниковой. В советское время церковь была в запустении, здесь были мастерские и какие-то конторы. Минуло более века. Церковь возрождена. Крепкая, низенькая стоит, как ни в чём не бывало, на том же самом месте. Но голосом Волошина напоминает:

И красный вождь, и белый офицер, -
Фанатики непримиримых вер -
Искали здесь, под кровлею поэта,
Убежища, защиты и совета.
Я ж делал всё, чтоб братьям помешать
Себя губить, друг друга истреблять,
И сам читал в одном столбце с другими
В кровавых списках собственное имя.

- А что говорят мои читатели? - спрашивает у Волошина Яхонтов, и сам же отвечает: - Они формулируют главные идеи и извлекают целебные экстракты из моих сочинений

- лучше, чем я сам бы смог сформулировать и извлечь. Со стороны виднее! Пишут мне письма или приходят и говорят: «Я хочу купить вашу книгу о дураках. Я всю жизнь хотел быть хорошим. И вот что из этого получилось: я несчастен, беден, оболган. Ведь ваша книга об этом?»

Андрей Яхонтов родился в самом центре Москвы, где и теперь живёт, в арбатских переулочках, Еропкинском и Мансуровском, они бок о бок, очень близко идут от Пречистенки к Остоженке. Дом, в котором прошло его детство, цел. В Мансуровском жил Мастер. Сейчас Яхонтов понимает, насколько ему близок Булгаков, ну, уже просто, как человек. Раньше, конечно, не задумывался, да и не знал, что он там жил. Этот домик у Андрея Яхонтова описан в повести «Дождик в крапинку». Там его детство в этих арбатских переулочках.

На протяжении всей жизни я наблюдаю нездоровую, даже патологическую страсть к покойникам. Живых вокруг нас так много, одно метро в час пик чего стоит, так что мы их просто как бы не замечаем, а в случае успехов кого-то из них не задумываемся о том, что живём скучно, однообразно, по инерции, но стоит кому-то из окружающих умереть, как мы начинаем приписывать дополнительное значение любым пустякам из жизни покойников. Поэтому я зааплодировала, когда прочитала в повести Андрея Яхонтова «День открытых зверей» такие на этот счёт размышления: «Когда у скончавшегося уже не спросить: что он конкретно имел в виду? Когда никакими ухищрениями и способами не заставить его подтвердить или опровергнуть наши догадки и предположения. Ибо теперь все содеянное и произнесенное им - в безраздельном владении и пользовании живых, и только от них зависит, как распорядиться наследством, какой подтекст вложить в тот или иной жест, ту или иную реплику, звучание которой ведь тоже претерпевает с течением времени

в сознании живущих некоторые, иногда весьма значительные изменения...»

А вот ещё из «Дня открытых зверей»: «Я сидел с краю, слушал выступавших, выпивал, закусывал, смотрел на разложенные по тарелкам ломтики сыра, колбасы, хлеба, скользил взглядом по лицам (особенно меня притягивала курносая лупоглазая рожа заместителя умершего), и вот какие мысли толклись в голове: в определенных ситуациях мы склонны вспоминать и истолковывать ничего не значащие слова, оброненные без повода и между делом фразы - как глубокую мудрость или провидческое предсказание, хотя изрекшие эти фразы люди ничего подобного не имели в виду. Особенно часто такое дополнительное значение приписывается пустякам из жизни покойников - тех, кто недавно нас покинул. Когда у скончавшегося уже не спросить: что он конкретно имел в виду? Когда никакими ухищрениями и способами не заставить его подтвердить или опровергнуть наши догадки и предположения. Ибо теперь все содеянное и произнесенное им - в безраздельном владении и пользовании живых, и только от них зависит, как распорядиться наследством, какой подтекст вложить в тот или иной жест, ту или иную реплику, звучание которой ведь тоже претерпевает с течением времени в сознании живущих некоторые, иногда весьма значительные изменения...»

Проза Андрея Яхонтова многогранна, остроумна, своеобразна, и всё время призывает к глубоким размышлениям, тревожит ум и сердце, вызывает добрую и не только улыбку, успокаивает и возбуждает, но почти всегда неизменно приводит к эмоциональной разрядке. Это существенное свойство, по которому распознается художественная проза: чуткость к трагическим событиям в жизни, необходимость присутствия иронии и самоиронии, как лекарство от бесчисленных препятствий, которые неизбежно встречаются в жизни каждого человека.

Так его «Теория глупости, или Учебник Жизни для Дураков», на читателей, не обладающих чувством юмора, может произвести неоднозначное впечатление, а то и вызвать некоторую растерянность, ведь учебник этот погружает читателя в гротескный мир лжи и обмана, демонстрирует ему приемы вранья, окунает в царство низменных инстинктов, где друзья предают друзей, подчиненные подсиживают начальников, а жены и мужья находятся в постоянном поиске более привлекательных и выгодных партнеров...

Яхонтов даёт ответы практически на все вопросы, волнующие современников: «Как украсть и не попасться», «Как убить и замести следы», «Как стать миллионером», «Как бросить друга в беде», «Как увести чужую жену или чужого мужа»... нет ни одной сферы жизни, которой бы ни коснулся автор в своем «Учебнике...», пародирующем психологов, которые заполнили полки книжных магазинов пособиями о том, как научиться жить.

«Учебник Жизни для Дураков» для вдумчивых читателей послужит практическим руководством к действию, выступит в роли путеводителя по нашей непростой и все более усложняющейся действительности.

Не могу не привести несколько строк Яхонтова: «Следует усвоить, что только дурак может вообразить: после победы революции наступит благоденствие и всеобщее равенство, возрождается справедливость. Нет, мгновенно вступают в силу приводные ремни старых знакомств и рычаги нового протекционизма и радения своим - в противовес чужакам. Кристаллизуется свежая элита и отторгает отбросы (возможно, бывшие сливки общества) на второй план».

Или

«Если ты сам ничто и никто, но волей случая вознесся управлять кое-что значащими и представляющими собой ценность личностями, нужно превратить их в ничтожеств.

Как этого добиться? Есть варианты. Кого-то придется уничтожить. Остальные, сообразительные, поймут, что от них требуется. Для иного уровня посредственностей понадобятся соответствующие посредственные руководители. Понижение интеллекта и уровня бытия позволит свести деловой потенциал к нулевой эффективности, эту деятельность нельзя ни на минуту прерывать, иначе некоторые воспрянут. Допустить такое непозволительно.

Очевидно, что всегда находятся горячие головы, люди нетерпеливые, жадные на скорые перемены. Но беда в том, что истинно глубокие изменения в нашей жизни, сопровождаемые изменениями в психике и нравах, происходят медленно.

Подлинная популярность книги и массовый народный ее успех проверяется в нескольких поколениях, если непреходящие ценности сегодня потеснены, значит - пришла большая беда. Впрочем, не только жизни, но и в литературе.

Свободным, все-таки, может быть лишь творец, писатель.

Моя профессия - собирать вокруг себя единомышленников-читателей.

Автор, как и каждый из нас, столько насмотрелся на самодовольных коллег, что предпочитает исповедовать другую крайность. У него нет зависимости от непосредственной реакции, ему не надо спешить на аплодисменты, и глупо продавать за них свое первородство.

Стиль «Учебника Жизни для Дураков» Яхонтова, порой, достигает такой болтливой концентрации, что, кажется, что раскрепощенность доведена до предела, но он, предел, все же есть - это диалог с читателем, иногда буквальный, иногда игровой, каламбурный.

Мы, кому сама обделенность в области материальных благ должна, по крайней мере, не застилать глаза пеленой

довольства, отчего мы не извлечем из своей общей беды хоть частную пользу: ясное, безыллюзорное видение на голом, не загроможденном пространстве?

Людям прежде всего надо тренировать себя на терпимость, взаимоуважение, на добро.

«Закон неторопливости верен как для конкретных случаев, так и для скорости проживания всей жизни в целом. ЧТО БЫ ТЫ НИ ДЕЛАЛ, КАК БЫ НИ БАРАХТАЛСЯ, ЖЕЛАЯ ВЫПЛЫТЬ И ОПЕРЕДИТЬ ДРУГИХ, В СУММАРНОМ ИТОГЕ ПРОЙДЕШЬ ЗА РАВНОЕ КОЛИЧЕСТВО ЛЕТ ТОТ ЖЕ ПУТЬ, ЧТО И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ. С ТОБОЙ СЛУЧИТСЯ ТО ЖЕ САМОЕ, ЧТО И С ДРУГИМИ, только, может быть, в иной последовательности. Каждому в жизни положен один и тот же равный набор радостей и падений, проигрышей и удач, все различие в том, какая последовательность и какое чередование этих даров и ударов судьбы выпадет лично вам.

То ли сначала - радости, потом - огорчения, то ли сперва печали, потом - успех, то ли все вперемешку.

«В конце жизни, всё подытожив, подбив бабки, вы убедитесь: спешить было некуда и незачем».

Без чистых и высоких нот Андрея Яхонтова для меня немыслима современная русская проза. Я с неизменным интересом и волнением перечитываю его произведения, открывая в них все новые глубины, и особенно мне дороги строки, которые он посвятил мне в газете «Московский комсомолец» (от 27 июля 2019):

«Женщины Маргариты Прошиной

В процессе чтения книг Маргариты Прошиной «Фортуна», «Мечта», «Голубка» невольно начинаешь обращать внимание на количественное преобладание женщин в Москве. Окидываешь взглядом вагон метро и поражаешься: правая сторона сидящих - сплошь женщины, а напротив, кроме пожилого дедушки в соломенной шляпе, тоже женщины.

В рассказах Прошиной откровенно превалирует женская тема. Случайно ли? Или это дань наставшему матриархату? Поначалу такая однозначность смущает, можно ведь подрасширить горизонты. Но по мере погружения в ткань прозы догоняешься: оригинальность писателя не только в словесном своеобразии, но и в выборе позиции. Мужчины задвинуты в угол - на второй, на третий план - намеренно. Их время прошло.

Женщины жизнеспособнее, целомудреннее, но не в узком понятии, а в значении целостности. Целостность противостоит распаду, вне целостности жизнь невозможна. Нераздельная целостность - это мудрость: мир и гармония души, ума, сердца. Любовь - двигатель жизни и ее цель.

Гармония жизни и литературы уравнивает мужское и женское начало, единение которых делает любовь нераздельной».

Каждый писатель вносит в живописный узор мировой литературы свой неповторимый оттенок».

Яхонтов долго искал определение "интеллигентности" - читал книги по этому предмету, прислушивался к дискуссиям, но все рассуждения на этот счет казались ему неточными. Наконец, его осенило: интеллигентность - это умение поставить себя на место другого. Ощутить, что этот другой чувствует или должен почувствовать, проникнуться его строем мыслей. Интеллигентность - это дар войти в положение и обстоятельства жизни ближнего.

То есть - хотя бы на время перестать быть собой.

Попутный вопрос. Вам это нужно?

Да, интеллигент прежде всего думает о других. И уж потом, в последнюю очередь, о себе. Так он устроен. И ничего с собой поделаться не может. Поэтому его все шпыняют, гоняют, притесняют, его состраданиям и доверчивостью пользуются...

Да, было время, когда Андрей Яхонтов публиковал Жванецкого и Арканова, Александра Иванова и Колечицкого, и многих других юмористов и сатириков, когда возглавлял «Клуб 12 стульев» «Литературной газеты». Ныне он всё больше пишет произведения серьёзные. Вот как он видит предназначение писателя: «Писатель, художник, творец - сама истина. Если он не истина, тогда незачем и показано братья за перо, кисть, резец. Недалекие литературные критики твердят: в «Мертвых душах» нет положительного героя, а умный литературный критик возражает: такой герой есть, это автор романа». Так и для меня Андрей Яхонтов положительный герой нашего времени.

Андрей Яхонтов - писатель весёлый, современный, привлекающий свежестью, новизной и - глубоко пропитанный русской культурой, его произведения насыщены чувствами доброты, страданием и состраданием.

"Наша улица" №241 (12) декабрь 2019

"Независимая газета" 28 ноября 2019 под заголовком "Спешить было некуда"

Юрий Кувалдин

БУКВА ЕСТЬ ТВОЁ ЗЕРКАЛО

Предисловие к книге
Маргариты Прошиной "Мечта"

В мелодике "женских рассказов" Маргариты Прошиной (а вся книга пронизана неумолкаемо звучащей женской нотой), во всех образах, в их движении, в переживаниях, в любви есть грустная эlegantность. И понятно, почему в процессии чтения этой книги в душе возникает задумчивая грусть. Поучающие, "правильные" люди растворяются в дымке безвестности, а любящие, мыслящие западают в память навсегда.

Элегическая сосредоточенность, умное сердце и безупречная деликатность отличают героинь Маргариты Прошиной среди говорливой, вечно спешащей, и никуда не успевающей толпы.

В "Уроках деревни" молодую учительницу после вуза распределяют в сельскую школу. Перед ней раскрывается мир, ей совершенно незнакомый, с прекрасной природой, но с первобытным существованием жителей, в которых, однако, она пытается разглядеть "прекрасные черты". В финале дана очень точная метафора всей этой жизни "в природе" - героине Зое становится плохо в бане, о которой она мечтала, топящейся по-чёрному. Зоя едва успевает выскочить на улицу и сесть на огромный камень, дабы совсем не угореть, и сквозь пелену услышать голос хозяйки, у которой она остановилась: "Девка-то у меня отходит, угоре-

ла". Хозяйка "стала обливать Зою холодной водой. Два ведра вылила, и увела Зою в полотенце в избу. И сутки потом Зоя пролежала больная".

В "Её волшебном озере" научная работница, привлекательная и свободолюбивая, не желает себя связывать с кем-либо из мужчин семейными узами, предпочитая мимолётные и частые сближения, за что постоянно подвергается внушениям своей непосредственной начальницы, засохшей в семейном болоте, ибо после рождения сына почти двадцать лет они с мужем бок о бок прозябали, как брат и сестра, считая, что эрос нужен только для размножения.

Рассказ "Ледяйкина" построен на мрачной конвейерной жизни этой самой Ледяйкиной (фамилия сама по себе леденит). Но Ледяйкина не понимает, что она лишь приспособление для поточного производства прозрачных диодов, в которые она вставляет металлические усики. Изодня в день, из года в год. Интересы сводятся к покупке бо-соножек или сумочки. В итоге комната её в "покосившемся в сторону грязной речки огромном двухэтажном бараке, со стенами из дранки", в один прекрасный день предстаёт перед Ледяйкиной огромным стеклянным диодом, затягивающим усики Ледяйкину в себя. Она превращается в человеческий эмбрион, запаянный в стекло.

Есть женщины, живущие в мире искусства, но при этом сами ничего не создают. Вся их жизнь заключена в перевоплощении в чужие произведения. Они любят живопись, серьезную музыку, классическую литературу. Но им постоянно чего-то не хватает. Такова героиня рассказа "Огни Москвы". Да она ещё и со странностями. Я бы не назвал это состояние аутизмом, но близкое к этому в ней ощущается. Поэтому не удивительно, что она представляет себя птицей и летит в открытое окно с высоко-го этажа к огням Москвы. Чего же ей недоставало? Соб-

ственной созидательной работы души, собственного творчества.

В жёстком рассказе "Одноглазая" Маргарита Прошина показывает нам некрасивую, с увечьем (глаз она потеряла на заводе, где всю жизнь работала токарем), но добрейшей души женщину, одинокую, ждущую какого-то призрачного счастья. И вот она, казалось бы, находит его в виде лежащего в снегу под ёлкой пьяного, которого она спасает от "мёрзлой" смерти, выхаживает его, полагая, что таким образом к ней пришло женское счастье. Но не тут-то было. Она же и оказывается виноватой, оскорблённой, когда является жена пьяницы и забирает своего "хорошего" домой.

Длинноногие провинциалочки быстро осваиваются в столице, находят себе мужей-миллионеров, порывая навсегда с провинциальным городом, с мебельной фабрикой. Москва набита провинциалами. У них - горячая кровь, невиданная энергия, позволяющая идти прямо, не сворачивая, к цели: деньги, квартира, дача, машина. Так и читается в рассказе "Провинциалочка" ироничная мысль - сама физиология продвигает их. Поскольку миллионерам нужны красивые, стройные, не испорченные цивилизацией подружки. Интеллигентные москвички рядом с такими увядают без любви.

Казуистике нововведений в школьном образовании посвящен рассказ "ЕГЭ". Он написан в блестящем сюрреалистическом ключе со всей бестолковщиной выправления начальниками истории и литературы. Саркастическим плачем Ярославны заканчивается этот вызывающий улыбку сквозь слёзы рассказ: "Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, аркучи: "И аще что реченно просто: бланк ответов № 2 предназначен для записи ответов на задания с развернутым ответом. Поля для ответов на задания располагаются на титульной и обратной стороне бланка. В верх-

ней части бланка ответов № 2 расположены вертикальный и горизонтальный штрихкоды, поля для рукописного занесения информации участником ЕГЭ, при этом вносимые, код региона, код и название предмета, должны соответствовать информации, внесенной в бланк регистрации и бланк ответов № 1. Как умрем, так он почтет, да помянет пред Богом нас. А мы за чтущих и слушающих станем Бога молить; наши оне люди будут там у Христа, а мы их во веки веком. Аминь".

Чудесный рассказ "Поня" воспринимается как отходная старовечеству, в арсенале которого: не знать, не видеть, не читать, быть растением природным. И постоянно всем и вся делать замечания, приказывать и наказывать. Судьба Аполлинарии (отсюда - Поня) грустна и безысходна. Сбежала до войны из дома в Москву, любовь кончилась, осталась дочка. И ездит Поня кондуктором в трамвае. А когда её функцию заменили железным ящиком кассы, вышла на пенсию, сидит на скамейке у подъезда, "разглаживая своими грубыми пальцами морщинистое лицо", и осуждает каждого встречного-поперечного, всем делая замечания.

"Лаврушенский переулочек" - рассказ творческий, в котором возникает образ замечательного писателя Юрия Олеша. И имя у героини влекущее - Видана. Как будто она многое видела и многое знает. Да, она интеллигентная девушка, только что окончившая институт иностранных языков, свободно владеет немецким языком. Но помимо этого - она истинная москвичка, свободолюбивая, современная (хотя действие происходит в 50-х годах), дитя оттепели. Вся ткань рассказа говорит о том, что сама Видана будет писать художественное, ибо она подмечает вокруг нечто такое, чего не видят обычные люди.

"- Река изрекает, - прошептала Видана.

- Вы слышите прекрасно слова, - сказал Юрий".

И действительно, слово рождает другое слово, "река - речь", как человек рождает другого человека в бесконечном таинстве любви.

В рассказе "Дневник библиотечарши" прослеживается путь героини от нечтения и неписания к погружению в классические книги и переходу к страстному желанию самой писать. Смысл жизни заключён в Слове. Я неустанно везде и всюду повторяю: то, что не было записано, того не существовало. Из простых регулярных записей складывается истинная жизнь человека. Человек есть лишь звено в цепочке бессмертного человечества. Но понимают это далеко не все. Библиотечарша это поняла, столкнувшись однажды с эпитафией Ивана Тургенева к воспоминаниям Петра Боборыкина: "Кто знает: сколько каждый живущий на земле оставляет семян, которым суждено взойти только после его смерти". Стремление к идеалу присуще творческим людям. И пусть пока этот идеал пестуется только в мечтах, но раз мечта по прекрасному зародилась, то путь к ней неминуем.

Маргарита Прошина не пишет сюжет, она мыслит нелинейно, ассоциативно, рецептуально, то есть, следуя рецептам строгой лексической дозировки, как завещал доктор Чехов, и смело ставя встык разнородные материи, что часто делал Осип Мандельштам, говоря, что там, где обнаружена связь вещи с пересказом, там простыни не смяты, там поэзия не ночевала. И у Маргариты Прошиной нет никаких разъяснений и прямо идущих на предмет мыслей, поскольку всё выражается через рисуемый образ.

Она мастер коротких эссе, от которых веет чувственной поэтичностью. Её произведения насыщены изображением, той самой художественностью, чем настоящая проза резко отличается от разговорной речи. Она любит слова, лелеет буквы, сплетая из них, как из полевых ромашек, свои этюды. И нужно очень внимательно посмотреть на букву. Бук-

юрий кувалдин

ва есть твоё зеркало. Тебя не будет - зеркало покажет. Её речи как цветы на берегах волшебного озера: цветы юные, не стареющие, и солнечный аромат их - неугасимое обновление.

В книге "Мечта" 2013

Ирина Гурская

«ЧУТКИЙ ПАРУС» СЛУХА

(о творчестве Маргариты Прошиной)

Полноводная река, золотящаяся на рассветном солнце, наливающаяся свинцовым холодом под осенними ветрами, играющая с брызгами дождя, замирающая под нависшим туманом, внимательно обходящая свои берега, то задорная, ироничная, радостная, то задумчивая, отстраненная и светло-печальная - все это можно сказать о том образе прозы, который создается после прочтения текстов Маргариты Прошиной.

Маргарита Прошина - автор рассказов и пьесы, эссе и заметок, сборников «Фортуэнта» (2015), «Голубка» (2017), «Явление Афродиты» (2019). Ее заметки «Задумчивая грусть» выходили в сетевом издании «Наша улица» и в «Независимой газете». И если рассказы сразу погружают в мир непредсказуемой взаимосвязи характеров и жизненных ситуаций, то заметки очаровывают неспешным, углубленным рассмотрением самого ближайшего окружающего пространства, связанного с авторским «я» цепочками аллюзий и ассоциаций, умением услышать мир во всем его стереофоническом звучании. «Задумчивая грусть» не всегда печальна, она и солнечна, и дерзновенна в своих небольших главках-этюдах, но в ней есть некая постоянно звучащая струна отрешенности, «грусть, уже сосредоточенная в буквах алфавита» (Дж. Эшбери), как возмож-

ность возвращения к себе, своим внутренним истокам.

Есть в «Задумчивой грусти» переключки с Гиляровским, Пришвиным, - в фиксации штрихов времени, нравов, во всматривании и любовании Москвой, в анализе своих душевных движений и создании целой галереи, эпизодов, картин из истории культуры. Часто героями Маргариты Прошиной становятся «литературные москвичи», любимые писатели - Достоевский, Толстой, Лесков, Майков, Тургенев: «Много адресов сменил он (Тургенев). Но его «Первая любовь» произвела на меня впечатление столь сильное, что я поспешила в Нескучный сад с книгой, чтобы там, на скамейке, еще раз перечитать эту щемящую повесть. Дачу против Нескучного я, конечно, не увидела, но на берегу Москвы-реки пережила первую любовь писателя так остро, что не сдержала слез. Мне было в ту пору 15».

К ощущению внутреннего сродства, дружеского присутствия, возможности диалога, беседы с писателями, чьи произведения не просто прочитаны, но пережиты со всей полнотой, Маргарита Прошина обращается часто. Это не удивительно, поскольку детская любовь к книге приобрела дополнительные значения, расширилась и превратилась в профессию. Писатель-сотрудник библиотеки - своя, особенная оптика хранения и передачи вербального знания, - оказалась близка и важна для Маргариты Прошиной. Писатель-библиотекарь - всегда духовная интрига и легенда, причастность к особенному «тайному обществу» - вспомним Гете, Борхеса, Крылова, Чуковского, Пришвина.

«Библиотечные» рассказы Маргариты Прошиной полны сюжетных неожиданных переплетений, книги, художественные произведения предстают как уникальные дары, стеллажи - как пространство открытий, где буква превращается в вечность, в которой живет и творит современный автор, дружески общающийся с другими авторами из разных веков. В рассказе «Сигнализация»? , почти детектив-

ном, автор встречается с Достоевским, беседует с ним, прогуливается по Божедомке, обсуждает любимые книги, и все это можно было бы назвать вымыслом, если бы это не было правдой. Тонкий слух писателя позволяет вслушаться и вжиться в движения чужой души, по-настоящему принять мудрую и дружескую поддержку, постигнуть не только разумом, но и сердцем творчество великого предшественника и вести с ним диалог: «Я погружаюсь в текст и живу внутри, писатели для меня самые дорогие, мудрые друзья! Вы открыли мне, что любовь спасает человечество на протяжении всей истории его существования» - «Мне ничего не надо было придумывать. Наблюдения за пациентами больницы, разговоры с ними способствовали моим философским размышлениям, столь сильно жизнь этих людей с детства запала в мою душу, что желание подсознательно проникновение в тайники человеческой души стало смыслом жизни». Словно в нужный момент включается в душе сигнализация: успеть передать миру ту любовь, на которую способен, успеть услышать тех, кто дорог.

Еще один рассказ, навеянный автору годами работы в библиотеке, завораживающий «Библиотечный дождь». В нем соединяется удовольствие от перечитывания любимых писателей, которым делится автор, со всматриванием в сменяющиеся исторические картины, подчеркнутые стилистическими особенностями текстов упоминаемых писателей. Метафора дождя окутывает текучесть жизни, дождь превращается в ритм, настроение, краски и звуки становятся характеристикой психологического настроения и выражением иррациональности времени. Картины дождя от Данте до Михайлина-Плавского возникают перед нами, мы выглядываем в них, как в окно: «И начинал сыпать дождь, сначала осторожно, потом все шире и шире...» (И. Бунин) или «ударяя о стекла слезами и ветром; и дождливые слезы на стеклах догоняли друг друга, чтобы виться в ручьи и

чертить крючковатые знаки слов» (А. Белый) - и с увлечением следим за интерпретацией Маргариты Прошиной: «Дождь у Белого такой же смутьян, как и события, происходящие в романе «Петербург». Или о Зощенко: «Крупные капли дождя падают на голову, они пугают силой своей не приветливой, оглушают громкими ударами. Я пытаюсь прикрыть голову руками. Струйки воды текут за воротник. Вода мутная какая-то. Я ускоряю бег. Гром гремит. Молнии сверкают. Такой шквал советского ливня обрушился на голову Зощенко в 1946 году, пытаюсь смыть не только лично его, но и его произведения». Параллельно картины дождя и их интерпретации создают образ библиотекаря Фокиной, проработавшей всю жизнь в библиотеке, впитавшей свою эпоху, как дождевую влагу.

Вовлеченность в литературу, ощущение всей мировой культуры как не просто важной, но насущной составляющей буквально каждого дня, простой повседневности, философское отношение к миру делают прозу Маргариты Прошиной совершенно особенной. Возникает ощущение причастности ее творчества к той самой «единой кровеносной системе культуры», которую С. Бочаров определяет как ту, «какая через десятилетия, а то и века по своим невидимым нашему исследовательскому глазу капиллярам переносит некие «логосы» и «гештальты» от одного творческого сознания к другому». В рассказах Маргариты Прошиной можно угадать и рентгеновский бунинский психологизм, и его же страстную детальную фиксацию непрерывно наблюдаемой реальности, и шмелевские интонации, и чеховский взгляд в открытую бездну. Все это автор «помнит» и «слышит», и по-своему откликается в собственных произведениях.

Порой любишь живительной красотой описаний или уместно возникшими деталями: «Выглянуло солнце, сверкнув золотым куполом кладбищенского собора, но тут же

набежали тучи цвета сирени, и день опять стал по-московски сереньким» («Жажда счастья»), «Она и напоминала зяблика, только не с клювиком, а с этими невероятными губами, как будто зяблик нес красный болгарский перец». Или такой фрагмент: «И если бы чей-то зоркий глаз отыскал в комнате бабушки одну-единственную соринку, то и эта соринка оказалась бы невинной, ровненькой и чистой.

Родное и скучно-привычное, грустное и светлое сплеталось здесь с незнакомым и волшебным, изумительно праздничным, радующим глаз, непривычно манящим и недосягаемым. На стенах поблескивали старые фотографии в рамках, из которых выползали, как облака, бороды стариков, круглые лица старух, а из угла, выше, сиял одинокий лик, грустный и радостный одновременно, как далекий, где-то на другом берегу реки жизни, костёр, от которого всё вокруг просветлялось» («Клятва»), - в котором и деталь, и характер, и творческая мудрость.

Героини рассказов Маргариты Прошиной - женщины. Мужские образы появляются словно бы немного на заднем плане, они «не несут ответственность» за развитие рассказа, но героини выписаны филигранно и показаны во всем своем многообразии. И в этом заключена удивительная психологическая достоверность, интуитивно угаданная верная авторская практика. Читателю не придется мучительно сомневаться «а действительно ли именно это подумал тот господин в данной ситуации», поскольку очевидно, что женские образы Маргариты Прошиной, - возникли они из настроения, всплеска эмоций, ситуативного общения или еще каким-то образом, - выверены опытом и знанием женской природы.

В каждом рассказе женский образ - и разгадка и загадка, в том, что видится как «обычная жизнь», высвечиваются особенности характера и сплетения душевных движений, которые обычный глаз не замечает, а писательское

внутреннее зрение и слух продлевают их, превращая в тропинки, ведущие к более серьезным смыслам и обобщениям. Так, в рассказе «Голубка» светлая, собирающая вокруг себя сослуживцев и знакомых благодаря своей простоте, открытости и какой-то парадоксальной мудрости, героиня оказывается забыта некоторыми из них почти сразу после смерти, а в других душах ее облик продолжает жить. И здесь становится удивительно зрим тот самый разлом, непроходимая пропасть отчуждения между людьми и, как следствие, забвение, и можно ощутить переключку с чеховской «Княгиней», практически рассказом-приемом, выражающим подобную невозможность быть понятым в принципе.

Маргарита Прошина очень тонко работает с деталью, можно отметить множество находок, но как-то особенно потрясают «ключевые» детали, которые часто встречаются в самом начале ее рассказов. Например, в рассказе «Фортуэта» главная героиня «вбегает без стука в кабинет с рыжим котенком», и почему-то сразу понимаешь, что придется пережить вместе с героиней множество поворотов судьбы, и каждый из них будет казаться решающим. Или в начале рассказа «Самостоятельные губы»: «Апельсины с гудением бильярдных шаров покатались по прихожей», - и все, это гудение преследует, перерастает в тревожное состояние, и ты понимаешь, что в конце рассказ созреет какой-то неожиданной развязкой.

Впрочем, почти все финалы рассказов Маргариты Прошиной неожиданны. Сначала текст словно выводит на широкую дорогу более-менее привычных ощущений, но постепенно начинаются метаморфозы эмоций и состояний, структурирующие авторский замысел, захватывающие долей иррациональности, текст уводит в глубины авторской субъективности, а в конце необыкновенно ловко возвращает в реальность. Только реальность эта предстает сов-

сем не такой, какой казалась прежде, где можно от чего-то спрятаться, что-то приукрасить, чего-то избежать - автор не дает такой возможности, и вспоминаются строки Эмили Чегринцевой: «А ночь, как нищая гадалка, судьбы не может обмануть». Спрятаться в ночь и неразборчивость почерка жизни у читателя не получится, потому что автор рассказов в равной степени владеет и формульной жесткостью простых событий, и способностью к передаче неизмеряемой пучины чувств. Но, несомненно, получится встретиться с давно забытыми ощущениями из собственной жизни, вернуться в ее самые потаенные уголки, узнать себя в других, услышать множество обращенных будто к тебе сокровенных дум и откликнуться на них.

Вальсирующая неизбежность судьбы, течения времени, физических законов преобразуется внутренним зрением писателя, порой она трансформируется в уютные кухонные посиделки или принимает вид отлаженной повседневности с атрибутами блестящей жизни, а иногда прорывается иррациональным движением, обусловленным мощным поэтическим восприятием жизни. «Бездонное небо и бескрайняя земля. Это только то, что есть у человека», - прочитываем в рассказе «Огни Москвы». Но это же почти Китс: «Beauty is truth, truth beauty, - that is all ye know on earth, and all ye need to know», тоже, кстати, один из любимых поэтов Маргариты Прошиной. Тяга к бескрайнему и безграничному погружают героиню в реальность грез и фантазий, словно в сон, заставляют переминаясь в неопределенности, «перетекать» из одного состояния в другое, и мы оставляем открытым для себя конец этого рассказа - трагическая развязка или неопределенность, следование героини за иной, существовавшей ранее героиней другого писателя, тайная связь между душами и состоянием страны, лирическое осмысление времени, мучительный поиск выхода, слепое, ошупью - определение границ явле-

ний и состояний. Проза Маргариты Прошиной, словно поэтический медиум между нашим временем и прошедшими, точнее, конечно, не прошедшими, но просто ставшими менее явными временами, и хочется вспомнить, найти соответствие в созданном ранее, в мыслях проносятся слова Н. Карамзина: «Взор наш в созерцании великого пространства, не стремится ли обыкновенно - мимо всего близкого, ясного - к концу горизонта, где густеют, меркнут тени и начинается непроницаемость».

Творчество Маргариты Прошиной - мудрая, многогранная, внимательная проза, посвящающая в тонкости авторского взгляда на мир и удивительным образом способная оказывать поддержку читателю. Произведения Маргариты Прошиной органично оказываются в русле «естественного движения литературы» (М. Хлебников), сохраняя свою уникальность и оригинальность. Рассказы Маргариты Прошиной интересно работают с восприятием: они словно позволяют внутренне обогащаться, пополнять запасы жизненной и творческой энергии, или, попросту, черпать вдохновение - из забытых, словно отодвинутых в дальние углы, чувств и воспоминаний, как будто бы простых событий и ситуаций, которые преобразует авторская воля и глубокое, нетривиальное видение писателя.

* Цитаты из произведений Маргариты Прошиной приведены по публикациям в журнале «Наша улица».

Нина Краснова

УРОКИ ЧЕХОВА В «УРОКАХ ДЕРЕВНИ» МАРГАРИТЫ ПРОШИНОЙ

В 154-м (9-м) номере "Нашей улицы" напечатаны не только заметки "Задумчивая грусть" Маргариты Прошиной, но и её прелестный рассказ "Уроки деревни". О том, как выпускница пединститута Зоя приехала в глухую деревню работать учительницей:

"Деревня была большая, и в ней, как и всюду в деревнях, преобладали старухи.

У каждой завалинки по старухе. Сидят, лузгают семечки, и с умным видом озирают каждого встречного-поперечного".

Зоя полюбила деревню и её жителей. И Зою в деревне все полюбили, потому что она не только учила школьников русскому языку и литературе и не только читала книги, но и была рукодельницей, вязала салфетки крючком, вышивала цветочки и лепесточки, и готовила обеды-ужины, и мыла и убирала дом, и пропалывала грядки на огороде.

" - Зойка, какая ж ты девка справная, аккуратная, хозяйственная. Вот мужики ходють и не знают, какая девка-то пропадает. Уж больно справная. Вот мне такую бы сноху", - говорила ей тётя Катя, которая приютила её у себя в избе.

Я не знаю, автобиографичен ли этот рассказ Маргариты Прошиной, почему-то мне кажется, что - да. Но главное не

это, а то, что он очень выразительный по своему языку, по своим краскам и звукам и по ароматам трав и цветов, которые составляют художественную ткань рассказа.

Героиня Маргариты Прошиной Зоя любит русскую литературу. И чувствуется, что и сама Маргарита Прошина очень любит её и знает наизусть большое количество стихов и песен и знает всех лучших поэтов и писателей и любит анализировать их сочинения, чтобы постигнуть, в чём заключается красота и ценность этих сочинений.

Зоя "вспомнила Антона Чехова, который всем и всюду повторял: пишите простыми, понятными словами, вычёркивайте определения глаголов и существительных, избегайте многословия, длинный абзац постарайтесь выразить одной фразой, потому что всё остальное уйдёт в подтекст".

Вот и не Зоя, а Маргарита Прошина помнит Антона Чехова и, прислушиваясь к его советам, пишет "простыми, понятными словами", вычёркивает "определения глаголов и существительных", избегает "многословия" и длинных абзацев, и в её тексте возникает подтекст, и потому текст у неё получается не плоский, а объёмный и глубокий, с двойным и тройным дном. Её героиня, учительница русского языка и литературы Зоя, была прилежной ученицей своих учителей в школе и в институте, и чувствуется, что и Маргарита Прошина была такой же прилежной ученицей, и что она отлично усвоила уроки своих учителей, в том числе и уроки Чехова и других классиков русской литературы, и пользуется всем этим и применяет всё это в своих "Уроках деревни", как и в своих заметках "Задумчивая грусть".

Раньше была такая передача: "Алло! Мы ищем таланты!"

Маргариту Прошину нашёл Юрий Кувалдин, который ищет таланты и находит их. Он нашёл Сергея Михайлина-Плавского, Эдуарда Клыгуля, Виктора Кузнецова-Казанского, Анжелу Ударцеву, Александра Логинова-Женевско-

нина краснова об "уроках деревни" маргариты прошиной

го, Эмиля Сокольского, Ваграма Кеворкова... да и меня тоже. Всех не перечислишь.

Справка о Маргарите Прошиной, взятая мной из журнала "Наша улица":

"Маргарита Васильевна Прошина родилась в Таллинне. Окончила институт культуры. Заслуженный работник культуры РФ. Участник 5-го выпуска альманаха Нины Красновой "Эолова арфа". В "Нашей улице" публикуется с № 149 (4) апрель 2012".

Я желаю Маргарите Прошиной новых интересных сочинений и с удовольствием включу их в 6-й номер "Эоловой арфы", который она ждёт.

Нина КРАСНОВА

ЖЖ Нины Красновой 1 сентября 2012 года

Андрей Яхонтов

ЖЕНЩИНЫ МАРГАРИТЫ ПРОШИНОЙ

В процессе чтения книг Маргариты Прошиной "Фортуэта", "Мечта", "Голубка" невольно начинаешь обращать внимание на количественное преобладание женщин в Москве. Окидываешь взглядом вагон метро и поражаешься: правая сторона сидящих - сплошь женщины, а напротив, кроме пожилого дедушки в соломенной шляпе, тоже женщины.

В рассказах Прошиной откровенно превалирует женская тема. Случайно ли? Или это дань наставшему матриархату? Поначалу такая однозначность смущает, можно ведь подрасширить горизонты. Но по мере погружения в ткань прозы догоняешься: оригинальность писателя не только в словесном своеобразии, но и в выборе позиции. Мужчины задвинуты в угол - на второй, на третий план - намеренно. Их время прошло.

Женщины жизнеспособнее, целомудреннее, но не в узком понятии, а в значении целостности. Целостность противостоит распаду, вне целостности жизнь невозможна. Нераздельная целостность - это мудрость: мир и гармония души, ума, сердца. Любовь - двигатель жизни и ее цель.

Гармония жизни и литературы уравнивает мужское и женское начало, единение которых делает любовь нераздельной.

"МК" - "Московский комсомолец" 26 июля 2019 года

Юрий Кувалдин

ЦВЕТЫ НА БЕРЕГАХ ВОЛШЕБНОГО ОЗЕРА

Маргарита Прошина. Задумчивая грусть: Эссе и рассказы/ Оформление художника Александра Трифонова.
- М.: Книжный сад, 2013. - 160 с.

Как-то Станислав Рассадин сказал мне: «Люблю начинать читать книги с конца». И я незаметно пристрастился к чтению с финалов. Заманчиво. Особенно, когда пробегаешь глазами содержание. В конце этой книги стоят два рассказа: «Уроки деревни» и «Ее волшебное озеро». В мелодике этих «женских рассказов» (а вся книга пронизана неумолкаемо звучащей женской нотой), во всех образах, в их движении, в переживаниях, в любви есть грустная элегантность. И понятно, почему родилось и само название книги - «Задумчивая грусть». Поучающие, «правильные» люди растворяются в дымке безвестности, а любящие, мыслящие западают в память навсегда.

Элегическая сосредоточенность, умное сердце и безупречная деликатность отличают героинь Маргариты Прошиной среди говорливой, вечно спешащей и никуда не успевающей толпы. В «Уроках деревни» молодую учительницу после вуза распределяют в сельскую школу. Перед ней раскрывается мир, ей совершенно незнакомый, с прекрасной природой, но с первобытным существованием жите-

лей, в которых, однако, она пытается разглядеть «прекрасные черты». В «Ее волшебном озере» научная работница, привлекательная и свободолюбивая, не желает себя связывать с кем-либо из мужчин семейными узами, предпочитая мимолетные и частые сближения, за что постоянно подвергается внушениям своей непосредственной начальницы, засохшей в семейном болоте, ибо после рождения сына почти двадцать лет они с мужем бок о бок прозябали, как брат и сестра, считая, что эрос нужен только для размножения.

Маргарита Прошина не пишет сюжет, она мыслит нелинейно, ассоциативно, рецептуально, то есть следуя рецептам строгой лексической дозировки, как завещал доктор Чехов, и смело ставя встык разнородные материи, что часто делал Осип Мандельштам, говоря, что там, где обнаружена связь вещи с пересказом, там простыни не смяты, там поэзия не ночевала. И у Маргариты Прошиной нет никаких разъяснений и прямо идущих на предмет мыслей, поскольку все выражается через рисуемый образ.

Большую часть книги занимают эссе, от которых веет чувственной поэтичностью. Ее произведения насыщены изображением, той самой художественностью, чем настоящая проза резко отличается от разговорной речи. Она любит слова, лелеет буквы, сплетая из них, как из полевых ромашек, свои этюды. И нужно очень внимательно посмотреть на букву. Буква есть твоё зеркало. Тебя не будет - зеркало покажет. Ее речи как цветы на берегах волшебного озера: цветы юные, не стареющие, и солнечный аромат их - неугасимое обновление.

Маргарита Прошина

ВЕСЁЛОЕ ВРЕМЯ

поэт Евгений Блажеевский

Веселее времени не придумаешь! Колючий ветер немилосердно бьёт в лицо, хищно кусает щеки. Сжимаясь, сутулясь, отворачиваясь от него, с трудом спускаюсь, боясь поскользнуться, на набережную обводного канала, и иду в позе бурлаков на Волге мимо бывших фабричных корпусов по узкой Якиманской набережной. Дикая ветер бьётся в рамы, как говорит Блажеевский. Поднимаюсь по ступенькам на Большой Каменный мост, с которого меня едва не сдувает.

Время, действительно, было весёлое: «А что еще надо для нищей свободы? - бутылка вина, разговор до утра... И помнятся шестидесятые годы - железной страны золотая пора». Эти четыре строчки переносят меня в то время, когда и я, прикрывая лицо от секущего дождя со снегом, бежала через Малый Каменный мост, прижимая к груди бутылку портвейна и пакетик развесной пастилы, вдыхая умопомрачительный шоколадный аромат «Красного октября», по Старомонетному переулку в Большой Толмачёвский в родную Ушинку, библиотеку, где я отработала не одно десятилетие. Бесконечные посиделки то в Замошворечье, то на Таганке, то на Большой Бронной до утра, поительные разговоры о поэзии, литературе, музыке,

время открытий и головокружительных надежд, листочки Самиздата. Да, о скуке мы не ведали, нам катастрофически не хватало времени, глаза слипались днём, а к вечеру уже было не до сна. Достать билет на балет да ещё с Максимовой и Васильевым или Плисецкой было запредельным счастьем. Где вы блестящие и остроумные, мои друзья? Растворились... Пытаюсь вспомнить умные разговоры... Тщетно! А Евгений Блажеевский передаёт обстановку, настроение, аромат времени, эмоции с мастерством небожителя. Истинная поэзия бесценна своей глубиной и подтекстом!

Для меня поэзия Блажеевского стала ошеломительным открытием. Потрясающий мастер слова и рифмы, жил и ходил в то же время, по тем же улицам, испытывал те же чувства, что и я. Он остановил время в вечности. Да, и я веселилась с лёгкостью ребёнка, любителя «конфет и лимонада, что мудрая свобода с привкусом портвейна, возможна, «на задворках сада». С тех пор в ненастную погоду я накрываюсь лоскутным одеялом воспоминаний, которые мне бесконечно дороги, и меня так же, как поэта охватывает «безмерное чувство покоя... // Огромное тихое счастье // Сидеть в одиноком тепле // И знать, // Что тебя не настигнет // Холодная дикая степь...»

Замоскворечье! Большие и малые Якиманки, Ордынки, Полянки, переулки и переулочки, тупики, дворики и скверики - все они мне милы бесконечно. «Казалось, в Замоскворечье // Он любит сто лет назад. // Казалось, что в комнате душной // Сквозь этот ленивый стон, // Услышится стук колотушный...» И колокольный звон...Стою перед новыми домами, а разговариваю с их предшественниками, и они, покачиваясь, кивают мне, благодарят за память. Переливы колоколов Замоскворечья исцеляют и вселяют силы для новых дел. Для меня здесь всё родное. Стоит мне ступить в Замоскворечье, как чувство времени

исчезает. Даже тень моя меняется! Захожу в булочную на Кадашевской набережной, покупаю мягкие, ароматные булочки. Усталость исчезает мгновенно, ведь я вернулась в молодость! Большая Ордынка, дом 17. Здесь жила подруга Анны Ахматовой Нина Ольшевская, мать знаменитого актёра Алексея Баталова, сводного брата Михаила Ардова (священника) и Бориса Ардова (актёра) последнего хозяина квартиры на «Легендарной Ордынке», где в 1996-97 годах писатель Юрий Кувалдин организовал Культурный центр Анны Ахматовой, где прошли вечера встречи с Евгением Рейном, Михаилом Ардовым, Алексеем Баталовым, Евгением Блажеевским, Татьяной Бек, Никитой Заболоцким и др.

Молодость. Где ты? Подобный вопрос я то и дело задавала себе, даже не предполагая, что поэт сохранил мою молодость в слове: «А молодость - штучка, Лолита, - // Кивнув равнодушно душе, // Сошла, как выходит из лифта // Чужой // На чужом // Этаже...»

В то время всё было другое и зимы и морозы в том числе. Это я бегу весёлой рысцой «в морозный вечер мимо гастронома». Совершенно особый дух московских коммуналок вот он: «Минуя долгий темный коридор, // Войдет с тобою в комнату, где желтый // Огонь страстей ворвется в разговор. // И ты - студент, гуляка и бездомник // Рукой рассеешь дыма пелену, // Чтоб трепетные груди, как приёмник, // Настроить на безумную волну... // О, молодость!.. Давно совсем другие // Жильцы в пристройке каменной, но вот // Кривая тень внезапной ностальгии // Ползет за мной от Кировских ворот...»

Не перестаю восхищаться тем, насколько проникновенно пишет он обо всех нюансах, связанных с болью, которую испытывает поэтическая душа.

Истинный поэт всегда пребывает в состоянии противоречия с общепринятым. Ему хочется спорить со всеми.

Мне это понятно, потому что он не желает идти в толпе, а жаждет нащупать свой единственный неповторимый путь. С лёгкой руки реализма подавляющее большинство советских поэтов копировало внешний мир, не добираясь до самих себя, до своей души, до своего собственного сердца. Они исчезли вместе с угодливой толпой старожилков. Настоящую историю пишут не по заказу и не ради вознаграждений, а вдохновением, которое есть тяжкий труд. Я так же, как поэт «От страшного поворота // Я временем отнесён. // И что мне имбирные башни // И мускус испанской печали, // Упавшему в русские пашни, // Глядящему в русские дали...». Казалось бы, что особенного: мы такое видим и о таком слышим каждый день. Но талант писателя и состоит в том, что самую обыденную историю он может представить так, будто рассказал о близких тебе людях, а порой и о тебе самом. «Сжимается шагрень страны // И веет ужасом гражданки // На празднике у Сатаны, // И оспа русской перебранки // Картечью бьёт по кирпичу, // И волки рыщут по Отчизне, // И хочется задуть свечу // Своей сентиментальной жизни».

Вспольным переулком я вышла к Гранатному, опасливо оглянувшись на особняк Бери и ускорив шаг, дабы меня его «ребятки» не затащили туда. «Фрагменты диалога с Антониной Васильевной» Блажеевского нахлынули на меня. Тут от дома, где жила Галина Брежнева, вышел весь в чёрном мессир Воланд, и сказал: - Мадам, не бойтесь, вы под моей охраной.

Стихотворение «Встреча» и поражает меня ударом тоски. «А что мы в сущности знаем - // Любители сделать дыру // В картоне, // В своем виске // Или в глазу соседа, // Или пальцем - в песке?..».

Время складывается днями. За стенами родного дома рушится мир, уходят в небытие близкие люди. Чёрные

стенные часы башенным боем продолжают свой ход. «Обратно листаются годы, // И вдруг понимаются как // Российская сущность свободы - // Распад, растворение, мрак...»

Тревожные ожидания сменяют события, уничтожающие островки надежды, часы же по счастью, совершенно бессмертны. Люди не хотят или боятся слышать правды о том, что настанет время, когда власти кесарей не будет над людьми. «Сегодня проносятся бесы // Над мокрою мостовой. // Мой город, без интереса // Расстанемся мы с тобой. // Метель окружает, свищет // С пронзительной тоской. // Незримое пепелище: // Козицкий... Страстной... Тверской...»

Прощание с любовью, расставание людей, любивших друг друга когда-то. Она стирает слезу со щеки, а он признаёт, что они оба виноваты перед Богом. Но я не уверена, что они осознают это. Как можно осознать вину перед тем, кого не знаешь!? Путают его с церковью. Если Бога нет в душе, то его нет и в церкви. Но церковь есть лишь помещение для исполнения веками установившегося канона литургии. Любовь - дар судьбы, испытание. Её нужно хранить, оберегать, в противном случае она выцветает, увядает, исчезая, как стрекоза с наступлением осени. Любовь ушла, пришла беда. Остаётся лишь печаль сожаления. А вокруг так же, как при первом поцелуе, листва шумит, слышны детские голоса, но не их детей. Люди влюбляются по-прежнему, верят в свои чувства, а для кого-то любовь исчезла, как будто бы её и не было на свете. Всего в восьми строках поведал нам грустную историю утраченной любви Блажеевский в своём щемящем моё сердце стихотворении «Прощай, любовь моя, сотри слезу... // Мы оба перед богом виноваты, // Надежду заключив, как стрекозу, // В кулак судьбы и потный, и помятый. // Прости, любовь моя, моя беда... // Шумит листва, в саду игра-

ют дети // И жизнь невозмутимо молода, // А нас - как будто не было на свете...»

Как часто мы бросаем друг другу слово «привет», и как оно радует. Ничего особенного в нём нет, лёгкое слово, но поднимает настроение у меня всегда. Это как поздравительная открытка, сам факт получения которой говорит о том, что тебя не забыли. Прежде при случайной встрече старых знакомых, я передавала приветы в прошлую жизнь. Сегодня нет преград для виртуальных бесед и встреч, всё просто пиши в любой уголок земли, и тут же получай ответ. Звони по телефону, встречайся по скайпу. Незаметно понятие «далеко» для меня исчезло. Скучаю, достаточно одного клика мышкой и друзей моих прекрасные черты появляются на мониторе. Но чувство одиночества усугубилось, как это ни странно лично для меня. В этом нет ничего плохого, но я чувствую, что всё больше окружающих меня людей довольствуются виртуальными приветами. Всё меняется, время ускоряется, хочется крикнуть строчкой Блажеевского: «Эй, что там у нас впереди?», но «за спиной лишь ветер да поле».

Вновь и вновь звучит в душе моей заключительный, кольцевой сонет Евгения Блажеевского из венка сонетов «Осенняя дорога» в проникновенном исполнении Нины Шацкой на музыку Александра Подболотова. Какая глубина проникновения в суть души человеческой! Осень наступает вдруг. Однажды ты понимаешь, что впереди у тебя осталась только зима. Жизнь промелькнула, как одно мгновение. Пора идти к святым местам, переосмыслить прожитую жизнь. Признаться себе в том, что судьбу изменить не нельзя. Эх, молодость! Беспечность пронеслась и исчезла вместе с несбывшимися надеждами. Я переживаю печальный жизни путь вместе с поэтом. Повторяю как заклинание слова:

По дороге в Загорск понимаешь неволью, что осень
Растеряла июньскую удаль и августа пышную власть,
Что дороги больны, что темнеет не в десять, а в восемь,
Что тоскуют поля и судьба не совсем удалась.

Что с рождением ребенка теряется право на выбор,
И душе тяжело состоять при раскладе таком,
Где семейный сонет исключил холостяцкий верлибр
И нельзя разлюбить, и противно влюбляться тайком...

По дороге в Загорск понимаешь неволью, что время -
Не кафтан и судьбы никому не дано перешить,
Коли водка сладка, коли сделалось горьким варенье,
Коли осень для бедного сердца плохая опора...
И слова из романа: "Мне некуда больше спешить..."
Так и хочется крикнуть в петлистое ухо шофера.

«Осенняя дорога» Евгения Блажеевского - это дорога покаяния, исповедальная дорога. На протяжении всей жизни и мне часто хотелось спрятаться от ледящего ветра окружающего мира в уютной «берлоге», скрыться от скучного «ничтожества быта». Чувство вины постоянно тревожащее душу, не даёт покоя. Как точно чувствует и передаёт интонацию поэта Нина Шацкая! К святым местам шли паломники. И я пошла за ними, повторяя бесконечное количество раз: "Мне некуда больше спешить..."

В мире Евгения Блажеевского присутствует врожденная духовная поэтическая чистота, присущая классическим писателям. Поэт пишет так, словно на страницах бьется его поэтическое сердце, покоренное красотой явления на свет Божий только для того, чтобы быть художником в самом широком понимании этого слова. Его поэзии свойственна особенная доверительность: «Мне снилось, что с тобой, // Моей подругой ранней, // На невских берегах // С приятелем гостя, // Я встретился опять, // Почти что как в романе, // И если подсчитать - // То двадцать лет спустя...».

Не перестаю поражаться философской глубиной стихотворений Евгения Блажеевского! «Свободы нет, // Но есть еще любовь // Хотя бы к этим сумеркам московским, // Хотя бы к этой милой русской речи, // Хотя бы к этой Родине несчастной // Да, // Есть любовь - // Последняя любовь...» Поражаюсь звучанию обычных слов!

Блажеевский настолько погружается в создаваемое произведение, что слова искрят, как оголённый электрический провод. «Сознание распалось на куски: // По черепку, по камню, по осколку... // Беспмятство моё страшной тоски, // Которую приписывают волку... // И к сердцу подступает пустота // Большая и ритмичная, как море. // И, словно рыба, судорогой рта // Хватая воздух, выдыхаю горе...»

Смысл нашей жизни - любовь. Особенно остро её чувствуют и передают поэты, лирика ведь по сути вся держится на душевных переживаниях, связанных с этим поэтическим чувством. Было начало октября, справа - море, слева - горы. Неспешно плыли облака, и мне казалось, что рядом, буквально в двух шагах ждёт меня судьба. Солнце светило прямо в глаза, как выяснилось потом, мы ехали в одном вагоне, она - в первом купе, он - в последнем, и увидели друг друга только на перроне. Поезд прибыл в южный город. Я спиной почувствовала его обжигающий взгляд, оглянулась, молодой человек с нескрываемым интересом смотрел на меня. Благословенна память, // Повёрнутая вспять. // Ты будешь больно падать, // Да редко вспоминать... // Лишь память о хорошем, // О том, // Что стало прошлым, // О нежности, // Которой // Ещё принадлежу, // О голосе любимом, // О том, // Что стало дымом, // Необъяснимым дымом, // Которым дорожу...». Перед моими глазами неожиданно открылся берег моря, залитый мягким, ласкающим солнцем.

Подруги предпочитают отдыхать в тёплых странах, в которых можно бросить свои тела на пляже, и не вставать недели две. Затем рассказывают об этом упоенно, не давая вставить слово. А мне приятно съездить на Рождественский бульвар, зайти в величественный храм Сретенского монастыря, помолиться и поставить свечку во славу великой русской литературы, в том числе за Евгения Блажеевского. Посидеть на скамейке, повторяя вновь любимые строки:

Я и так понимаю, и без дележа
На секунды, что жизнь бесконечно гонима
По скрипучему кругу слепых лошадей,
Но не будет в скитаниях точки последней.
И не надо пугать одиноких людей,
Забегая вперед и толкаясь в передней...

Жить в театре жизни невыносимо. Хорошим, добрым людям в этом страшном мире жить вообще невозможно. Но они живут, терпят. Добрые, светлые люди вынуждены выживать в серой беспросветной жизни. «...Не избежать полезного труда // Ни гению, ни птице, ни сатрапу. // Чудовищу я пожимаю лапу // И понимаю: больше никогда // Не насладиться, не опохмелиться, // Не распрощаться - ты попал в загон. // И нечем человеку расплатиться // За эту плоть, за молодость, за кон...»

Я вижу Евгения Блажеевского на углу Бронной живого и слышу его слова: «Я обернулся. Жизнь моя // Напоминает скомканный платок, // Потерянный проходим возле урны. // Не надо врать и становиться на котурны, // На них не перейти бушующий поток // И не спасти сомнительное "Я". // Что делать, если суть искажена // И трудно мне на переходе этом // Из мрака в темноту... До новой жизни // (она случится, но в другой Отчизне) // Довольствоваться буду слабым светом // И степью, что ветрами сожжена».

Тело его давно уже лежит на Троекуровском кладбище. Жизнь промелькнула, как одно мгновенье. «Беспечно на вещи гляди...» - говорил он. Беспечность пронеслась, оставив нам воплощённую в Слове душу поэта. Вместе с ним я переживаю печальный жизни путь. Поэзия Блажеевского - это дорога покаяния, исповедальная дорога. На протяжении всей жизни и мне часто хотелось спрятаться от ледящего ветра мира. Чувство вины, постоянно тревожащее душу, не даёт покоя. «Дается с опозданием часто, // С непоправимым иногда, // Кому - взлхмаченная астра, // Кому - вечерняя звезда. // Воздастся с опозданием вечным // Художнику за то, что он // Один в потоке бесконечном // Был для потомков почтальон».

Небо отражалось в реке. Своего отражения я не видела, несмотря на то, что старательно вглядывалась в зеркальную гладь. При этом я не испытывала ни тревоги, ни страха, наоборот, я жаждала чуда, прислушиваясь к хрустальному перезвону, который доносился с зеркального неба. Вдруг передо мной возник легкокрылый ангел. Сначала я увидела его пристальный, внимательный взгляд, потом проявилось его мерцающее тело и пушистые, как облака крылья. Я растерялась, и не смогла выговорить ни единого слова. Блажеевский ласково коснулся моего плеча и воспарил.

"Наша улица" №215 (10) октябрь 2017

"Весёлое время" Маргарита Прошина о Блажеевском-70 в "Независимой газете" 5 октября 2017 года.

Маргарита Прошина

«Я СПРОШУ У ГОСПОДА»

Евгений Бачурин (родился 25 мая 1934 года - умер 1 января 2015 года)

Когда наступает тоска и сжимается горло от печалей, стоит мне вспомнить песню «В ожидании вишен», как настроение мгновенно становится прекрасным и всё вокруг преображается, надежда вновь возвращается ко мне, открывается второе дыхание, я машу платочком неприятностям.

Я вновь готова нести свою чашу, которую должен каждый из нас нести, наполняя своими чувствами, поступками, мыслями. Нас ждут открытия, встречи, утраты. Никому не дано миновать участи своей, но каждый из нас при желании и определённых усилиях способен, испив её до дна, превратить её в чашу счастья:

Но все меньше нас и все дороже
Круг друзей, их союз.
Невозможно эту чашу, Боже,
Пронести мимо уст.
Так подыдем же ее не мучась,
Бог не выдаст и свинья не съест!
Переполненная счастьем участь,
Легкий крест, легкий крест.

Образ чаши, переполненной через край счастьем, показывает нам неисчерпаемые возможности наши. Сколько горечи, раскаяния, любви, отчаяния ждет человека в его непростом путешествии по жизни.

Значительная часть моей жизни прошла в ожидании чудес, самостоятельности, независимости, невероятной любви, абсолютно не представляя себе, что это такое. Мир наивных фантазий был свойственен девочкам-подросткам моего возраста. Что я знала о чувствах!?! Только книги были поистине животворящим источником ответов на бесконечные вопросы жизни, причём, приукрашенной моим воображением.

В том чтобы превратить вымысел в реальную жизнь, я не видела никаких препятствий, когда мне было шестнадцать лет. Вот тогда-то меня захватила романтика авторской песни, которой я осталась верна.

Как-то раз в конце семидесятых годов я попала на концерт Евгения Бачурина в Доме культуры завода Динамо. В те годы библиотеки вместе с профкомаами организовывали замечательные вечера через общество «Знание», которые были явной альтернативой фальшивым официальным мероприятиям. На заводы приезжали самые интересные полузапретные авторы и исполнители, атмосфера была доверительная, а публика собиралась со всей Москвы.

Худой и невысокий Бачурин был одет просто - в джинсы и водолазку в тон им. Он высоко держал кучерявую голову, и, казалось, что был чем-то недоволен. Чувствовалось, что характер у него непростой! Потом я поняла, что он всегда в незнакомой обстановке держится напряжённо, даже настороженно.

Когда же он запел, меня захватила высочайшая поэзия, неподражаемая в своих переливах мелодия и его артистическая игра на гитаре, поскольку в большинстве своём аккомпанемент у бардов состоит из нескольких аккордов, а у

Бачурина - это переливающиеся струны души, виртуозное исполнение. У меня было такое состояние, как будто бы я лечу сизой голубкой по безоблачному небу, а Бачурин пел:

Я спрошу у Господа
Спросу неразумного,
Отчего мы, Господи,
Стали как безумные.
Отчего мы носимся
Словно угорелые,
Друг на друга косимся,
Будто дело делаем.

Я спрошу у Господа
Слова покаянного,
Отчего мы попросту
Стали окаянными...

В переполненном зале стояла та тишина, которая бывает только в полном слиянии исполнителя и слушателей. На глазах у некоторых слушателей были слёзы - то ли от созданного песней настроения, то ли это были слёзы восторга от поэзии, музыки и образов, которые вызвали их сочтание.

Позже я узнала о том, что Бачурин - член Союза художников СССР. Выставлялся в России, ФРГ, США, Франции, Японии, Швеции и др., что картины его хранятся в запасниках Третьяковской галереи и Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Потом познакомилась с его произведениями на выставках, увидела репродукции и прочитала книгу, вобравшую практически все произведения Евгения Бачурина, "Я ваша тень", изданную издательством Юрий Кувалдина "Книжный сад" в 1999 году, и объёмный мир его стал для меня ещё ярче и привлекательнее.

Мне стала ещё более понятна образность и философская глубина его поэзии, органичное сочетание музыки в соединении с живописными образами. Открытие Бачури-

на-художника предстоит другим поколениям, как это и случается обычно.

Персонажи его картин как будто навеяны увиденными во сне пейзажами, которые родом из детства, это воспоминания о нём, тени прошлого, которые сопровождают нас на протяжении всей жизни в снах, присутствуют там как едва осязаемые тени прошлого. Творчество Бачурина производит впечатление открывающегося только для единомышленников таинства.

Нет, мы не птицы, а жаль,
Жаль, что живём не крылато.
Лишь поднимаем глаза и на сердце печаль,
Будто летали когда-то...

Всё это переложено в картины. Но живопись Бачурина не иллюстрирует его песни. Воздействуя гармонией цвета, она вовлекает нас в прозрение, в понимание простых истин и помогает еще глубже проникнуть в сложный внутренний мир человека. Бачурин защищает нежность своих песен своими же песнями и картинами, отстаивая их право на "ожидание мира и покоя".

В большинстве картин Бачурина запечатлены образы далекого детства, в котором соединены ощущения счастья и тревоги. Хрупкий мир маленького человека кажется ему таким надёжным!

Картины: «Двое под облаками», «Купание в Сочи», «Такова жизнь», «Дорога к морю», «Старый автомобиль», «Аллея» - почти гипсовые слепки, но они передают духовный, опозитизированный климат своей эпохи, её противоречивых нравов и полярности вкусов, пронизаны иронией и ностальгической печалью о невозвратном прошлом.

Я смотрю на картину «Шахматы на балконе и слышу голос Бачурина:

“я спрошу у господ” евгений бачурин

В шахматы играют на балконе
В довоенной южной стороне
Смуглый мальчик в новенькой матроске
И курсант при кожаном ремне.

У перил, где листья винограда,
Мать смеётся и отец грустит.
Брат приехал - он военный летчик.
За балконом бабочка парит.

Мы сидим за столиком прозрачным,
А над нами летняя пора,
На доске расставлены фигуры -
В шахматы последняя игра.

Мир затих, не двигается время,
Замер тополь, голову склоня,
Тонет солнце в безмятежном море,
До войны еще четыре дня...

Прошлое уходит без оглядки,
Но остался голос с высоты:
- Спи, мой мальчик, спи, мой, сладко-сладко, -
Ведь в живых остался только ты.

Играют в шахматы на балконе, море спокойно, ничто не предвещает того, что завтра мир перевернётся, завтра - война, и только этот мальчик останется в живых ...

Искусство Бачурина возвышает наши души, в нём чувствуется невероятная энергия автора, внешне такого сдержанного, даже закрытого. В памяти моей он остался многоликой и во многом потаенной фигурой.

Бачурин волнует многих людей, и искушенных интеллектуалов, и простых слушателей, и зрителей. Каждый найдет в его мире то, чему отзовется его душа...

В трудные моменты жизни его песни переносят нас в мир безграничной свободы, где в парке детских грёз мы живём в ожидании чуда, а голос его предупреждает нас о том, что «осторожность превыше всего».

Мир Бачурина - ни на кого не похожий, пронзительно личный, с обостренным чувством иронии и стиля:

Непокорные дети
Покоренных отцов,
Как же жить вам на свете
Без начал и концов?
Чтобы волю чужую
За свою выдавать?
Чтобы воли не чуют
И покоя не знать?

Его песни со временем приобретают все более глубокий философский смысл, звучат ещё более проникновенно. Ведь мы по-прежнему «живем в ожидании вишен» и «об- ретаем красоту лишь налету.

Бачурин творил в бесконечном ожидании лучших вре- мен, несмотря на разочарования и испытания. Невзирая на то, что «То радость мытарит, то горе, // И бьёт в набол- левшую душу. // Так вечно намеренно море // Ударить волною о сушу. // И все ж, мой собрат, // Не видать ли в пути огонька?..»

Бачурин продолжает свой путь с гитарой, гордый, нико- му не подвластный, а душа его «Как дудочка поет, // И ка- жется, что праздник будет вечно. // Вот только у певца // Счастливого лица // Не увидеть никак, // Хоть Богом он отмечен». Путь его бесконечный увлекает всё новых почи- тателей его гения. Возможно, страна его бесконечного во- ображения - мираж, но он пробуждает сердца людей, воз- вышает и зовёт к творчески исканиям.

Инна Иохвидович

ТРИ РАССКАЗА МАРГАРИТЫ ПРОШИНОЙ

Первый же прочитанный мною рассказ этой писательницы "Одноглазая" меня просто потряс! Его героиня Раиса, крупная некрасивая женщина, буквально "нашла своего суженого" пьяным в снегу, если бы она его не потащила, то он бы совершенно точно умер от переохлаждения! Именно она стала его настоящей Спасительницей!

В России, где женское население превалирует на одиннадцать миллионов человек, найти себе достойную, да и просто п а р у, особенно для женщины ещё и искалеченной (Рае, работавшей токарем выбило глаз) потому многие, часто даже незнакомые люди называли её "одноглазой"!

И вот у неё, не совсем молодой, но ещё совсем нестарой, появляется м у ж ч и н а, притом настоящий, их любовь, сложно назвать сексом! Это было их настоящее единение! Маргарита Прошина описывает чувства своей героини, откровенно, но деликатно! В этом и проявляется её писательское мастерство!

Её героиня религиозна, но стихийно, как и многие простые люди, не читавшие ни псалтырь, ни писания, но верующие честно и крепко, с рождения до смерти. Потому трогательно, до слёз сновидение героини с ангелами и с покойной матерью, что объясняет дочери, что и она и ангелы спустились с неба, чтобы быть на её свадьбе...

Но, увы жизнь жестока в своей правде, и рассказ оканчивается настоящей трагедией для героини рассказа. За "суженым" приходит его жена, которую известили соседи Раисы по подъезду...

А сама Раиса, вопрошает: "За что, Господи?", приложив ладони к лицу, она зарыдала".

При такой казалось бы печальной концовке, рассказ у меня не оставляет ощущения безысходности, кажется, что у "одноглазой" есть удивительное "будущее", что возможно в рождении ребёнка или в ином счастливом случае...

Второй рассказ называется "Проводница", что сразу указывает на профессию главной героини. Проводница Лариса рассказывает о своей жизни визави, в которой угадывается автор. Жизнь проводницы мало чем отличается от жизни миллионов женщин в Советском Союзе. Миллионы женщин, как и она получили профессиональное образование. Она стала фельдшером, вышла замуж, мужа забрали в армию через пять дней после свадьбы, а потом муж погиб на о. Доманском, из фельдшеров пришлось ей уйти, (нищенская зарплата, а ребёнок- сынок растёт) Вот и стала проводницей, денежной, да со своими тяжелейшими моментами, т.к. приходилось собой расплачиваться, собственным телом... Вот такое было женское "счастье"...

Этот рассказ чётко отражал начинавшуюся эпоху "застоя", как назовут её позже...

И третий рассказ, отличающийся от первых двух, "Нелька" об интересном феномене конца двадцатого - начала двадцать первого века - доминантной женщине, или как в двадцать первом веке её называли - Домина!

Главная героиня рассказа Таисия Павловна с самого начала напомнила мне самку богомола, которая съедает самца после спаривания. Но не будучи столь кровожадной,

она поедом, годами и десятилетиями "ела" своего благоверного Ивана Даниловича, совершенно преданного ей... Она и к собственному сыну относилась не лучше! Он, подобно отцу был столь же предан матери. Только сама же Таисия Павловна была убеждена, что она "вечно страдающая" достойна лучшего ухода, чем тот, что предоставляли ей муж с сыном.

Но вот Валерий - сын полюбил иногороднюю, уроженку Читы, работавшую на заводе вместе с ним Нельку! В ней тоже просматриваются черты домины, но она, естественно не доходила ещё до вершин самодурства, как её свекровь.

Молодые, несмотря на недовольство матери поженились.

И, можно предполагать, что после смерти Таисии они вместе с Катей, дочкой молодых и внучкой "страждущей" - естественно ставшей в старости больной, знаем, что очень скоро исполнится мечта Нельки, она станет обладательницей хором в центре Москвы!

На мой взгляд удались Маргарите Прошиной женские образы в этом рассказе. Сама Нелька, по имени которой назван рассказ, является доминой современного типа, не "страждущая", а молодая женщина, знающая чего она хочет! Это новый женский тип в современном женском рассказе.

Маргарита Прошина своими рассказами женской тематики представляет разнообразие типажей современной женщины... Что редко кому удаётся.

Юрий Кувалдин

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРГАРИТЫ ПРОШИНОЙ

Друзья, когда-то прочитав мою первую книгу "Улицу Мандельштама", говорили: и я так напишу. До сих пор пишут, исчезнув с горизонта. Писательство - самое трудное дело на земле. Ты одинок, ты один создаешь в Слове свои миры художественных образов. И вот почему я восторженно встречаю в своем журнале "Наша улица" каждый новый поздний талант. Маргарита Прошина всю свою жизнь посвятила книге, работая в лучших библиотеках: сначала в библиотеке им. Константина Ушинского у Третьяковской галереи, затем в библиотеке им. Ивана Бунина. И уже в позднее время она стала писать, выплескивая на бумагу свою душу, короткие поэтические эссе под общим названием "Задумчивая грусть". Так в свое время писал стихотворения в прозе Иван Тургенев. В стиле Маргариты Прошиной живет волнительная душа, стремящаяся к возвышенному, классическому, вечному. Её принцип, который правит всю жизнь и мною, чтобы написать, нужно писать. И она с регулярностью маятника пишет.

У Маргариты Прошиной все женщины созданы по образу и подобию. Он есть Слово. Слово пробуждает героинь рассказов. Все они женщины, и все они - в Слове. Я просмотрел рассказы Прошиной, и выписал из некоторых лишь первые фразы. Получилось очень интересно. Свое-

образная поэма "Начал". Можно было выписать и концы. Но к чему? Ведь Слово бессмертно, как бессмертны созданные писательницей женщины. Даже не из ребра Адама, а из букв божественного алфавита, где в каждой букве живёт Бог. Вот что получилось, если не отрываясь, как поэму читать возвышенно, или как священник читает Евангелие. Зою разбудили крики петухов ("Уроки деревни"). Сколько помнила себя Лебедева, всё самое романтическое, загадочное, пленительное в её жизни приключалось как-то само собой ("Её волшебное озеро"). Ледяйкина родилась и жила в старом, покосившемся в сторону грязной речки огромном двухэтажном бараке, со стенами из дранки, на множество узких комнат ("Ледяйкина"). В дождь звуки с улицы усиливались, постепенно наполняя комнату, как будто кто-то включил приёмник, и постепенно всё прибавлял и прибавлял звук, назойливо перебиваемый скрипящими и свистящими радиопомехами "Огни Москвы"). Ресницы заиндевели ("Одноглазая"). Шум неприятно свистящих турбин "лайнера", которому давно было пора падать вместе с пассажирами с неба, затих почти, но не смолк ("Провинциалочка"). Курбская родилась в старинных книгах и до самозабвения, до перевоплощения, до исчезновения любила не просто читать их, а жить в них единственно реальной жизнью ("ЕГЭ"). У Манефы Яковлевны было девять дочерей ("Поня"). У неё было редкое имя - Видана ("Лаврушенский переулоч"). Делаю в страхе первую запись ("Дневник библиотечарши"). Жукова жила в Карманицком переулке ("Особенная"). Москва воистину неисчерпаема ("Осчастливили"). Таня работала на Серпуховке ("Шуба"). Херсон звучал печально в душе Фортунэты ("Фортунэта"). Архитектор Крылова прилетела в Симферополь из Внуково ("Бубенчик"). Свадебный белый лимузин с золотыми кольцами на крыше бесшумно проехал по Большому Каменному мосту, повернул

налево к дому Пашкова, затем направо на Моховую ("Мечь"). Прошёл летний дождь, превратив асфальт в зеркало, в котором подсвеченная солнцем отразилась острошпильная башня ("Принцесса с Казанского вокзала"). И далее без указания названий рассказов. По мере удаления от душной Москвы через открытые окна воздух в машине все больше насыщался свежестью и запахом трав. Несметное пиршество роз всех тонов и оттенков превратило квартиру счастливых супругов в цветущий сад. Яковлева, до замужества "Пичугина", накануне суда идёт с безотрадными мыслями, мучительно обдумывая свои бесконечные обиды. Лиана так плотно сомкнула веки от ослепительного света, что увидела себя высоко на колокольне церкви Вознесения Господня на Гороховом поле. Я ехала в поезде. В тамбуре пахло укропом. Город в овраге разрезан рекой. Любушка, черны косы обвивают стан, сидит у церкви, где венчался, кажется, когда-то один известный поэт, имя которого она никак не может вспомнить, имя-то у всех на слуху, а вот из памяти вывалилось, в общем, сидит у Никитских ворот, пытаюсь странноватым взглядом отыскать эти ворота, но никаких ворот вокруг себя не находит, и беседует с Корженевской, стриженной под мальчика, выкрашенной в броский, ибо она не такая, как все, зелёный цвет, с множеством цепочек на шее, которыми любит теребить и позванивать. В метро Лиле вспомнился первый роман Достоевского "Бедные люди", в котором он так нежно передаёт чувства двух беззащитных существ, которые пытаются вопреки обстоятельствам выжить, поддерживают друг друга, отказывая себе в самом необходимом. Отец, мать, тётушки, дядюшки, сёстры, братья, и еще какие-то далёкие, едва узнаваемые родственники со скорбными лицами стояли у Фаины Фелициановны в ногах. И из Евангелия от Иоанна: В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в

начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его...

В библиотеках работают библиотекари, и никто не пишет из них, кроме Маргариты Прошиной, обладающей чувством поэтического восприятия жизни, воплощающей свою душу и мысли в художественную прозу, отмеченную новизной постижения мира.

Вот, скажем, Маргарита Прошина написала об окнах, и как бы подсказала мне: окно выводит меня в другой мир. Окно, как крест, и крест как окно. Мы переходим жить во вторую, литературную реальность, где всё обстоит иначе по велению Слова. Линейное искусство, практически, завершило свой путь уже к началу Серебряного века.

А вот запись о Шехтеле. Как будто и я с Маргаритой Прошиной стою у дом Шехтеля в Ермолаевском переулке. Так она хорошо об этом в своих заметках написала. Великолепный Серебряный век в нашем искусстве немыслим без гения в камне Фёдора Шехтеля.

Когда Маргарита Прошина пишет об очаровании маленьких городов, то я в Угличе узнал себя царевичем Дмитрием, а в Переславле стал самим Петром, чтоб прорубить опять окно в Европу... Такое вот впечатление у меня сложилось от этой вдохновенной записи.

Я подумал, читая эссе Маргариты Прошиной о женских лицах, что женское лицо - это душа женщины, и, если душа богата, то и лицо озарено мыслью.

А вот, казалось бы, простые мысли Маргариты Прошиной о поезде. Но в этой простоте есть секрет, потому что, читая эту чудесную запись Маргариты Прошиной, я вспомнил свой детский испуг от приближающегося черного паровоза, шипящего, свистящего, выпускающего струи пара. И уже передо мною - огромные колеса с белыми ободами, и

красная планка, то поднимающаяся, то опускающаяся, связывающая колеса в ритмичный маятник.

Или вот Маргарита Прошина увидела "стройную аллею пирамидальных тополей, словно зеленых свечей, под ними - ажурную белую беседку"... На переднем плане здесь находится чувство, и, кажется, всё это сказано экспромтом, оттого у меня создалось впечатление поэтического вдоха. И эта чувственная ритмичность Маргариты Прошиной говорит о состоянии её вдохновения.

А вот звучит музыка. "Волшебное озеро" Анатолия Лядова. Маргарита Прошина написала так проникновенно об этом гениальном произведении, как пишут саму музыку. Я слушаю, и хорошо делается, когда скрипка заплачет или пожалуется...

Маргарита Прошина проводит экскурсию. Тема экскурсии: сенокос в парках Москвы. Улавливаю запахи свежескошенной травы, как будто я иду по лугу. Но это московская аллея, пустынная, с ароматом сена. Траву на газоне скосили, но не убрали, и она, подсыхая, навеивает мысли о просторных лугах, уходящих за горизонт, о тихой реке, отливающей золотом солнечных лучей. Сенокос на газонах и в парках Москвы стал привычным, и, закрыв глаза, многие городские жители, так же как и я, переносятся в поля и луга, по которым давным-давно не бродили.

А вот она говорит о доме Тарковских на Щипке, сосредотачиваясь на том, что Замоскворечье было хлебным сытым районом старой Москвы... И далее: "Истории, картины, жители! Сколько об этом сказано, а сколько позабыто... Память каждого человека избирательна, для меня же она особенно важна, когда я брожу по такой разной и прекрасной Москве, которая обладает восхитительным качеством сочетать несочетаемое и сохранять, невзирая на упорное вмешательство временщиков, свой неповторимый образ. Выхожу из трамвая № 39 на остановке "Улица Ци-

пок", сворачиваю в 1-й Щипковский переулок. Путь по причудливо извилистому переулку лежит к дому под номером 26, в котором с 1934 по 1962 годы жили Арсений Александрович и Андрей Арсеньевич Тарковские. Ничто не напоминает нынче о прежней жизни и быте этих мест. Нет таможенной заставы Земляного города, где провозившиеся в Москву товары тщательно проверяли, для чего щипали или щупали их специальными приспособлениями, нет мельницы и хлебных складов и двухэтажных домов старой застройки то же практически нет, а сердце моё бьётся, предвкушая встречу с былым. Мне так хочется постоять тихонько и подумать, пройти по деревянным ступенькам, посмотреть в зеркало и прочитать перед ним строки, бесконечно волнующие меня каждый раз, когда я их вспоминаю:

...Сновидения ночи и бабочки дня,
Здравствуй, всё без меня и вы все без меня!

Я читаю страницы неписанных книг,
Слышу круглого яблока круглый язык,

Слышу белого облака белую речь,
Но ни слова для вас не умею сберечь,

Потому что сосудом скудельным я был.
И не знаю, зачем сам себя я разбил.

Больше сферы подвижной в руке не держу
И ни слова без слова я вам не скажу.

А когда-то во мне находили слова
Люди, рыбы и камни, листва и трава.

Цель моя достигнута. Передо мной заброшенный пустырь, огороженный металлической сеткой, земля, по которой как-то раз прошёл трактор, поросла пожелтевшей травой. "Здравствуй...". Былое утрачено безвозвратно, нача-

лась новая жизнь этих мест. Вернувшись домой, я прочитала в интернете, что на этом месте на основе архивных документов планируется построить такое же деревянное здание, как и при семье Тарковских, а в нём создать культурный центр. Сегодня настроение у меня было романтическое. Я с удовольствием побродила по местам, которые связаны с гениальными отцом и сыном: поэтом Арсением Тарковским и режиссёром Андреем Тарковским".

Анна Ахматова родилась в 1889 году. Марина Цветаева родилась в 1892... Посмотришь на современных писательниц - возраста нет, даты не указаны, за редкими исключениями, так Маргарита Прошина прямо называет везде год рождения - 1950, то есть у неё ныне идет юбилейный год 70-летия, а те, вроде они стары, поищем и найдём год рождения, ну, да, ищите-свищите, нет года, но где-то она сама, молодящаяся, вдруг говорит о внуке, который вернулся из армии, ничего себе, дело обстоит не так плохо, можно уже сузить догадки о её возрасте, во всяком случае она родилась не в девятнадцатом, а в двадцатом веке, сплошные тайны женской хронологии, конечно, поначалу я её не признал, а теперь озадачился арифметикой, сколько нужно вычесть лет из неё, сколько прибавить внуку, в общем, таким образом подыщем сумму истекших лет.

Родиться можно только в Слове, и стать своей вселенной, ни с кем не соревнуясь и никому не мешая, вписывая в книгу вечности своё поэтическое дыхание, как это делает писательница Маргарита Прошина, самая проникновенная из пишущих женщин, самая чувственная, способная разгадать все нюансы женских тайн. Со своей темой, со своим звуком, со своим взглядом, со своим жестом, со всем своим светом и теплом и, поэтому, узнаваемая сразу. Так узнаваем Гоголь, так узнаваем Чехов...

Писатель не имеет возраста, и литература не делится на мужскую и женскую, точно так же, как душа живёт вне те-

ла в Слове. Маргарита Прошина это не только понимает, но и проникновенно пишет свою жизнь в образах по этому принципу, ежедневно встречаясь и беседуя со своими современниками: Андреем Платоновым и Анной Ахматовой, Николаем Гоголем и Анной Григорьевной Достоевской, Джеромом Сэлинджером и Франсуазой Саган. Приветствую такую тёплую компанию и присоединяюсь к ней с пламенными поздравлениями и с полной рюмкой!

О мастерстве Маргарита Прошина пишет так: "Я думаю, что мастерство - это бесконечные репетиции, доводящие один какой-нибудь элемент до совершенства. Достичь такого мастерства никак невозможно без настойчивости, упорства, терпения, выдержки. Мастерство ведь является не только высоким искусством, его можно достичь систематическим трудом, потому что всякий талант необходимо развивать ежедневными повторениями. Когда я читаю мастерски написанную фразу, например у Паустовского, когда он пишет о золотой розе: "Она отчасти представляется мне прообразом нашей творческой деятельности. Удивительно, что никто не дал себе труда проследить, как из этих драгоценных пылинок рождается живой поток литературы", то меня охватывает восторг и жажда репетировать со словами, как с актёрами репетирует режиссёр, каждый день. Я понимаю, что умение делать художественный текст облегчает задачу в исполнении нового замысла".

В своём фильме "Свих в ряд" о прозе Маргариты Прошиной я сказал не случайно, потому что она сотрудничает с моим журналом "Наша улица" уже 8 лет, причём в каждом номере без пропусков публикует изумительные по оригинальности и глубине постижения женских характеров, поскольку пишет она только о женщинах. Приятели, когда-то прочитав мою первую книгу "Улицу Мандельштама", говорили: и я так напишу. До сих пор пишут, исчезнув с горизонта. Писательство - самое трудное дело на земле. Ты

одинок, ты один создаешь в Слове свои миры художественных образов. И вот почему я восторженно встречаю в своем журнале "Наша улица" каждый новый талант. Маргарита Прошина всю свою жизнь посвятила книге, работая в лучших библиотеках: сначала в библиотеке им. Константина Ушинского у Третьяковской галереи, затем в библиотеке им. Ивана Бунина. Она выплескивает в рассказах через персонажей свою душу, которая живёт и в коротких поэтических эссе под общим названием "Задумчивая грусть". Так в свое время писал стихотворения в прозе Иван Тургенев. В стиле Маргариты Прошиной трепещет волнительное сердце, стремящееся к возвышенному, классическому, вечному. Её принцип, который правит всю жизнь и мною, заключается в том, чтобы написать, нужно ежедневно писать. И она с регулярностью маятника пишет.

Писатель непременно должен быть узнаваем сразу не столько по фотографиям, сколько по особенностям стиля своих произведений, открытых без прочтения автора на обложке, навскидку на любой странице. Так я по нескольким фрагментам узнаю женственную живописную прозу Маргариты Прошиной. У неё своя тема, свой симфонизм. Все её героини - женщины, причём, очень не похожие друг на друга, женщины разных судеб, разных характеров. В проникновенных рассказах "Поня", "Огни Москвы", "Ледяйкина", "Её волшебное озеро", "Фортуэта" и многих других с изящным мастерством показаны героини почти из всех социальных слоёв общества, с разным культурным и интеллектуальным багажом. Но каждая из них очень индивидуальна с тайнами своей души, проникнуть в которую может только истинный писатель-психолог. Вот это и удаётся Маргарите Прошиной, пишущей в поэтической тональности, интеллигентно, предельно тактично. И в этом её ни с кем не спутаешь. Яркая индивидуальность.

Библиотека для писателя - дом родной, особенно тогда, когда в библиотеке работают интеллигентные, интеллектуальные люди, встречающие писателя с душевной теплотой, как Маргарита Васильевна Прошина. В своё время она работала в научной библиотеке им. К.Д. Ушинского, а затем в качестве заместителя директора библиотеки им. И.А. Бунина.

В библиотеку я вхожу, как в храм, где живее, настоящее живут те люди, с которыми я провожу всю жизнь. Вот со мною говорит Данте о чистилище грешных, о кругах ада, предсказав ад советских концлагерей. Вот Чехов корчится привязанный к железной койке в палате номер шесть. Вот Достоевский точит у татарина точильщика вострый топор для ростовщицы. Вот Волошин под шум кокетельских волн восклицает:

Но полки книг возносятся стеной.
Тут по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы.
И здесь - их голос, властный, как орган,
Глухую речь и самый тихий шепот
Не заглушит ни зимний ураган,
Ни грохот волн, ни Понта мрачный ропот...

Писатель и библиотека - неразрывное целое. Может быть, даже единая метафизическая плоть. Ибо отобранные из множества великие книги формируют душу прекрасного человека будущего. Сам Бог живет в книге. Все имена людей записаны в книге.

Маргарита Прошина помогает читателю найти великую книгу, соединиться с книгой для обогащения своей души. Книга и есть душа человека, если понимать человека как экземпляр тиража, оригиналом которого является Бог.

Маргарита Прошина мыслит роль библиотеки в современном мире в совершенно новом свете, и не только в свя-

зи с использованием новейших технологий и подходов, но и в самом творчестве великих людей, ставших книгами, в которых и протекает настоящая жизнь человечества. Ибо жизнь дана для того, чтобы превратить её в Слово. Великая метафизика - это перевернутая пирамида, включающая в себя все слова мира, начинающиеся с zero.

Все персонажи рассказов Маргариты Прошиной 8 марта получают поздравления. Почему? Потому что она пишет только о женщинах. Это её яркая отличительная черта. К писателю сначала привыкаем, а потом узнаём. Много пишущих, но мало писателей. Не среди людей, а на небе. Чехов, Гоголь, Достоевский. Они узнаваемы. Маргарита Прошина стремится быть узнаваемой. Тема - женщины, стиль - изящный, лексика - интеллигентная, время - вечность. Музыкальное сопровождение - симфоническое. И всё движется любовью...

В них уже не видят женщин, называя попросту продавщицами, приёмщицами, "училками" или "врачихами". Представляя из себя только форму для ношения одежды и украшений, существующие, как правило, на биологическом уровне с некоторыми познаниями посредством сплетен с себе подобными, эти манекены мелькают перед глазами мужчин до тридцати, после этого их количество значительно уменьшается, после пятидесяти лет сходя на нет, обороняясь от окружающих поговоркой: "Я не солнышко - всех не обогрею". Маргарита Прошина знает этот довольно распространённый женский тип на зубок, просвечивая его рентгеном художественного анализа, при котором выясняется абсолютная пустота душ подобных персонажей, год от года становящихся всё более злее и ненавистнее по отношению к окружающему миру, поскольку, чем самодовольнее женщина с претензиями, тем она больше ненавидит мир, который мешает ей быть всегда в центре внимания, молодой и в модной одежде, как на обложке глянцевого

журнала. "Если кто-то из прежних знакомых её окликал, то она начинала жаловаться на свою несчастную судьбу", - так жёстко завершает свой рассказ Маргарита Прошина.

"Смысл нашей жизни - любовь", - как-то написала Маргарита Прошина, приковав моё внимание, а затем добавила: "В детстве время течёт совершенно иначе. Посмотрите на детей! Сколько в них естественности. Позвольте себе роскошь быть самими собой!", - после чего самым непосредственным образом передо мною возникает "Колесо времени!", о котором она говорит: "Я останавливаю его своим словом. Но это слово будет воскресать вновь и вновь, после каждого умершего, с каждым новым родившимся". Великое счастье быть писателем, и вдвойне радостно писать так поэтично и проникновенно, как это делает Маргарита Прошина.

Нина Краснова

"ЗАМЕТЫ" УМА И СЕРДЦА"

1.

Из всех новых авторов журнала "Наша улица" в последние 8 лет самой заметной и самой удивительной фигурой, на мой взгляд, оказалась Маргарита Прошина. Она родилась в Таллине, в интеллигентной семье, где всегда было много книг, среди которых она и росла и выросла. Она с детства любила читать и, может быть, поэтому, окончив в Москве институт культуры, связала свою жизнь с книгами, с профессией библиотекаря, и долгое время работала заведующей отделом в Государственной научной библиотеке имени К. Ушинского, а потом заместителем директора библиотеки имени И. Бунина. Даже стала Заслуженным работником культуры Российской Федерации. Но сама никогда не пробовала писать ни рассказы, ни повести, считала, что это дело писателей, классиков, с которыми ну как ты можешь соревноваться и конкурировать. И даже мыслей таких у неё не возникало. Пока она не встретила писателя, издателя и главного редактора журнала "Наша улица" Юрия Кувалдина, которого читала ещё до того, как "повстречала его на жизненном пути", в библиотеке. Пообщавшись с Маргаритой Васильевной, он, у которого развит нюх на таланты, сказал ей: "Вы так разбираетесь в русской и зарубежной литературе... Так интересно говорите о кни-

гах. А почему вы сами не пишете? Попробуйте, у вас получится. Писатель начинается с читателя".

2.

И Маргарита решила попробовать себя в коротких дневниковых заметках, зарисовках. Это оказалось не так-то легко, о чём она и написала в одной из своих страничек:

"В жизни у меня никогда не возникало проблем, как выразить свои мысли в разговоре с кем-то на любую тему. И я считала, что язык у меня подвешен хорошо".

Но одно дело выражать свои мысли и себя в разговорах с кем-то, в устной речи, а другое дело - в письменной, на бумаге. О чём Маргарита тоже написала:

"Я... взяла ручку и стала писать и почувствовала, что слова разбегаются. Когда я пытаюсь их собрать в законченную, осмысленную фразу, причем не простую, а художественную".

Но когда она стала писать каждый день, следуя принципу Юрия Олеши и Юрия Кувалдина "Ни дня без строчки", она почувствовала, как "слова окружают" её со всех сторон и сами "просятся на бумагу".

И у неё стали получаться прелестные миниатюры, "заметы" ума и сердца", которые они пишет "с превеликим удовольствием, забывая обо всем на свете", и которые Юрий Кувалдин с таким же удовольствием печатает в "Нашей улице" из номера в номер, с апреля 2012 года в каждом номере. А читатели с таким же удовольствием читают их.

Эти её заметки - это мини-эссе, небольшие по размеру, в одну страничку или в полторы и в полстранички, но очень емкие по своему содержанию, по своей художественной,

эмоциональной и интеллектуальной насыщенности, и очень красивые, эстетичные по своему стилю, по искусству "плетению словес", они - как стихи в прозе, которые так и хочется читать и цитировать.

Например, о Москве:

"Город мечты, надежды, исполнения желаний. Город сказка. Город разочарований, утраченных иллюзий. Родной, уютный город..."

У каждого и для каждого она своя. Москву нельзя не любить, её нужно изучать и узнавать на протяжении всей жизни".

Или о прогулках по Москве:

Зачины страничек об этих прогулках звучат как рефрены стихов:

"Иду по Лаврушинскому переулку..."

"Иду по Большому Козихинскому переулку..."

"Шагаю по Ордынке, шагаю по Полянке, шагаю по Таганке..."

Или о чайнике и чае:

"Ставлю чайник. Пока он не закипел, смотрю в окно, которое постоянно притягивает меня. Чайник тем временем шумно сообщает мне, что он вскипел. Спрашиваю у чайника: "Что мне сегодня пить - чай или кофе, если всё же чай, то какой?" Так изо дня в день я беседую с чайником. Я в чае души не чаю... Чай с вареньем, с мёдом, с пирожками, с сушками, со сладостями. Чай вприкуску, чай внакладку", чай "чёрный, зелёный, жёлтый, красный, белый". - Когда читаешь это, невольно хочется выпить чаю.

Её заметки очень лиричны и в то же время философичны, мудры и афористичны, как крылатые выражения. Они западают в душу.

Например, о празднике и рюмке водки:

"Ну какой праздник может обойтись без рюмки водки!"

Или о 8 Марта:

"Не может быть праздник у всех женщин в один день. Когда мужчины желают... признаваться (им) в любви. Любовь, выражение чувств, праздник - всё это очень личное, и у каждой пары есть свои праздники, и именно этим они прекрасны". И у каждого человека есть свой "Праздник, который всегда с тобой", по Хемингуэю.

Или о сексе и родстве душ:

"Секс быстро приедается, а родство интеллекта и душ нет.

Встретить родную душу, практически, невозможно, но что может быть прекраснее этого!"

Или о любви:

"Слияние душ в творчестве - есть высшее проявление любви".

Или о разлуке:

"В разлуке острее понимаешь, как дорог тебе любимый человек. И ты мечтаешь о встрече (с ним) и захватывающих полётах вдвоем".

Или о конфиденциальности:

"Наши так называемые "звёзды" считают, что самое главное их достижение - гардеробные, спальни, чередка жён и мужей, особенно "гражданских", исповеди о нерождённых детях и раздел имущества. Конфиденциальность для них не существует, поскольку больше им ни сказать, ни показать нечего".

Или об отрицательном результате:

"Слишком много одного и того же хорошего приводит к отрицательному результату".

Или о личных планах:

"Стоит случайно обмолвиться, к примеру, о своих планах, как тут же обстоятельства складываются так, что они становятся неосуществимыми".

Или о книге:

"Книги... самые верные и вечные друзья". "Только с книгой в руках я чувствую себя абсолютно счастливой. Книгам я обязана лучшим, что есть во мне".

...Мини-эссе Маргариты Прошиной... в них есть что-то от миниатюр Розанова, Пришвина, Солоухина, хотя всё у неё абсолютно своё, а не чьё-то, - и их можно читать не по очереди, а в любом - в том или ином - порядке, какой тебе вздумается, попеременно. Потому что это же не произведение с сюжетом, с завязкой и развитием действия, с кульминацией и развязкой, а россыпь страничек и строк о том о сём, каждая из которых чем-то интересна... и не только интересна, но и полезна для души и для её развития.

3.

Строительный материал строителя - это кирпичи, доски, брёвна... А строительный материал писателя - это слова, которые состоят из букв алфавита. Из одних и тех же материалов у разных строителей получаются разные дома. А у разных писателей получатся разные сочинения, у кого прекрасные, а у кого - увы.

Маргарита Прошина говорит сама себе: "Используй простейший материал - алфавит... но ты найди свои комбинации из букв и слов, чтобы создать свой неповторимый мир".

Так же, как всего из семи нот композиторы создают огромное количество разных музыкальных произведений, песен, сонат, опер, симфоний, так же и писатели создают из 33 букв алфавита и из одних и тех же слов богатого русского языка разные сочинения, рассказы, повести, рома-

ны... И Маргарита Прошина создаёт и уже создала на бумаге свой неповторимый мир, "жизнь в тексте" и в текстах, в который интересно входить, в котором интересно находиться, в котором открываешь для себя много нового даже в чем-то привычном.

В мире Маргариты Прошиной произрастают разные вроде бы привычные для тебя растения, крапива, полынь, Иван-да-Марья, репейник, но под пером Маргариты они кажутся какими-то новыми, какими ты их никогда не видела и не воспринимала. Так же, как и театры Москвы, в которых ты бывала, и улицы и площади, места, по которым ты ходила, например, Трубная площадь, Боровицкая, Пушкинская площадь... Чистые пруды, Москва-река... и памятники Москвы... На всём этом лежит её авторская печать, и во всём, о чём она пишет, чувствуется её нестандартный взгляд на всё это и чувствуется её отношение ко всему.

Мир Маргариты населён поэтами, писателями, музыкантами, композиторами разных времён, разных веков. Тут тебе и Фет, и Тютчев, и Чехов, и Гоголь, и Достоевский, и Тургенев, и Бунин, и Вересаев, и Булгаков, и Блок, и Ходасевич, и Бальмонт, и Гумилёв, и Волошин, и Кузмин, и Ахматова, и Цветаева, и Мандельштам, и Пастернак, и Платонов, и Гёте, и Гейне, и Бодлер, и Кафка, и Борхес, и Бах, и Феллини со своим фильмом "Восемь с половиной", и Кувалдин, и Блажеевский, и Бродский, и Тимофеевский, и Золотухин со своей ролью Маркиза де Сада, и Яхонтов, и Лесин, и Сокольский, и Бачурин, и Шамардин, и Бурдонский, и Кеворков, и Влодов, и Осокина, и Гедымин, и Кира Грозная... и кого только нет... И все они, и кто жил раньше, в России или где-то ещё, и кто живёт сейчас... все находятся в одном пространстве, в одном времени... И все они - живые, в том числе и те, которые ушли в мир иной, но всё равно они - "живее всех

живых". И о каждом герое, персонаже своего мира Маргарита говорит, то есть пишет что-то своё... Не обширные монографии размером с научную диссертацию в пятьдесят или сто страниц, а мини-эссе размером со страничку и при этом способна уложиться в несколько строк, чтобы сказать о ком-то или о чем-то самое главное.

Например:

О Чехове, от которого она в восторге. Чехову, с его "художественным талантом", "удается без пошлости описывать в своих произведениях любые стороны человеческой души, природа которой несовершенна".

О Викентии Вересаеве. Он "обладал редким качеством - улавливал необычайно тонкие веяния в жизни и искусстве".

О Бахе. "Слушаю Баха... Музыка дарит мне ощущение счастья и гармонии!"

О Достоевском. "На мой взгляд, он был неудовлетворённым мужчиной, с его сексуальной потенцией, с его эротической одержимостью не мог обходиться без любви. И тут судьба посылает ему молоденькую, сразу влюбившуюся в него Аню. Жизнь потекла в заоблачных высях любви и творчества".

О Кувалдине: "Прочла... книгу Юрия Кувалдина "Нахтигаль"... Мир писателя так увлёк меня, что захотелось читать и перечитывать другие его произведения. Юрий Кувалдин создаёт и постоянно пополняет энциклопедию Москвы и московской жизни... Юрий Кувалдин художественно пишет историю страны второй половины двадцатого начала двадцать первого века. Писатель малыми средствами передаёт тончайшие оттенки душевных переживаний героев..."

О Нагибине и его дневниках: "Воспоминания и мемуары знаменитых людей и их современников - моё самое люби-

мое чтение. Они носят исповедальный характер, передают аромат эпохи... и не претендуют на истину".

4.

Когда Маргарита Прошина читает книги, от которых она в восторге, она справедливо думает, что писатели написали их для неё, и Чехов, и все русские и зарубежные классики. И это по-существу так и есть. Писатели писали и пишут свои книги для тех, кто будет читать и любить их. А значит - и для читательницы и писательницы Маргариты Прошиной. И прозаики, и поэты, стихи которых она читает, знает и любит, как мало кто ещё из сестёр по перу, и разбирает и цитирует на своих страницах, для себя и для своих читателей, чтобы поделиться со всеми чем-то нерукотворно-ценным и прекрасным. Поэзия, как и смежные жанры искусства, облагораживает, обогащает повседневную жизнь человека, и делает эту жизнь поэтичнее, духовнее и прекраснее и никогда не покидает Маргариту.

Например, когда Маргарита шагает по Москве, и идёт по Ордынке и по Таганке, то вспоминает стихи Блажеевского: "Весёлое время, Ордынка, Таганка...".

А когда просыпается от "странного звука" об стекло, вспоминает строки Пастернака: "Я был разбужен спозаранку // Щелчком оконного стекла".

А когда слушает, как Шамардин своим "чарующим голосом" поёт в Клубе МВД песни о любви на разных языках, то вспоминает поэзию Сильвы Капутикян: "Язык любви - один и тот же всюду. // Не знаешь ты армянского и всё ж, // Когда я по-армянски буду // Шептать люблю, невольно ты поймёшь".

А когда сидит дома, в уютной комнате и читает книгу, то говорит себе стихами Цветаевой: "Дрожат на люстрах огоньки... // Как хорошо за книгой дома"! - И, разумеется, пишет обо всём этом в своих эссе.

Есть у Маргариты Прошиной и странички обо мне, о моих стихах "Тайна" и "Свеча в спальне", которые в своё время поразили её и которые она комментирует очень точно, что мне, разумеется, приятно как автору этих стихов, и радостно, что мы с ней оказались близки в этом друг другу. И у меня даже родились про нас такие две строчки с эпифорной рифмой:

Дамы спелись.
Да, мы спелись.

Есть у Маргариты и абзац о моём альманахе "Эолова арфа", и это мне тоже приятно:

"И как только поэтессе Нине Красновой пришло в голову назвать свой альманах "Эолова арфа"? Эта арфа, поющая сама по себе от лёгкого дуновения ветра. Так звучит и сам альманах. Потому что в нём гармонично поют все авторы, отобранные для публикации главным редактором - Ниной Красновой".

Маргарита Прошина и сама символ Эоловой арфы, трепетная, чувствительная творческая натура, "поющая сама по себе от лёгкого дуновения вера".

Творческий процесс для Маргариты Прошиной - это "упоительный... процесс", который вызывает в ней очень сильные импульсы и во время которого она вся импульсирует. Она так и говорит, так и пишет об этом: "...я вся импульсирую". Превосходный неологизмовый глагол она придумала!

5.

Мини-эссе Маргариты Прошиной Юрий Кувалдин печатает в "Нашей улице" под общим названием - "Задумчивая грусть". За восемь лет Маргарита написала сто частей этих эссе на самые разные темы! А кроме того - около ста великолепных художественных рассказов (!), которые Юрий Кувалдин тоже публикует в своём журнале, и тоже из номера в номер, как и все эссе Маргариты. Её рассказы - это уникальная галерея разнообразных женских образов - от самых утончённых и изысканных, к каковым она и сама принадлежит, до самых грубых и вульгарных, как, например, в её новом рассказе "Земноводное" в июльском номере "Нашей улицы". Я не анализирую здесь всё творчество Маргариты Прошиной (это не входит в ограниченные рамки моей статьи). Я только высказываю некоторые свои мысли, размышления и суждения, связанные с ним.

6.

Как говорится, "любви все возрасты покорны, её порывы благотворны". Но на примере Маргариты Прошиной хочется сказать, что и творчеству все возрасты покорны, и его порывы благотворны не только юноше или девушке "в расцвете лет", но и зрелому человеку в расцвете сил. И недаром говорится, что каждому овощу - своё время, или каждому яблоку. Бывают раннеспелые яблоки - грушёвки, например, а бывают позднеспелые - например, антоновки. Как бывают и раннеспелые поэты, писатели (и вообще мужчины и женщины), а бывают позднеспелые. О тех и других я написала в свои студенческие годы "белые" стихи - "Зелёные яблоки". О том, что поначалу все яблоки на

ветках - одинаково неспелые, "одинаково зелёные", только глянешь на них и "ощущаешь на зубах" "оскомину", но потом какие-нибудь грушочки становятся ярко-красными и розовыми, а антоновки в это время остаются всё ещё зелёными, в смысле - неспелыми, но что происходит потом, осенью?

Вот настала осень поздняя.
Скороспелки перепортились,
Не годятся даже на компот.
А зелёные антоновки
Достигают самой зрелости,
Самым соком наливаются
И вкушают с каждым днём.

Вот Маргарита Прошина, если сравнивать её с яблоками или с яблонями, - антоновка. Она всю жизнь набиралась жизненного и духовного материала, впечатлений, знаний, культуры, всего того, что помогло ей созреть для творчества, хотя она и сама не понимала этого. И теперь под лучами солнца "Нашей улицы" созрела и выдаёт нам свои литературные плоды, которыми нельзя не восхищаться.

7.

Бывают поэты, писатели, которые рано начинают писать, но рано и кончают. Лермонтов говорил о себе:

Я рано начал. Кончу ране.

Таковыми были и Пушкин, и Есенин, и Блок, и Чехов, и Платонов, и Веничка Ерофеев, и много кто ещё. Но ещё больше было других: которые рано начинали писать и даже славиться на всю страну и получать лавры, премии, ордена

и медали, но рано "исписывались" и кончались и так и не создали ничего своего, по-настоящему ценного. Маргарита Прошина не из числа тех, которым "несть числа" и имя которым легион. Она начала вроде бы "поздно", но за короткое время уже сделала в литературе столько всего, сколько иные не сделают и за сто лет, даже если начали писать с пелёнок.

8.

Есть что-то не только удивительное, но и что-то такое сверхчудесное, экстраординарное в том, что Маргарита Прошина за какие-то восемь лет уже написала и выпустила в "Книжном саде" пять полновесных книг, каждая из которых - прекрасный вклад в нашу русскую литературу:

"Задумчивая грусть" (2013),

"Мечта" (2013),

"Фортуэнта" (2015),

"Голубка" (2017)

"Явление Афродиты" (2019).

А теперь, к своему юбилею, к своему 70-летию, Маргарита Прошина выпустила всё в том же "Книжном саде" ещё целых три книги под названием "Задумчивая грусть", в которую вошло 100 частей её литературных заметок, эссе, которые публиковались в журнале "Наша улица" с 2012 по 2020 год.

Хорош урожай! Нечего сказать! С этим я и поздравляю Маргариту Васильевну Прошину, свою литературную сестру, от всего своего сердца! И желаю ей не останавливаться на этом! И радовать и восхищать всех нас своими новыми литературными плодами!

9.

"Каждый человек в душе писатель, только он об этом не догадывается", - написала Маргарита Прошина в одном из своих эссе. Ведь каждый человек хочет рассказать кому-то о себе и о своей жизни, но делает это, как правило, в устной, а не в письменной форме. А слова, не закреплённые на бумаге, улетают, исчезают в пространстве, и от них ничего не остаётся.

В принципе каждый человек может написать по крайней мере одну книгу о себе, и она будет интересной, потому что, как сказал один известный всем поэт, "людей неинтересных в мире нет". Но, во-первых, если человек не владеет литературным мастерством, письменной речью, художественным словом и языком, едва ли эта книга получится высококачественной, высококлассной. А Маргарита владеет этим отлично и обладает своим собственным стилем, как если бы училась этому и писала с самого детства. А во-вторых, далеко не каждый может усадить себя за рабочий стол и писать книгу изо дня в день и делать это с таким удовольствием, как Маргарита Прошина.

"Кому интересна моя жизнь?", чтобы писать о ней, - думала она когда-то. - И кому интересен мой внутренний мир, моя воображаемая реальность, которая для меня реальнее реальной? А теперь Маргарите самой всё это интересно уже в тех текстах, которые она пишет. И это интересно и её читателям!

Тут, разумеется, нельзя не сказать спасибо и Юрию Кувалдину, который умеет превращать непишущих людей в пишущих авторов, в писателей, умеет вдохновлять их на творчество и поддерживать их. И предоставляет им в своём журнале "Наша улица" место для их сочинений.

Маргарита Прошина и говорит ему спасибо в фейсбуке: "Так вдохновлять своим служением письменному слову

может только Юрий Александрович Кувалдин! Его принцип "ни дня без строчки" вызвал у меня азарт и желание попробовать (писать книги), и вот - результат! БЛАГОДА-РЮ, Юрий Александрович! Я просто следовала Вашему примеру! Моя благодарность Вам - безмерна! Вы - потрясающий мотиватор и вдохновитель пишущих!"

10.

...Мне подумалось, а что было бы, если бы Маргарита Прошина вдохновилась на творчество, поверила бы в себя и в свои силы и писала бы свои эссе и рассказы в таком же большом количестве, как она это делает, но писала бы всё это "в стол" и годами не имела бы возможности напечатать всё это в периодике, а потом и в книге... то есть произвести всё это в дело... И всё это пропало бы для истории... Но теперь вот не пропадёт. Потому что всё, что она написала за восемь лет, всё, до единого листочка Юрий Кувалдин опубликовал в периодике, в "Нашей улице" (а кое-что и в "Независимой газете", а кое-что и в моём альманахе "Эолова арфа"), а потом ещё и в книгах. "Хвала и слава рулевому!", о котором, о таком как Юрий Александрович Кувалдин, каждый пишущий может только мечтать. Но не каждому Бог посылает его, а тому, кто оказывается готов к этому и готов к самоотречению во имя Слова, во имя Литературы.

... "Главное дело писателя - писать, печататься и популяризировать (пропагандировать) своё творчество", - говорит Юрий Кувалдин всем авторам "Нашей улицы". И кто из авторов следует этим заповедям своего учителя, предводителя "Нашей улицы", из того и выходит толк, как и из Маргариты Прошиной. Восемь лет назад ещё не было та-

нина краснова

кой писательницы, а теперь она есть - незаурядная Маргарита Прошина! И её, как сказала бы своим рязанским языком моя матушка, "из артели не вкинешь", то есть не выбросишь из литературы, где она заняла свою и только свою нишу, своё законное место под солнцем.

Татьяна Озерова

СОБЕСЕДНИЦА

Бывает так, что с первой строки автор не отпускает тебя, и ты проживаешь с его героями новую реальность ярче, чем саму жизнь.

С интересом читаю прозу Маргариты Васильевны Прошиной, моей современницы, и испытываю такие чувства, как будто знаю её давным-давно, мы с нею играли в одни и те же куклы, выбирали на базаре местные ароматные яблоки, любовались первыми мартовскими тюльпанами, ехали в одном купе, и рассказывали друг другу всё без утайки. Документальные фильмы, созданные удивительным человеком: писателем, редактором, издателем, сценаристом и режиссером Юрием Александровичем Кувалдиным, открывают диалог писательницы с миром.

Более трех лет мы переписываемся с Маргаритой Васильевной, следим за творчеством друг друга, публикуемся в одном журнале "Наша улица". Ее "Задумчивая грусть" стала моей грустью, а моя "интонация" поселилась (как она пишет) в её душе.

"Даруй мне тишь своих библиотек", - когда-то написала Белла Ахмадулина, эту "тишь" сполна вкусила Маргарита Васильевна, проработавшая долгое время заведующей отделом Государственной научной педагогической библиотеки им. К. Д. Ушинского, затем заместителем директора библиотеки им. И. А. Бунина. Она, человек большой куль-

туры и широкого познания, любит и понимает книгу как великую духовную ценность. Позволю себе цитату из моего рассказа "Книжки из-под подушки" о любимой библиотекарше из моего детства, которая, как мне кажется, похожа на Маргариту Васильевну: "Ясные, всё понимающие глаза Ольги Николаевны встречались с нашими глазами, и мы смущенно улыбались. Неторопливо, тихим голосом, тоже действующим на нас успокаивающе, она спрашивала о школе, отметках, просматривала записи книг, которые мы прочитали. Потом уходила вглубь библиотеки к большим книжным полкам и выходила оттуда, бережно неся книгу. Уже потому, как держали её руки книгу, мы невольно подражая ей, брали её так же осторожно. Новые книги с глянцевыми листами нам нравились почему-то меньше старых, с тонкими, истрепанными страницами. Гораздо интереснее было взять толстую, зачитанную книгу (но всегда аккуратно подклеенную) в самодельной обложке с таинственными рисунками-разводами. Поэт все-таки правильно подметил: "Чем книга чернее и листанней, тем прелесть ее задушевной".

В очерке о Маргарите Прошиной "Чуткий парус" слуха" Ирина Гурская подмечает, что "писатель-библиотекарь - всегда духовная интрига и легенда, причастность к особенному "тайному обществу", - вспомним Гете, Борхеса, Крылова, Чуковского, Пришвина".

Сама Маргарита Васильевна в беседе с Юрием Кувалдиным говорит: "...вне мира книг я себя не представляю. В библиотеке Ушинского, в которой я проработала не одно десятилетие, преобладала научно-педагогическая литература, но меня всё время влекло к художественным изданиям. Серьёзный писатель создаёт свой особенный художественный мир. Таких писателей мы называем классиками. Они отличаются, как говорил Баратынский, лица необщим выраженьем...".

Рассказы, эссе Маргариты Васильевны всегда заденут читательский нерв, пробудят в тебе свои воспоминания, захочется сразу рассказать о своих чувствах и переживаниях по поводу той или другой темы:

- А, помнишь? - как близкому другу восклицаешь вслед прочитанному тексту... Чем и когда в последнее время я восхищалась? Каким новым архитектурным объектом, какой живописной работой, какой игрой артиста, какие дожди моей жизни хранятся в душе... Вспомнишь истории про чашку и ложку, дружбу с домашними любимцами: котом Васей и Алексом, и потянется вереница общих переживаний. С одной ее фразой "пусть меня полюбит хорошее настроение" можно прожить с улыбкой несколько дней.

Талант доверительной собеседницы зреет с каждым новым произведением, и если раньше лирические, нежные оттенки украшали ткань прозы, то в последних рассказах "Беспомощная", "Земноводная" мы видим и слышим ноты Николая Гоголя, Михаила Зощенко, Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Таких героинь, как ее Харитоновна или Рожкова, современная литература еще не знала, а теперь они выписаны Маргаритой Прошиной мастерски, со вкусом и настроением.

С Маргаритой-собеседницей говорить обо всем и не наговориться, столько она знает о литературе и писателях, о музеях больших и малых, театрах, архитектурных достопримечательностях Москвы, характерах москвичей и провинциалов и просто о женских судьбах, которые "вылеплены" историей нашей страны и нашего времени.

Мне по душе "музыка" её текста и "формула" восприятия истинного литературного произведения: "...художественную книгу можно читать, а прочесть невозможно".

Когда-то русское общество с большим интересом и волнением откликалось на творчество художников-передвижников: Ивана Крамского, Ильи Репина, Николая Ярошенко,

Павла Федотова, показывающих картины жизни и быта простых людей. Словно продолжая их традиции, Маргарита Васильевна в литературной форме создает тонкие, полные психологизма портреты, дает точные характеристики своих героинь, описывает жизненные обстоятельства, которые их сформировали.

Можно ли представить более "беспомощный" портрет Харитоновны из рассказа "Беспомощная": "В полусвете комнаты возлежало на широком диване грузное полуодетое тело Харитоновны в тёмном с огромными розами халате. Полная вздрагивающая жирком рука подносила к пухлым масляным губам немислимый бутерброд, сочащийся соком от пышных котлет, придавленных с двух сторон разрезанным мягким батонном, промазанным сливочным маслом и политым итальянским острым бордовым чесночным соусом, рот очень широко открывался и мелкие зубки, как у молоденькой акулки, откусывали сразу треть батона. Стон восторга вырывался из чрева..."

Какое многообразие мелких деталей костюма и украшений подробно описывает автор, создавая портрет другой своей "героини" из рассказа "Бубенчик", где из слов писательницы рождается звук, цвет, характер: "Пёстрая юбка в мелкую красно-сине-черную клетку, от которой рябило в глазах, задралась, и свернулась комом на резинках чулок. На розовую с крупными цветами яркую кофту с длинными рукавами был напялен какой-то грубый зелёный жилет, как будто его не связали, а сваляли, как войлок. Голова была повязана легкой зелёной косынкой, свернутой обручем, с блестящими розочками. Сзади торчали клочья волос, плохо покрашенных хной, так что тусклая рыжина их отдавала зеленью. В мочках ушей болтались несуразные серёжки, слишком большие для такой маленькой худой фигуры. Позвякивали цепочки и бусы на шее, браслеты и кольца на руках. Не хватало только кольца в носу".

Описание ночлежек и их обитателей у М. Горького, В. Гиляровского, М. Зощенко отражают свое время, а барак Ледяйкиной, убивающий всякую жизнь лишает ощущения времени: "По коридору, широкому и чёрному, бегали и ползали чьи-то чумазные дети. На стенах висели какие-то совсем вышедшие из употребления вещи, вроде ржавого велосипеда без колес, прохудившегося дореволюционного самовара или рваных сапог... Почти у каждой двери стояли сундуки с картошкой, или с пронафталиненными сарафанами времён Степана Разина. Только тусклая слабая лампочка, слабее не бывает, чтобы как можно меньше платить за свет, едва высвечивала каким-то рыбьим жиром направление на общую огромную кухню. Там на протянутых из угла в угол веревках постоянно сушилось чьё-то бельё".

Творчество Маргариты Васильевны не остается без внимания со стороны критиков и "собратьев по перу". Мне нравится оценка, данная Эмилем Сокольским в предисловии к ее книге "Фортунэта", он пишет: "Пожалуй, главное, что отличает её прозу - непринуждённость. Прошина будто и не задумывается, каким образом в её рассказах будут развиваться события; её не останавливает "страх перед чистой страницей": проза Маргариты Прошиной по своей природе близка самой природе; речь её льётся словно сама по себе, "ни о чём" и "нипочему", а главное - биение самой жизни, где каждая минута наполнена не всегда уловимым смыслом, и с каждой минутой - всё больше хочется жить, всё больше наполняешься каким-то невидимым богатством, чувством значительности жизни".

Ирина Гурская очень тонко замечает, что "...если рассказы (Маргариты Прошиной) сразу погружают в мир непредсказуемой взаимосвязи характеров и жизненных ситуаций, то заметки очаровывают неспешным, углубленным рассмотрением самого ближайшего окружающего прост-

ранства, связанного с авторским "я" цепочками аллюзий и ассоциаций, умением услышать мир во всем его стереофоническом звучании. "Задумчивая грусть" не всегда печальна, она и солнечна".

Григорий Блехман так откликается на прозу М. Прошиной: "Следует сказать, что каждая история этой книги заканчивается фразой, долго в тебе звучащей. И не отпускает она, наверное, потому, что любой рассказ Маргариты Прошиной, даже, порой, довольно жёсткий, наполнен любовью и теплом к тем, о ком автор пишет".

Отзывы Э. Сокольского, И. Гурской, Г. Блехмана объединяет глубокое сотворческое прочтение произведений, сопереживание героям и понимание писательского дара Маргариты Прошиной

Признание художника в искусстве никогда неожиданно не приходит, только труд и талант приводит человека к успеху. Хочется пожелать Маргарите Васильевне творческого вдохновения, а мы, читатели, будем ждать новых книг, эссе, новых красок и настроений в ее задумчивой грусти.

Цитаты из рассказов М. Прошиной и литературных эссе о ее творчестве приведены по публикациям в журнале "Наша улица":

"Ледяйкина" - "Наша улица", 156 (11) ноябрь, 2012

"Беспомощная" - "Наша улица", 246(5) май, 2020

"Бубенчик" - "Наша улица", 168 (11) ноябрь, 2013

И.Гурская - "Чуткий парус" слуха" "Наша улица", 241 (12) декабрь, 2019

Э. Сокольский - Предисловие к книге М. Прошиной "Фортунета" "Наша улица", 192 (11) ноябрь 2015

Г.Блехман - "Нельзя вбегать без стука" "Наша улица", 192 (11) ноябрь 2015

Маргарита Прошина

ПОТОК СОЗНАНИЯ АНАТОЛИЯ КИМА

Конечно, я взлетаю в поэтическую высь, на которую постоянно из вещи в вещь переходит Анатолий Ким, душа которого проявляется постоянно в акварельной размытости и неопределённости. Здесь надо сказать о полифонии языка писателя. С одной стороны, он повествует о своём герое, человеке, как правило, неудачном, несчастном, как скажем, в "Луковом поле", сразу вызывающем поговорку "Луковое горе" или "горе луковое", а там и Достоевский в "Записках из мёртвого дома", когда такое же луковое горе - сел в острог за луковку, то есть убил человека из-за луковки.

Ким склонен обходиться картинной методикой повествования, как художник, работающий красками, а не как психолог-философ, как Достоевский. Впрочем, это не умаляет силу произведений Анатолия Ким, и чем дальше в хронологическом порядке он уходит от начальных своих произведений, тем ближе он подходит к земле, и я вижу его с молотком и гвоздями, сколачивающим какой-то помост для перехода через ручей.

Ким в этом смысле предстает для меня окультуренным почвенником, что является мейнстримом всех его книг: "Голубой остров", "Четыре исповеди", "Соловьиное эхо", "Нефритовый пояс", "Собиратели трав", "Вкус терна на

рассвете", "Поклон одуванчику", "Луковое поле", "Лотос", "Стена", "Онлирия", "Близнец", "Остров Ионы", "Белка", "Отец-Лес", "Сбор грибов под музыку Баха"...

И наиболее органичные вещи у него связаны с лесами, полями, лугами. Он как бы чуждается интеллектуальной городской среды.

Он привлекает детской наивностью, которая содержит в себе такие понятия как чистота, искренность, непосредственность. С этой точки зрения Анатолий Ким является ярким приверженцем пантеизма, обожествления всего живого. Но это тоже наив. Поэтому он и грациозно прыгает белой по лесам.

Однако возносит над всем поверхностным его необычайно богатый синтаксис. Вот где зарыта альфа и омега писательского мастерства Анатолия Андреевича Кима.

Есть такой яркий приклатнённый певец Аркадий Северный. Он может передовицу "Правды" времен "бровеносца" исполнить так, что вы расплачетесь. Значит, я подхожу к искомому. Неважно о чём писать. Важно как! Вот этим "как" Ким владеет в непревзойдённом совершенстве, как Ойстрах владел скрипкой.

Что говорит нам музыка? Да ничего она нам не говорит. Она поёт. Она будоражит душу. Она входит в нас через слух. Можно при этом думать о чем угодно. Вот тут из зала мне подсказывают, что она возвышает. А я возражу, она вызывает чувства скорби при прощании с телом в морге. Там тоже любят включать скрипку. Понимаете? Всё зависит от интеллекта слушателя, от его объемного восприятия жизни. Он полностью отдаётся волнам гениальной музыки, выходя из своего самосознания, как бы теряет самого себя, выходит за рамки обычного социально мышления, скрывающего душу. Это мы называем, пусть, музыкой сфер.

Опять повторяю. Всё зависит от мастерства художника. В литературе много примеров, когда малоинтересный че-

ловец в жизни, становится гением в литературе. Один Андрей Платонов, почти деревенщик, как бы сейчас сказали, чего стоит. Тут и произрастает дерево плотника прозы Анатолия Кима.

Это в чистом виде поток сознания. И Ким стартовал в то время, когда этот поток стремительно вошёл в моду, например, у Франсуазы Саган, или даже как у Валентина Катаева с его новой прозой.

Вот, пожалуйста, пример, как пишет Ким:

"Все истинное - в том настоящем времени, в котором вы себя ощущаете, но которое тут же становится прошлым - и уже не ваше. Вся моя прожитая жизнь у меня отнята, ничего я не могу вернуть. И последние дни, что сижу на этой проклятой койке, я мучаюсь одной маленькой чепухой, только ею и занята моя голова. Вдруг почему-то вспомнилось детство, я был сыном управляющего имением, мы жили в господской усадьбе, а сами хозяева жили в Москве. Имение находилось в лесной глуши, рядом не было, очевидно, людей нашего круга, и мне играть было не с кем, все детство я провел без друзей. Единственным сверстником, с кем мог я водиться, был сын кухонного мужика Лариона, мальчишка коварный, с мелкими плебейскими чертами лица, такой же тощий, дерганный, как и его отец, который и суетился, казалось, лишь потому, что хотел скрыть от других, насколько он никудышный, слабосильный, мелкий. Сынишка его совершенно затиранил меня. Титком его звали. Бывало, зазовет меня куда-нибудь в коровник или на конюшню, изобьет да еще повалит в навоз, а потом сам и тащит меня, плачущего, за руку домой: мол, вот ваш барчук, барыня, неслух и озорник, полез в навоз и платье измарал..."

Читая длинные периоды многоголосой прозы Кима, невольно поддаёшься под его влияние, словно ты слушаешь четвёртую симфонию Малера.

Почему я часто прибегаю к подобным сравнениям. Да потому что форма постоянно преобладает над содержанием, потому что форма и есть содержание. Льётся, поётся, а не понимаешь, как этого добивается автор. Вот я чуть-чуть нащупала нюанс поэтического прозрения в прозе. Но смысл, но музыка:

"С того дня я стал всюду собирать листки чистой бумаги, резать их под один размер и сшивать в крошечные альбомы. Я научился затачивать карандаши так же отлого, ровно и остро, как Захар Васильевич, и игольчатыми кончиками самых дешевых карандашей сотворял на белой бумаге живые миры кустов, трав, прибрежных сосен над Окою, далеких облаков в ясные дни и грозowych туч в ненастье. Свою манеру рисования я приобрел сразу и навсегда и без всяких усилий, школ и ученичества. Произошло это потому, что с первой же попытки рисовать я отнесся к линии как к носительнице воли и дыхания жизни. Поэтому рисовать было так же хорошо, просто и естественно, как видеть во сне живую мать, любоваться синей Окой, солнцем в ряби ее широких вод, весенними караванами журавлей и гусей, - чтобы видеть перелетных птиц, я поднимался чуть свет и подолгу простаивал в проулке за дровяными сараями... Сны о матери были для меня столь же необходимыми тогда, как и купание в жаркий день, вечерние игры на берегу реки, как самый первый, самый жадный глоток воды после утомительной работы на картофельном поле. Воду, труд, небо и веселье детства я имел в достатке, несмотря на казенный, недомашний распорядок детдома, но матери не хватало, не было постыдной для всякого мальчика, но таинственной прелести материнской ласки, - и взамен этого бог дал мне возможность рисовать..."

Ким свободно уходит в себя, пролетая голубем над уставшим героем, взмывает в облака, нисколько не сомневаясь, что и читатель возносится над мирскими заботами вместе с ним. Чтобы лучше с высоты разглядеть землю.

Нежно звенящая трава, поющая листва, смеющиеся цветы, гудящие пчёлы в тот момент, когда седой дряхлый старик До Хок-ро пытается взять в охапку груды пустых бутылок, а они всё падают из его рук, а люди посмеиваются, удаляясь в поля, где стоит забор с цифрой 80, и как это понимать, то ли знак бесконечности, то ли ноль прожитых лет, а с другой стороны забора опять вижу то же поле жизни, а сам где-то в размытых облаках, не вижу себя, а люди идут и идут туда, где им предстоит собирать травы. Очарованная я не могу оторваться от мелодики Анатолия Кима, ведущего симфонию своей прозы прямо в моё сердце, трепещущее с такой же силой, как оно волнуется от второго концерта Рахманинова.

Маргарита Прошина

САД СОФИИ ЮЗЕФПОЛЬСКОЙ-ЦИЛОСАНИ

Стихи её, как шёпот парящих в танце сумеречного света снежинок, мелодично звучат, перерастая в многоголосье потаенной музыки смыслов. Мне открылся поэтический сад Софии Юзефпольской-Цилосани. Поэзия Софии, как мерцающая лунная дорога, увлекла меня за собой в мир чувств невыразимо-прекрасных, светлых и чистых, как слезы счастья во сне: «Как маленькие искорки, // снежок скакал смешной: // наивный, легкий, искренний, как в детстве - золотой...», когда я впервые прочитала её стихи, то подумала, что они не написаны, а выдохнуты неземным существом. София внезапно появилась в моей жизни, как автор журнала Кувалдина, где и состоялось наше заочное (виртуальное) знакомство. Юзефпольская-Цилосани поразила меня невероятной искренностью, философской глубиной, легкостью и простотой. Той простотой, которой обладают мудрецы. Её поэзия хрупкая: «В стекляшках праздничных - и треск, и взлом стекла. // И морщит лобик свет тысячелетий. // Пеленок ворох, как забытая листва, // и пуповина мира бьется в сети снежинок. // Но услышь: ребяческий восторг // первичен перед снежною пустыней! // Так нас поэзия родит: в сырой овчине // для тех восторгов, что из холода сошьёт».

С момента открытия великолепного, сверхъестественного сада в слове Софии я постоянно возвращаюсь туда, где живёт любовь, где слово поэта шепчет, излучает доброту и нежность, где звучит «Зимний орган»: «Я не знаю, кто рвется насквозь, впопыхах // плавит трубы и чистит меха, // кто в Норд выпустил ос, оскопил кто стручок. // Может, Бах, // может, сам царь Горох. // Как сумел поместиться орган-исполин // в самый тоненький стебель, в носок? // Я не знаю, но слышал, что шел там один, // совершенно один шел снежок...», - до щемящих душу слёз прекрасно!

Мысли и чувства Поэта Юзефпольской-Цилосани столь созвучны моему внутреннему миру, что мне порой кажется, что это я пишу. Прямо хоть крестись, чтоб не казалось. Я перечитываю её почти каждый день, так мне мил её голос.

Ночью шёл снег, не спалось, я стояла у окна, и ангел-София нашёптывала мне «Предновогоднее»: «Под праздники - всему и всем - родня, // я знаю: в щели дует, как в полях. // И в каждом доме кот живет. И мыши. // Под крышей - антресоли, скарб и лыжи // в чехле, а вот лыжня: пропала в снеге, // в футляре горизонта, в новом веке...», - её ласковые строки обволакивали теплом.

При мысли о Софии идет свет, очень похожий на сияние. Она поразила меня своей расположенностью к произведениям коллег, чувством восхищения другим талантом. Это, да и многое другое, свойственно ей, как истинному классику. Поэзию Софии я воспринимаю так же, как поэтов серебряного века. Забыть её нежность, женственность, доброжелательность и хрупкость невозможно. Это - одно из самых ярких художественных впечатлений моей жизни. Я вижу её заразительно трогательной, лёгкой, непосредственной.

Вот я под нежные звуки скрипки по веточке гибкой иду за удивительной Софией в волшебницу осень. От её стихотворений дух захватывает: «...Мир зеркален, и все так чи-

сто, // так прозрачно - рукой не тронешь: // отражает улыбку листик...». Её осень наполнена музыкой, чувствами, переживаниями. Вместе с поэтом я смотрю, как «зодчий на ветру пустых пространств зрачком усталых глаз // из листьев осени, как парус на лету, // раскладывает время, как пасьянс, // над площадью зимы, и красок хмель во рту...». Я спешу воздушной бабочкой последовать за Софией в этот манящий мир, наполненный тайнами слов, люблюсь разноцветными листьями, словно стёклышками в калейдоскопе.

В стихах Софии очень много музыки, они для меня звучат то мелодиями Моцарта, то Шопена, то Бетховена. Невозможно смириться с ее уходом. Её поэзия для меня стала источником душевного тепла и благородства, живым воплощением преемственности русской культуры.

Свет её поэзии пробивает самый плотный туман непонимания и глухоты.

На улицах городов вновь горят волшебные фонари для зимних спектаклей!

А Рождество есть сокровенный праздник,
в который погружает нас неспешно
поэт, поющий сладостную песню,
и я спешу последовать за Софьей,
за музыкальной чувственностью строк,
наполненных чудесным тайным смыслом,
любуюсь огоньками откровений,
сближающими нас в калейдоскопе
космического праздника светил.

Поэзия Юзефпольской-Цилосани возвышает, освещая читателю путь к свету.

Иду вдоль набережной, передо мной пролетает чайка, преображаясь в мудрую улыбку, в которой отражается воздушная нежность Софии, а губы шепчут: «Я видела так много камня, так много моря, волны шипучей... // Я виде-

ла звезду в подоле, зашитом тьмою, но было лучше, // Когда светил из абажура мне на страницу // Лишь ангел сказки - по книжке лучик водил мизинцем. // В судьбе с огромностью суровой, суровой нитью // Не сшить страницу: всё то, что в слове - здесь воплотится...»

София Юзефпольская-Цилосани

доктор философии, поэт, переводчик, литературовед. Член СПб ГО Союза писателей России и ОРЛИТА (Объединение русских литераторов Америки.)

Родилась 17 мая 1959 года в Самаре, жила в Ленинграде, училась на филологическом факультете в Институте им. Герцена. В 1989 году эмигрировала. С 1990 года жила в Сиэтле, США, где растила четырех детей, училась в аспирантуре и преподавала в Вашингтонском университете. В 2005 году защитила диссертацию об Арсении Тарковском. С 2013 года живет в Нью-Йорке, США.

Автор сборников стихов "Странствия" и «Голубой огонь» и книги об Арсении Тарковском «The Pulse of Time: Immortality and the Word in the Poetry of Arsenii Tarkovski».

Автор сборников "Dictionary of Literary Biography"; "Поэзия женщин мира"; "Перекрестки"; "Образ"; альманахов "Золотое Руно", "Эмигрантская лира"; "Под Небом единым"; "Пушкин в Британии", "На Холмах Грузии"; журналов "Slavic and Eastern European Journal"; "Интерпоэзия"; и других международных периодических изданий. В "Нашей улице" публикуется с №207 (2) февраль 2017. Умерла 22 ноября 2017 года в Нью-Йорке.

Маргарита Прошина

ВОЗДУШНАЯ ВУАЛЬ ИРИНЫ ГУРСКОЙ

Она подобна прекрасному цветку, произрастающему в недоступных постороннему глазу местах, далёкому от суеты века с его грохотом джазовых композиций из оглушительных динамиков автомашин, цветку, спрятавшемуся от мира, опасаящемуся, что его ненароком заденут, повредят, и чтобы даже случайно не узнали о его существовании.

Как мы не ведали о рождении этого цветка, оставив всякие надежды лицезреть его, но, как известно, надежда умирает последней. «Ничто другое не может звучать оттуда, из другой плоскости, неуловимо и неуклонно танцующей под ногами. В каждой капле джаза следы бессмертного договора с первостихией танца, готовой породить и низвергнуть. Саксофон, это саксофон, донесся голос из далекого прошлого, из темного простора подземного перехода, этой городской самоочевидности...»

Перечитывая Ирину Гурскую, я невольно думаю вот о чём. Непрерывное движение времени, быстротечность его и неумолимость не могут не волновать мыслящего человека. Каждое мгновение на протяжении сотен тысяч, а то и миллионов лет, ежесекундно на свет рождается и умирает человек. Сколько нас исчезнувших бесследно никому не ведомо. Понимание краткости жизни, временного пребывания на земле, естественно, вызывают вопрос о смысле

рождения, о его цели. «Зачем?» - вопрос этот тревожит и меня. Ответы я ищу в книгах тех, кто искал его в течение своей земной жизни, но мысли свои записал. Понимаю, что бесконечное количеству живущих до меня тоже думали об этом, но их мысли канули на дно неумолимой быстротечной реки времени и, казалось, что «глаза тонули в зеленоватой полутьме, словно окруженные патиной, а, может, напоминали окрестные пруды, затянутые ряской», - пишет Гурская.

Явственные отголоски Серебряного века слышатся в нежных поэтичных её строках. И я чувствую стремление Гурской быть возвышенной, одухотворённой, при этом немного сомневающейся в своей устремлённости к красоте, и я это хорошо понимаю, и мне это импонирует, потому что я тоже никак не расстанусь с терзающими меня сомнениями. Они имеют особенность охватывать меня внезапно, в момент самый неподходящий. В экстремальных ситуациях, когда времени на размышления нет, стоит только задуматься, как сомнения уводят меня в туманные дали, выбраться из которых бывает очень не просто. Сомнения приводят меня к неуверенности в себе. Я заметила, что желание написать ли, сделать ли что-либо как можно лучше, непременно приводит к сомнениям, а результат частенько оказывается печальным. Учусь поступать, прислушиваясь к внутреннему голосу, он надёжный советчик. Сомнения же гоню прочь, но они, по-прежнему не покидают меня.

А вот у Гурской, «когда еще падает последняя капля, в третьем разместить взгляды, выскакивающие морозным днем из-под натянутых на брови шапок, из четвертого не должны выплеснуться цветовые оттенки только тех морей, которые довелось видеть, еще ящики будут перечислять настроение усталых рук и потаенные всхлипы поездов, маленькое собрание поземок, обернутое в фольгу недоверия, ступеньки солнечной лестницы, ведущей из сна в раскаленный воздух...»

И у меня всё это происходит как при замедленной съёмке. Жизнь, как кино, есть своеобразное замедление, неспешное выявление того, чего не видят другие, вечно спешащие. Я затихаю в некотором прекрасном смятии, когда поэзия и проза льётся как мелодия, и душа моя, улавливая её, начинает тихонько подпевать. Это удивительное слияние с миром автора доставляет ни с чем не сравнимые моменты счастья, как, например, в этих строках Ирины Гурской: «Мерзлые хлебные крошки с балкона // Виртуального счастья // Щедрость дементры плодоносящей // Не для тебя // В тухлый раствор гробокопателей // Кладоискателей // Палец мокни // Не нужно писем праматери...»

Мы ждём писем от писателей. Он нам всё поведает. Зачем ему скрывать даты: год, место рождения, - если он создаёт и открывает мир своей души для читателя, который родится через, предположим, 300 лет? Поклонникам творчества Цветаевой, Ахматовой, Петровых дорого всё, что связано с их творческой жизнью. Это понятно. Им столько лет - сколько читателю, который открывает для себя их произведения в разные эпохи. Они прекрасны! Переживать по поводу своего возраста - наивно. Каждый новый день прибавляет возраст ныне живущим так же неизбежно, как рождение и смерть. Важно не то, сколько мне лет, а то, что я пишу и понимаю в том или ином возрасте.

Вот и Гурская мне вторит: «смутно ощущая себя целым миром, изнывала от своей огромности, гулкости и одновременно желеобразности, бесполезности, немоты и обреченности небытию. Непонятные маленькие фигурки даже не раздражали, они вызывали стойкую печаль, маленькие фигурки, как кровяные тельца, несущие в себе надежду на смерть и надежду на воскресение. Чтобы почувствовать мир в его сиянии, отрешиться брэнности и принять её, нужно было прийти и умереть. Нужно...»

У Ирины Гурской довольно часто встречается слово «нежность». И я при этом представляю младенца с его мягкой атласной кожей, тонким запахом молочка. Это вызывает трепет и наполняет меня всеобъемлющей любовью. Нет, ничего прекраснее. Нежные чувства, как воздушная вуаль, окутывают меня изящным коконом. Нежность - это снежность, первозданность, свежесть. Лёгкие снежинки едва касаются кожи, лаская её. Первый снег, он такой чистый и желанный, после душного лета. В жаркую погоду я тоскую по нему. Какое счастье, что после осени наступает непременно в краях наших зима! За окном снежно. Возвышенное чувство нежности вызывает восторг и желание укутать землю мягким искрящимся одеялом. Как ласково звучит - «не-ж-ность». Нежная нега чистого снега. До чего же хрупкое и уязвимое чувство это. Бережно храню его. Я посылаю всем друзьям нежность, как это делает и Гурская: «Есть нежная повесть леса // О том что между жизнью и смертью // Нет границы // Воздух вскипает ветром // Лепестки отправляются в странствие // Ты прижимаешь к груди свое последнее мгновение // Ноги уходят в землю как маленькие домики // Чья жизнь закончилась много лет назад // Но они не знают об этом...»

Возвышенное окрыляет, освобождает дух. Я свободна. Возвышенное - очень высоко, к нему надо тянуться, работать над собой. Возвышенное формирует восприимчивую душу, направляет в сторону искусства, призывает к творчеству.

Серое низкое небо пролилось дождём. Исчезло пушистое снежное покрывало, которое покрывало и в течение одной ночи вернулась поздняя осень. Мокрый асфальт отражает разноцветные огни витрин и ёлок, которые грустят сиротливо под дождем. Не слышно музыки и песен, никто не водит хороводов, праздник смыло дождём. Настроение колеблется с причудами погоды. Зелёные лапки ельника,

красные, оранжевые, желтые, зелёные, голубые, синие и фиолетовые огоньки мигали только в моём воображении. Если даже это мне пригрезилось, то это были упоительные грёзы встречи с пьянящими картинками счастья, переполняющими до краёв мою чашу жизни. Минуты смуты душевной, отчаяния, разочарований. Перемены и перепады настроения, череда событий позволяют познать во всей полноте нить судьбы, прочесть её, испытав на себе горечи и взлеты.

И отсюда сами собой льются строки Гурской: «крупинка, пылинка, падающая на стеклянную поверхность смысла, она неподвижна, или дает трещину, или визгливо хрустит под ногами больших рыб, которые сосредоточенно ходят по лесу, раздвигая деревья руками, фиолетовый снег вторит им хохотом, в огромных воздушных ямах дремлют умершие охотники, уставшая нога срывается в пропасть, обретая по дороге другое тело, идет снег, сверху беспрестанно сыплется мраморная крошка, кто-то неустанно обрабатывает скарпелем?? вершины слова, белая ласка хватается зубами черную букву, убегая, за буквой тянется веревка дыхания, веревка вьется...»

Пытаюсь уловить свежий ветер, который унесёт тоску-печаль, проветрит и унесёт застоявшийся дух глупости и чванства. Оттепели хочется, капли звонкой. Тяжёлые, холодные ветры, вызывают оледенение душ, что-то они зачистили в наши края, пора сменить направление. «И в ветре чутется простор волны соленой океана...» - говорит Максимилиан Волошин. «Стекло Балтийских вод под ветром чуть дрожало...» - говорит Константин Бальмонт. «И ткань твоей одежды из ветра и дождя» - говорит Арсений Тарковский. Перемены нам ветры приносят. Ветры дуют разные - легкомысленные, беззаботные, беспечные, легкодумные, шалопутные, несерьёзные, переменчивые, злые, ненастные, хмурые, сильные, грозные... Они, ветры, делают по-

году. Южный приносит нам тепло и солнце, западный - дух свободы и свежести, восточный - сомнительную надёжность и поддержку, а северный - лютую стужу и заморозки. Всё в его руках. Мы же ждём сообщений о ветрах перемен, поглядывая в сторону запада.

А вот и Гурской слышен голос: «закручивается ступенями винтовой лестницы, по которым уходишь к себе, в себя, где лестница превращается в веревочную и болтается над бездной, и только наверху, на поверхности, в другой неизвестной глубине, остаешься формой времени, маской времени, чучелом услышанного, замираешь, предугадывая совпадение траекторий страсти, санного следа неисполненного, лыжни никогда не звучавшего, лжи угаданного, в движущейся пустоте мрака разрастается...»

Загадочная дымка, окутывающая Млечный путь, невероятно усиливает его таинственность. Скользить между звездами там, в бесконечном полёте, созерцая неведомые, фантастические миры, которые самая безудержная фантазия художника не в силах себе вообразить, так заманчиво! Мечты самые невероятные сбываются, и вот я уже в который раз ловко лавирую между светилами, уклоняюсь от осколков метеоритов, кружащихся вокруг. Мне не хватает воздуха, я задыхаюсь. Жажда мучает меня. Краем глаза я замечаю слева макушки деревьев, спускаюсь, вот ноги мои коснулись серебристых листьев, которые недовольно зашуршали, как бы переговариваясь между собой. Ловко, как птица, я перепрыгиваю с одной ветки на другую, спускаясь вниз. Мощный белый ствол диковинного дерева, огромные шуршащие листья, напоминающие размером зонты, несколько меня не удивляют. Плавню касаюсь поверхности, которая покрыта голубыми высокими растениями, на которых сверкает роса. Жадно слизываю влагу, вдыхая упоительный воздух, и продолжаю своё путешествие, не ведая, что меня ждёт.

В это время Гурская поёт: «кто-то листает бумажные страницы, одни пропадают в темноте, другие высвечиваются теплым светом внимательной лампы, порой, испещрённые знаками - то ли буквами, то ли нотами, листы возвращаются в облако света, слышно, как от них отслаиваются, поднимаясь выше, кантаты Перголези и пьесы Листа, звучание шествует, поглотив тех, кто слышит, вобрав движение, оставляя тело неподвижно стоять на обочине дороги, зависать в средоточии существования, где полнота бытия умещается на острие души, пока другое звучание знакомым окликом не заставит поднять глаза, увидеть склоны гор, тонущие...»

Одна и та же фраза, и даже слово могут быть добрым и злым, мягким и твёрдым, задумчивым и беспечным. Всё зависит от тональности. Ирина Гурская работает в разнообразии тональностей, оттенков которых не счесть. Вот это и есть мастерство художника! Учусь у Антона Павловича тонам и полутонам, постоянно восхищаясь, как же многозначно у него звучат слова, до чего проникновенно! Читаю, перечитываю, и каждый раз восхищение моё возрастает. Тональность и есть высшее мастерство, когда во время чтения я слышу музыку Слова.

Творчество Ирины Гурской поражает меня новыми красками, потаёнными смыслами, совершенно иными ассоциациями.

Алексей Некрасов-Вебер

ОБРАЗ И ФОН, или ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГАЛЕРЕЕ ЖЕНСКИХ ТИПАЖЕЙ

Приступая к эссе, я задал себе вопрос, что же все-таки следует понимать под словом образ и, полистав словари, как наиболее подходящее, выбрал:

"Живое наглядное представление о ком-либо или о чем-либо..."

Ключевые слова здесь "живое и наглядное". Если речь идёт о литературном герое, читатель не просто должен ознакомиться с описанием внешности и фактами биографии, а воочию увидеть того, о ком пишет автор. Подробности тут порой даже мешают. А какой-то незначительный штрих или фраза неожиданно оживляют картину. И перед нами уже не канцелярское досье, а живой человек, которого можно любить или ненавидеть, чья судьба не оставляет тебя безразличным. Без этой метаморфозы любой лихо закрученный сюжет теряет смысл. А проза, где ничего особенного не происходит, но действуют ожившие герои, вдруг становится интересна.

В рассказах Маргариты Прошиной мы попадаем в целую галерею совершенно разных портретов. Каждый рассказ - это один или несколько образов, составляющих стержень повествования. Сюжет вторичен. Он лишь нить, на которую

нанизаны яркие изображения личностей и характеров. В основном это типажи женские, требующие от автора особой тщательности в подборе красок.

Наверное, "тайна женской души", это все-таки расхожий штамп. Но мужское и женское мировосприятие изначально различны, оттого и обязаны отличаться приемы изображения женских и мужских персонажей, и почти всегда можно отличить мужскую прозу от женской. В литературном портрете мужчины описание внешности не имеет решающего значения. Куда важнее поступки и мысли. А внешний облик как бы сам непроизвольно проступает перед взором читателя. Для женщины (даже если она только плод фантазии автора) внешность куда важнее. Но еще очень важен окружающий фон. Те самые незаметные мужскому взгляду мелочи и оттенки. И Маргарита Прошина мастерски создает интерьер, на котором полнее и раскрываются ее героини.

Оптимистичный портрет, приехавший в сельскую глушь молоденькой учительницы, предстает перед нами на фоне укутанной туманом деревни:

"Босыми ногами ступая по доскам пола, Зоя вышла на крыльцо. Деревня, словно огромным ватным одеялом, была накрыта туманом. Рядом стоящие избы были еще видны, а через пару домов едва проклевывались мутными пятнами, а уж дальше, и говорить нечего, совсем ничего нельзя было разглядеть, и казалось, никогда не было ни леса, ни колхозного скотного двора, ни клуба с высокой крышей... Всё исчезло на горизонте, и главным местом этого импрессионистического мира оказалась изба, в которой остановилась Зоя..."

Умиряющая деревня - знакомый до боли грустный и все же светлый мотив. Как и образы её последних хранительниц - сгорбленные, но не сломанные жизнью старухи. Лаконично и точно автор рисует их почти иконописные лики.

А вот схожий типаж, но уже в другой обстановке. Кричащая убогость заводского барака. Здесь бедность и тяготы существования не смоятся теплым весенним дождем, не растворятся в вольном деревенском раздолье. А грязь и нищета спрессованы, словно залежалые отходы на дне мусорного бака:

"Ледяйкина родилась и жила в старом, покосившемся в сторону грязной речки огромном двухэтажном бараке, со стенами из дранки, на множество узких комнат. Барак постоянно находился в аварийном состоянии. Со всех сторон его обступала неистребимая, в человеческий рост, свирепая крапива. Разболтанная входная дверь на ржавой, провисшей пружине постоянно с писком и воем ходила ходуном, стучала даже от небольшого сквозняка, но никто из жильцов вовсе не собирался её чинить..."

По коридору, широкому и чёрному, бегали и ползали чьи-то чумазые дети. На стенах висели какие-то совсем вышедшие из употребления вещи, вроде ржавого велосипеда без колес, прохудившегося дореволюционного самовара или рваных сапог..."

И на этом унылом фоне вечно стирающая, не знающая никакой другой жизни мать главной героини:

"Согнутая мать стояла над узким оцинкованным корытом и лихорадочно терла о стиральную доску белье. Руки у нее все были в трещинах, кровоточили, ногтей почти не было. Но она упорно, как будто в неё свыше заложили программу каждый день стирать, стояла над корытом... Выглядела мать в клубах пара, шедшего от огромного кипящегося бака на плите, вдохновенной. Её синеватое, морщинистое лицо постоянно сжималось в каком-то остервенении, как будто она шла в атаку на невидимого врага".

Но идём по галерее дальше и перед нами уже совершенно иной портрет. Героиня рассказа "Огни Москвы" - хруп-

кое порождение декаданса на фоне изящных вещей и видов на центр Москвы из окон элитной квартиры:

"На ней было тёмно-синее длинное платье со шлейфом, в котором она любила ходить в темноте. Она идёт, и тень по зеркальному паркету идёт за нею...

Вид из окон был завораживающий: из одного окна был виден с куполами соборов Донской монастырь, чуть в стороне от него - Алексеевская больница, а там и Ленинский проспект... Если смотреть в другое окно, то можно было долго любоваться Нескучным садом, старым Бородинским мостом и новыми небоскрёбами на Пресне. А в третье - виден на горизонте краснокирпичный флорентийский Кремль, золотоглавый, устремленный в небо всею своею плодотворящей мощью Иван Великий, а дальше над рекой - почти нью-йоркская высотка на Котельнической набережной...

Софья с предчувствием удовольствия сначала погладила ладонью ламинированную суперобложку с изображением обнаженной женской фигуры античных форм, а затем бережно открыла большой тяжелый альбом, пролистнула несколько мелованных страниц, проложенных тончайшей папиросной бумагой..."

За широкой спиной мужа олигарха создание "не от мира сего" живет среди красивых дорогих предметов, своих детских игрушек и зарубежных романов. Живет, как хрупкий мотылек однодневка, не понимая, что за всё в этом мире платишь либо ты сам, либо за тебя платит кто-то другой. Но не будем строго судить, ибо сказано: "Не судите, и не судимы будете!"

И вот мы в следующем зале. Перед нами две столь разные героини рассказа "Провинциалочка". Маргарита Прошина мастер в изображении знаковых мелочей. Слепящий свет аэропорта, сломанный каблук на туфле и набитая консервами сумка лучше пространных описаний передают

чувства приехавшей обустроить свою жизнь в Москве провинциалки. Так же как невероятные узкие джинсы и ровная челка под бейсболкой сразу рисуют перед нами уже другой образ женщины, давно и успешно "покорившей" столицу.

На следующей стене новые картины, и у каждой тоже свой уникальный фон. Тут и группой портрет дружной советской семьи в рассказе "Шуба". Аристократический кабинет иммигранта первой волны. Картины счастливого детства героини другого рассказа:

"Долгожданные дни. Никаких опостылевших уроков. Утро начиналось с пьянящего чувства свободы: хочет - лежит, хочет - смотрит по телевизору фильма "про любовь". Никакого будильника! День, бесконечно длинный, впереди. Зимой - ёлки, подарки, конфеты, мандарины..."

А галерея уводит нас все дальше и дальше. Путешествие обещает быть долгим и интересным.

МАГИЯ СУДЬБЫ

Поэтесса Нина Краснова беседует
с писательницей Маргаритой Прошиной

- Маргарита Васильевна, вы родились в Таллине, в загадочном прибалтийском городе с огромным портом, со своей историей и культурой. Как это отразилось на вашем творчестве?

- Я удаляюсь в прошлое, в тот "загадочный", по вашим словам, Нина Петровна, город у моря, смотрю на него глазами ребёнка. Отец мой строил корабли, и я ребёнком просто оробела, когда увидела судно не на воде, а на стапеле, на котором оно казалось мне поистине огромным, а порт - чудесной непонятной страной, и я представляла себя на капитанском мостике и отдавала команды: "Вперёд самый малый!.." - или же спускалась в машинное отделение, запах солянки, смешанный с запахом морской воды, так нравился мне, я до сих пор изредка улавливаю его по утрам, а во сне вижу, как отец мой, молодой, самый красивый, самый умный, читает мне вслух, как это было, когда я ещё букв не разбирала, "Детство Тёмы", "Кота Мурра", "Степь"... Естественно, Таллин сильно повлиял на меня. Этот город присутствует в рассказах "Изольда", "Кольм", "Часть целого", "Meri armastust (Море любви)". В них я вспоминаю свой Таллин, очарование которого живёт в моей памяти вместе с особым запахом моря и дыма, с красными черепичными крышами, которые как бы парят в возду-

хе, укутанные лёгким туманом, который способствовал полёту моих фантазий, и я вновь с восторгом поднимаю голову, чтобы поприветствовать Старого Томаса, который был героем не только моей героини Илле из рассказа "Кольм", но и моим, и я когда-то делилась с Томасом секретами, мечтами... Невероятная смесь запахов в аптеке на Ратушной площади, старейшей в Европе! Стоит мне вспомнить о ней, как нос мой улавливает эту невероятную смесь лекарств, пряностей, красителей и сладостей. Мне дорога сдержанность жителей Таллина, приглушённые голоса, а парк Кадриорг, окрестности Лебединого пруда, ухоженные клумбы, сейчас ими никого не удивишь, но тогда, более чем шесть десятилетий назад, всё это вызывало детский восторг. Я навсегда полюбила переменчивую погоду, когда на слегка голубое, почти белёсое небо внезапно набегают облака, небо мгновенно темнеет, становится так страшно, но менее чем через полчаса, сквозь облака вновь пробивается ослепительное солнце. Совершенно особенный запах кофе в маленьких кофейнях Старого города, который всегда подают в маленьких чашечках, а не в гранёных стаканах, как бывало в московских буфетах. Таллин для меня город особенный, здесь живёт моё беззаботное счастье открытия интереснейших авторов и книг. Я не расстаюсь с Таллином никогда, то и дело поднимаюсь на Вышгород, люблю улочками, как бы завязанными узлами, черепичными крышами средневековых башен, городской стеной, а потом спускаюсь по узким улочкам, вымощенным булыжником, располагаюсь за столиком с чашечкой кофе.

- Вы с детства, Маргарита Васильевна, любили читать и прочитали почти всю всемирную библиотеку. А ведь известно, что мудрый читатель сам со временем становится писателем. Вы принадлежите к категории людей, которых называют книжниками, и теперь сами пишете

книги. И что для вас есть творчество? Потребность души? Смысл жизни?

- Знаете, Нина Петровна, тут я вспомнила Тригорина из "Чайки", который жизнь свою считает малоинтересной, однообразной, когда закончил один рассказ, тут же начинает другой. Подобное ныне происходит и со мной. Я как бы вышагнула из жизни в другое измерение, и из одного своего рассказа перехожу, подобно Чехову, альтер эго Тригорина, в другой, и в этом моё невероятное счастье, как будто я сама превратилась в чайку и перелетела из Таллина в Москву, чтобы сделаться писательницей. Но прежде судьба окунула меня в невероятные приключения по крупнейшим книгохранилищам библиотек Москвы и Петербурга, это путешествие продолжительностью в несколько десятков лет меня настолько увлекло, что я стала писать сама. Скажу откровенно, что это превращение для меня самой кажется невероятным. Что касается чтения всемирной литературы, то счастье моё состоит в том, что её можно только читать, погружаясь в запредельные глубины, а прочитать не хватит жизни, при этом произведения таких авторов, как Чехов, Достоевский, Сэлинджер, Набоков... невозможно не перечитывать, я скучаю по ним, как по близким друзьям, и каждый раз открываю что-то новое, их хочется читать и вновь, и вновь, что я и делаю с неизменным удовольствием. Судьба щедро одаривала меня удивительными встречами с истинными книжниками, совершенно особенными людьми, знакомство и общение с ними, как участие в невероятных приключениях, описание которых, возможно, появится в моих рассказах, но книжники - в основном мужчины, а я настолько глубоко погрузилась в судьбы своих женских персонажей, что не готова с ними расставаться. Книжники же - в основном одиночки, их поиски и пути приобретения вожделенного издания конкрет-

ной книги есть смысл и счастье всей их жизни, я же в своих рассказах пытаюсь узнать себя, разобраться в своих поступках и непоступках, обидах и страхах с помощью героинь моих рассказов, которые сами управляют мной, буквально настаивают на своём, поэтому я всегда удивляюсь тому, что каждая героиня значительно отличается от той, о которой я пыталась рассказать, приступая к очередному рассказу.

- Бывает, что классика подавляет пишущего человека, и он перестает писать, потому что думает, что не сможет конкурировать с великими писателями. Но ими не рождаются, а становятся. И нужна вера в то, что вы сможете написать своё, то, что можете только вы. Вас не подавляет классика, а, наоборот, вдохновляет?

- Я скажу так, Нина Петровна, на классике как раз и проявляется талант. Частенько, когда разговор заходит о литературе, я слышу от людей: "Да куда нам до него! Он же классик!", - то есть они заранее сдаются и опускают руки. Или у них есть ещё один коронный прием спрятаться от великой литературы - забыть о ней, потому что те, классики, умерли, они им не конкуренты. Вот и пошла губерния писать, всё, что угодно, лишь бы заплатили, как будто не существует великая мировая литература. Но только те становятся писателями, кто принимают великий вызов классиков, сами начинают писать, стремясь соответствовать их уровню. Меня несколько не смущают классики, они из меня человека делают, дарят мне упоение чтением, вызывают восторг, спасают от любых горечей и бед. Дарят силы невероятные в минуты отчаяния, стоит только открыть, к примеру, Данте и вспомнить: "О честь и светоч всех певцов земли, // Уважь любовь и труд неутомимый, // Что в свиток твой мне вникнуть помогли!.." Данте обращается к че-

сти и знанию всех творцов, которые были до него, произведения которых он познал, с большим уважением, отмечая их бескорыстное служение и любовь к творчеству, поскольку это позволило ему создать свой художественный "свиток". Гениальный Осип Мандельштам в "Разговоре о Данте" написал: "Чтение Данта есть прежде всего бесконечный труд, по мере успехов отдаляющий нас от цели. Если первое чтение вызывает лишь одышку и здоровую усталость, то запасайся для последующих парой неизносимых швейцарских башмаков с гвоздями". Да, комедия Данте истинно - божественна. Во всех отношениях приятные люди встречаются чрезвычайно редко. Каждая подобная встреча - как божественный дар, и для меня это - классики. Вот уж действительно цельные натуры. "В человеке всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли". А главное в этой гармонии то, что Чехов не будет стоять над душой и пояснять, что он хотел сказать тем или иным произведением, как и Гоголь, как и Платонов. Они писали потому, что создавали себя в знаковой системе, и не мыслили своей жизни без творчества, их цельность и преданность слову увековечила их. Через сотни лет от автора останутся обрывки, клочки бумаги с вереницей слов, тогда потомки спросят, удивившись поэзии и музыке сих слов, кто автор этих песен, им поможет, конечно, всемогущий, всё знающий всемирный интернет, который ныне и впредь даёт ответы на бесчисленные вопросы наши, даёт возможность постоянно развиваться, получать образование, вне зависимости от места проживания, материальных возможностей и прочих препятствий, которые во многом мы создаём себе сами, были бы желание, целеустремленность и ежедневный созидательный труд, главное - сосредоточится на любимом деле и совершенствовать своё мастерство.

- А что для вас, Маргарита Васильевна, Москва, где вы живёте и работаете уже много лет? Вы в своей прозе создаете художественную летопись Москвы с её улицами, достопримечательностями и говорите, что это "Город мечты, надежды, исполнения желаний", который "нельзя не любить" и который "нужно изучать и узнавать на протяжении всей жизни". Москва оправдывает ваши мечты и надежды?

- Как верно Вы сказали, Нина Петровна, я мысленно стремилась в Москву, ребёнком, когда слышала позывные по радио: "Утро красит нежным светом стены древнего Кремля...", - то представляла город-сказку, потом бывала на каникулах в Москве, жила в знаменитом здании университета на Ленинских горах, в котором, казалось мне, собрались представители со всей планеты, которые говорят на разных языках, но все улыбаются и понимают друг друга, ходила в Консерваторию, театры иногда два раза в день, влюбилась в этот город-музей под открытым небом, а времени походить всласть по улицам и переулкам непарадной Москвы, которые хранят ее дух, не было, тогда я решила, что учиться в институте и жить буду только в Москве, и вот уже практически полвека, как я хожу по Москве пешком и насладиться ею не могу. В моих эссе "Задумчивая грусть" я постоянно пишу о своих впечатлениях о нежно любимом городе... Думая о Москве, я сразу вспоминаю роман Андрея Платонова "Счастливая Москва". Образ Москвы, женщины с таким странным именем - "Москва", переплетается с образом столицы, принимающей всех и вся. Как он гениально делает это: "Столица засыпала. Лишь вдалеке где-то стучала машинка в поздней канцелярии и слышалось, как сифонили трубы МОГЭСа, но большинство людей лежали в отдыхе, в объятиях или питались в темноте квартир секретами своих скрытых душ, темными идеями

эгоизма и ложного блаженства. - "Поздно, - сказал Сарториус, напившись чаю с Божко. - Все уже спят в Москве, одна только сволочь наверно не спит, вожделеет и томится". - "А это кто ж такое, Семен Алексеевич?" - спросил Божко. Сарториус вытер свои слепнувшие глаза, потом хотел уговорить свое сердце, заболевшее по Москве и по всем прочим существам, но увидел, что размышление его не действует. Но от неуважения к себе страдание его было нетрудным..." Платонов остро чувствовал фальшь фарисейских лозунгов Октябрьского переворота, и предвидел его бесславный конец. Я поражаюсь его бесстрашию и искренности в творчестве. Герой романа "Счастливая Москва" Комягин в начале романа "...с горящим факелом бежал по улице в скучную ночь поздней осени". Вскоре послышался шум и выстрелы, переворот совершён, казалось бы, цель достигнута, переходите к строительству "новой жизни". Но "Вневойсковик Комягин лежал на железной койке в своей маленькой комнате. Он тщетно искал в себе какую-нибудь мысль, чувство или настроение и видел, что ничего в нем нет". Ничего не создали. Комягин ничего не способен закончить, довести до конца. Сплошная разруха кругом. И, состарившись в неизбывной тоске сердца, Комягин плетется к трём вокзалам, чтобы разузнать, где там поблизости можно купить себе гроб, чтобы затем в гробу пройти весь маршрут покойника. "Победившего социализма" стране конец... Или вот недавно я пошла вниз со Сретенки по Большому Сухаревскому переулку, удивляясь как испортили двумя бетонными, советскими жилыми башнями старомосковский архитектурный ансамбль. Место этим башням где-нибудь в Лианозово или в Зюзино. Я шла и думала, почему же люди так стремятся втиснуть в центр свои дома. И пришла к мысли, что только закомплексованные люди хотят жить поближе к властям, к Кремлю. Весь переулоч забит машинами. Одна на одной ютятся фирмы и

фирмочки, возле которых стоят девицы с мобильниками и сигаретами, в туфлях на высоченных каблуках, томятся от безделья. Я вышла на Трубную улицу, на которой практически вообще не осталось ни одного старого дома. Я свернула налево посмотреть следующий переулок. Он круто поднимался в горку. Идти было тяжело. Новоделы этого переулка как бы оправдывали его название - Последний. Лужковский новодел с башенками подавил остатки старой архитектуры. Поднялась на Сретенку. Свернула направо, чтобы изучить следующий переулок, параллельный двум предыдущим. Это был Большой Головин переулок, стекающий вниз к Цветному. Здесь была та же история с архитектурой - вырублена вся старая Москва. Изучать так изучать! Потом пошла в горку, в следующий переулок - Пушкарёв. Он являл собой ту же картину, которую я наблюдала в тех переулках. Другим за Пушкарёвым был Большой Сергиевский переулок, ничем себя не отметивший в моей памяти. В Колокольниковом переулке меня удивило ГАИ Московской области: что они тут забыли? Самым интересным оказался Печатников переулок с домом внизу, который я назвала по своей мрачности домом Раскольниковова. Думаю, вот сейчас из подворотни выйдет Родион Романович с топором и шархнет меня по голове... Москва! Строка переулка, улицы глава! Москва зримо и незримо присутствует во всех моих книгах...

- В вашей прозе много страниц посвящено нашим писателям-классикам всех веков. Кто из современных писателей оказал на вас самое сильное влияние? Кого вы можете назвать своим учителем?

- Здесь дело обстоит значительно сложнее. Я вообще перестала делить писателей на современных и классических. Важен сам текст. Колесо времени неимоверно быстро

вращается, и уже сама для себя я представляю Данте моим современником. Вот в чём дело. Обычным людям это понять почти невозможно. Они не могут выпрыгнуть из своего тела, как бы приколочены к своему времени. И уж если говорить о моём учителе, так это, несомненно, поздний Чехов. Но вот когда Чехову был двадцать один год, тогда умер Достоевский. Чехов знал творчество Достоевского, читал, и не один раз, его произведения. Каждый из них велик, гениален по-своему, но оба они создали художественные миры, загадку и глубину которых будут постигать всё новые и новые поколения. Герои Чехова вспоминают Достоевского, пересказывают мысли и слова его героев, ссылаются на Достоевского. Вот, к примеру, из рассказа "Загадочная натура": "Опишите меня, Вольдемар! - говорит дамочка, грустно улыбаясь. - Жизнь моя так полна, так разнообразна, так пестра... Но главное - я несчастна! Я страдала во вкусе Достоевского..." Или: "Вы не верите, ну, а я верю. У Достоевского или у Вольтера кто-то говорит, что если бы не было Бога, то его выдумали бы люди. А я глубоко верю, что если нет бессмертия, то его рано или поздно изобретет великий человеческий ум" ("Палата № 6"). А вот знал ли Достоевский Чехова? Разумеется, нет, ибо писателю не обязательно быть знакомым с телом собрата по перу. И в этом смысле Достоевский вполне мог предположить появление Чехова. Но на самом деле суть не в этом, а в маленьком человеке, который занимает значительное место в произведениях обоих. Чехов - прежде всего художник, он не просто повествует, он живописует, и этим он не похож ни на кого. Но роман Достоевского "Подросток" незримо присутствует в произведениях Чехова. Об отношении Чехова к Достоевскому, можно узнать, глубоко вникая в его произведения. В письмах своих тоже Антон Павлович никогда напрямую не пишет о Достоевском, но нервные мотивы проникновения в самые тайные подземе-

ля души человеческой Достоевского живут во многих произведениях Чехова. Я этим подчёркиваю тот факт, что учителями становятся не те люди, с которыми вы живёте в одно время, а те, которые своими произведениями призывают вас к творчеству. Великая литература магически владеет мною: магия судьбы.

- Маргарита Васильевна, вы давно публикуетесь в журнале "Наша улица", в каждом номере. И работаете под девизом "Ни дня без строчки!". И издали уже несколько книг. И с таким багажом пришли к своему юбилею. Вы не ожидали от себя всего этого в начале пути?

- Всему виной библиотека, в узком и в самом широком смысле слова. Как-то я открыла журнал "Наша улица" с романом Юрия Кувалдина "Родина", и буквально обалдела от сокрушающей мощи текста. И всё остальное в прозе померкло. Я решила предложить в этот журнал свои вещи, и редакция со всем вниманием отнеслась ко мне и стала меня публиковать. Кстати говоря, одной из первых моих публикаций была у вас, Нина Петровна, и низкий вам поклон за это, в пятом выпуске литературного альманаха "Эолова арфа"... С превеликим удовольствием, забывая обо всём на свете, ежедневно пишу, перечитываю, зачёркиваю, снова пишу, напевая: "Каждый пишет, что он слышит, // Каждый слышит, как он дышит, // Как он дышит, так и пишет, // Не стараясь угодить...", - и вдруг обнаруживаю, что написала совсем не о том, о чём собиралась, но меня это давно уже не удивляет. Замысел - только повод, чтобы приступить к очередной записи, а результат получается неожиданный, выходит, что слова каким-то непостижимым образом направляют меня. Почему так происходит? - задала я себе вопрос и тут же запела ответ: "Так природа захотела, // Почему - не наше дело, // Для чего - не нам судить". Согласна я

с моим воображением, пишу, как есть, как вижу в дивном сне. Иду по Риму мимо Колизея в московской шубе. Снег идёт с утра. Фонтаны в лёд одеты. Дивный Рим! Тебе Москва жару прислать забыла. Ведь Рим теперь в Москве, а ты устал в пути от долгих путешествий. Дрожишь от холода. Пустынно на улицах твоих, а холод пробирается ко мне под шубу, ледышкой стать могу, но, страх преодолев, я понимаю, что только жар спасёт меня, и тут передо мной возник любимый Данте, божественный сей образ жар сердца моего мгновенно опалил, и всё вокруг, и вечные фонтаны Рима вновь заиграли красотой своей. Хочется сказать о главном... Чехов много раз говорил о новых формах, ныне нами понимаемых как инновации, а проще - концепт, конечно, при Чехове это слово не было в ходу, но без концептуальности ничего не получается, ведь по сути это указание к борьбе со штампами, именно в этом направлении работает моя концептуальная мысль, когда я пишу очередной рассказ или эссе - ничего не объясняя, показывая пунктирно особенности своей мысли или характеры моих героинь, вот именно в героинях, в том, что я пишу только о женщинах, причем стремясь показывать их такими, какими только я одна их вижу, и состоит моя концепция.

Беседовала Нина КРАСНОВА

Маргарита Прошина

ПИШУ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, СУЩЕСТВУЮ

о Валерии Роньшине

Он испытывает невероятное удовольствие оттого, что неотрывно пишет, и никак не может остановиться. Это и называется писательством. От какой-нибудь безделицы заведётся так, что испишет всю бумагу, оказавшуюся под рукой, словно это вооружился лохматым гусиным пером сам Гоголь, тот самый, рыжий и с длинным носом, которому друг Пушкин бросит пару слов в тему, а уж Гоголь из этой "пары" сделает тройку и помчится сломя голову к избам италийским. Вот точно так разгоняется Валерий Роньшин, и всё как-то естественно, как будто сидим с ним на скамейке в парке и он восторженно рассказывает: "И вот когда все, наконец, наелись и наЕлись, нацеловались и натанцевались, надрались в стельку и подрались в сласть (какая ж свадьба без пьяной драки) и уже хотели отправляться на теплоходик; встаёт из-за стола этот самый неприметный во всех отношениях гость. "Позвольте мне сказать буквально два слова..." - просит. Ему, разумеется, позволяют, и он начинает говорить эти самые свои "два слова". И в то время, как он их говорит и говорит, свет в кафешке тускнеет и тускнеет... Да что там - "свет в кафеш-

ке", на улице только что был летний погожий денёк - а вот уже и дождь осенний накрапывает. Мало того, по всему банкетному залу вдруг ка-а-к пахнет тухлятиной с плеснятиной... А неприметный гость всё никак свои "два слова" не закончит..."

И кажется, Роньшин совершенно не заботится о том, что он пишет и как он пишет, потому что он находится в состоянии некоей экзальтации замечательного рассказчика, который никак не может понять, что он хочет сказать, да ему и не важно, что там получится в итоге рассказа, потому что главное для писателя написать, не останавливаясь, не строя этот пресловутый забор сюжета, который убивает всякое живое слово, рождающееся у канцеляристов советского гонорарного разлива мёртвым. Мне представляется, что именно в этой борьбе с канцеляристами возрос талант этого безоглядного минорного весельчака.

Валерий Михайлович Роньшин родился 19 июля 1958 года в городе Лиски Воронежской области. Окончил Петрозаводский государственный университет по специальности "история", и Литературный институт им. Максима Горького по специальности "литературное творчество". Дебютировал как прозаик в журнале "Континент" (1991). Публиковался в журналах "Знамя", "Дружба народов", "Октябрь", "Нева", "Юность"; в детских журналах: "Трамвай", "Жили-были", "Костёр", "Куча Мала", "Кукумбер" и пр. Автор более 20 книг. Живет в Санкт-Петербурге. В "Нашей улице" публикуется с №126 (5) май 2010.

Просмотрев эту краткую справку, я сама себя спросила, в чём писательства сила, смотрите-ка, в рифму заговорила. И это не случайно, поскольку Роньшин весь ритмически, с внутренней раскинутой по всему тексту рифмой, обладает невероятной кантиленой, он не пишет, он поёт.

"Помимо мелких, чисто косвенных подтверждений того, что он действительно существует, у Копейкина было одно

большое и прямое доказательство этого: он думал. А раз он думал, следовательно, он и существовал". Как весело и изящно перевёрнут всемирно известная сентенция: "Cogito ergo sum (с лат. - "Я мыслю, следовательно, я есмь", более распространённый перевод - "Я мыслю, следовательно, я существую". Это утверждение Декарт выдвинул как первичную достоверность, истину, в которой невозможно усомниться - и с которой, следовательно, можно начинать отстраивать здание достоверного знания. Вот и отстраивают в устном виде многие свои здания, мол, соображаю, стало быть, в жизни пребываю. Отнюдь. Волна думающих исчезает бесследно в прошлом.

Что же остаётся? Слово записанное. Декарт был сходным существом со всеми ныне и присно живущими, созданный по образу и подобию. Поэтому Декарт - это слово. И поэтому записанные мысли его делают живым Декарта.

Роньшин потому пишет, что хочет встать на книжную полку бессмертных. Писательство есть сохранение своей души.

"Нет, нет и нет, - в сотый раз убеждал сам себя Копейкин, - я мыслю, а следовательно - существую!" Но смутное сомнение не оставляло его. Да, ты существуешь, - назойливо зудело оно, - никто не спорит, но ты существуешь только в своих мыслях - постольку, поскольку ты ими думаешь. Но стоит тебе перестать ими думать, как ты перестанешь и существовать. Это как сон: пока ты спишь - чего тебе только не снится, но как только ты просыпаешься, всё, что ты видел во сне, перестаёт для тебя существовать. Так и здесь. Ты думаешь, что ты думаешь, а на самом деле, это вовсе не ты думаешь, а просто существует некая абстрактная мысль в чистом виде. "Э-э, не-е-т, - возражал Копейкин. - мысль не может думать сама себя. Ею обязательно кто-то должен думать. А раз ею думаю я, значит, я и суще-

ствую. А ты, дура набитая, заткнись!" (Копейкин предпочитал относиться к своему сомнению, как к понятию женского рода.) Смутное сомнение затыкалось. Копейкин поворачивался на бочок и засыпал с чувством глубокого собственного существования".

Рассказы Валерия Роньшина - это произведения настоящего писателя. Познакомилась я с его творчеством в журнале писателя Юрия Кувалдина "Наша улица", в котором он публиковался более двух лет. Он для меня с одной стороны человек незнакомый, потому что я загадка, он и отгадка. "Всю жизнь подглядывает, подслушивает, записывает". Кто это? Настоящий писатель.

Перечитываю рассказ Валерия Роньшина "Настоящий писатель", которым является он сам, как будто слышу его голос.

Талант тянется к таланту, обогащая друг друга, они создают свой мир. Яркие личности живут вне времени, уходя за горизонт, продолжая жить в своих произведениях.

А иногда Роньшин вот как завернёт: "Карандашик купил малюсенький, с резиночкой на кончике", - говорил бывало мальчик Кукин мамочке, придя со школы. А мамочка (теперь уже покойница) бывало умилялась по этому поводу: "Ах, какой же ты у меня мусик-пусик, Ванечка".

И я сама тут же под умилительным влиянием крохотных чувств становлюсь малюсенькой, с белым бантиком, прохожу не нагибаясь под столом. И вспоминаются мои роли в театре детства, вызывая светлую грусть. Каждая кукла одушевлялась мною, словно превращаясь в меня, она придумывала образы, говорила кукольным голоском, давала мне советы по перевоплощению. Я же старалась играть как можно убедительнее, ключевое слово для меня было "стараться". Режиссёр же одушевлённый мною был доволен. А поскольку я была куклой, то слушала его беспрекословно. В какой-то момент вдруг пелена упала с моих глаз,

и я стала режиссёром, а куклы мои послушно воплощали мои придумки, это было гораздо интереснее, и я поняла вскоре, что я сама и есть театр.

По мере взросления любовь к игрушкам не покидает, просто они становятся гораздо разнообразнее и разорительнее, и время на них мы не жалеем. У кого-то любовь к маленьким ярким машинкам переходит к современным машинам и повзрослев, постоянно меняет уже современные машины, игра становится страстью, игра в куклы плавно переходит в игру со своей внешностью, кто-то делает одно тату за другим, кто-то меняет цвет волос, используя самые невероятные цвета, кто-то вставляет серьги не только в уши, не ограничиваясь носом и губами, но всё же нет сегодня игрушки более популярной, чем мобильник, без которого мы уже жить не можем, потому что он обеспечивает нам и публичное одиночество, и множество игр и разнообразную связь, то есть предоставляет неограниченные возможности для того, чтобы избежать творчества и чувств.

А вот, будьте любезны, какую в другом месте мораль выводит незлобивый, весёлый и одновременно трагичный Роньшин: "Леночку отвезли на кладбище, где она до сих пор и лежит. Панечка, закончив институт, работает продавцом в магазине и всё так же подаёт большие надежды. Мариночка всё это время всё больше и больше расцвела, всё безогляднее и безогляднее любила своего Пашечку, пока столь же безоглядно не полюбила Сашечку и он не увел её. Куда?.. Да всё туда же. Из истории в историю. Из одного времени в другое".

Да-а! Частенько думаю об этом. Пошёл на повышение, занял влиятельную должность. Купил машину, женился по весьма удачному расчёту, построил дачу. Получил персональную машину с водителем. Сын и дочь учатся за границей. Зацвёл и процветает. Вот уже и коттедж у заграничного моря есть. У причала яхта ожидает. Но, как каждый цве-

ток, в назначенное время увядает. Подросли новые бойкие кадры. Уволили. Имущество отобрали. Жена день и ночь упрекает в том, что не оправдал надежды. Всё то, что наживал "непосильным трудом" в надежде на благополучную жизнь, рассеялось. Без должности - ноль.

В продолжение темы, я невольно обратила внимание на то, что в парках наших, коих в Москве становится всё больше, а прогулки в них приобретают всё более привлекательный характер, поскольку парки преобразились в последние годы до неузнаваемости, сияя комфортом и красотой, так вот, я обратила внимание на то, что в них преобладают прогуливающиеся одинокие женщины. Они погружены в себя, стоя над прудами, или сидя на скамейках. Некоторые делают вид, что читают, а сами пристально поглядывают по сторонам. Есть и такие, которые прямо вступают без стеснения в разговор, или делают замечания. Особенно пристальное внимание одинокие обращают на редко встречающихся здесь мужчин. Женщины одиноки. Как много одиноких женщин! Вот и заполняют они парки в надежде повстречать хоть одного, своего, мужчину. Если жизнь не удалась, то парк - надежда.

Валерий Роньшин же все эти надежды вколачивает в один абзац: "К тому времени, когда обычный ребёнок вырос в обычного молодого человека и женился на обычной молодой девушке, тот - первый - обычный молодой человек обычным образом состарился и стал обычным старым человеком. А когда он пошёл на самую обычную пенсию (так как всю свою жизнь проработал на самой обычной работе), то второй обычный молодой человек тоже уже начал постепенно становиться обычным старым человеком. Когда же и он окончательно превратился в обычного старого человека, то первый обычный старый человек, который был на пенсии, взял да и умер - тоже обычное дело И его, как обычно, похоронили".

И я впадаю в горестные после этого размышления. К примеру, как вишня быстро, почти первой, расцветает весной! Нежные белые вишнёвые цветочки ещё только распустились, благоухая тонким ароматом, а мы уже живём в предчувствии результата. Живём, как поёт нестареющий Евгений Бачурин, "в ожидании вишен". Слушая это прекрасную песню, понимаю, что вся жизнь земная ожидания есть. Видим цветочки, а ожидаем вишен. Сразу хотим насладиться результатом. А главное наслаждение, на мой взгляд, содержится в самом процессе созидания. Ребёнок торопится повзрослеть, а на закате вздыхает о прошедших годах. Только творческая самоотдача не проходит бесследно, написанное живёт вне всякой зависимости от автора. Так и живём от весны до весны. Ожидание вишен - волнующий процесс быстротекущей жизни. Мы приходим и уходим, а вишня цветёт.

Цветёт-то цветёт, а у Роньшина: "День умирает... Бесчисленные мошки летят на свет бесчисленных ламп - сгорая в огне. Летит скорый поезд - под откос. Летит самолёт - камнем вниз. Пассажиры вместе с экипажем песню поют. О чём?... О приближающейся смерти, конечно же: "Зва-а-ать её не-е на-а-до, я-а-а-вится незва-а-аной..." , - душевно у них это получается... Бредут стада на водопой... ой, то есть - на убой!.. И - тоже на убой - поджидает свою жертву киллер, не подозревая о том, что и сам он - жертва, потому как в почках у него - камни, а под камнями - рак...".

После смерти человека его вещицы теряют своё значение. Пока человек был жив, они служили исключительно ему. Каждая вещица знала своё место, была полезна или памятна. Чтобы подчеркнуть своё значение - мелкие вещи, порой, терялись, опять находились, радуя хозяина. С его смертью исчез смысл их существования. Они мгновенно как-то потускнели, превратившись просто в груды хлама, а ведь каждая вещица была нужна. Например, этот потер-

тый, некогда цвета горького шоколада очечник, который был необходим долгие годы и хозяин дорожил им. Вот в подставке на столе лежит колпачок от авторучки "паркер", видимо, он так же, как и очечник, что-то напоминал хозяину, если он хранил его. Очки, как известно, подбирают для каждого человека индивидуально, поэтому выбирают форму и оправу для себя внимательно и относятся к очкам бережно. Вот на столе сиротливо лежат очки в солидной дымчатой оправе, как будто осознавая, что они больше не нужны и вскоре их просто выбросят. Огрызок химического карандаша, блокнот с неразборчивыми торопливыми записями, зажигалка с гравировкой "помни" - всё это безжалостно исчезает в мешке для мусора. Эти вещи уже не нужны. Так происходит со всем материальным миром. Не исчезает только Слово. Вот я написала об этих мелких вещичках, и они продолжают жить. Такие вот дела.

И Роньшин пишет: "Прощай, прощай, умирающий день. Больше я тебя никогда не увижу. Темнеет в глазах... А на ум приходят предсмертные мысли. Почему люди не летают, как птицы; отчего люди мрут, как мухи?... Ну да не летают-то понятно почему: рождённый ползать, летать не может. А мрут-то от чего? Не от того ли, что - живые?... Были бы мёртвые, разве ж умирали бы?.."

И об этом же Роньшин в стихах:

Как по правому берегу
Чёрный звон,
А по левому берегу
Волчий вой.
Как по правому берегу
Женский стон,
А по левому берегу
Смертный бой.
Как по правому берегу
Купола горят,

А по левому берегу
Мертвецы стоят...
Прикасясь щекою к щеке,
Мы плывём по мёртвой реке.

Да, в общем-то, беспокойство никогда не покидает человека, даже тогда, когда ему кажется, что он абсолютно спокоен. Причины для беспокойства столь многообразны, что их не перечислить. Самое, не мой взгляд, досаждающее беспокойство - это оказаться на месте вовремя. Ох, не лёгкое это дело я осваивала не один год, но справилась с ним. Есть беспокойства, которые у меня вызывают улыбку, например, страх смерти. По-моему, беспокоиться по этому поводу бессмысленно, поскольку это неизбежно, поэтому лучше рассматривать неизбежную смерть как награду. Другое дело здоровье и жизнь близких, в данном случае беспокойство понятно и неизбежно. Сама пульсация жизни есть беспокойство, которое исчезает только со смертью тела, но не духа.

"По утрам ей открывалась тайная суть вещей. Стены спальни начинали колыхаться, словно поверхность океана, зеркала растягивались, как резиновые, а двери становились прозрачными.

Ирочка слюнявила указательный палец и стирала лицо мужчины, лежащего рядом. Сначала она стирала его глаза, потом рот, брови, ресницы... Затем она брала кисти, краски и снова рисовала лицо воображаемого возлюбленного. Ирочка была художницей...", - это из начала рассказа "Ирочка", о вот и из конца; - "На улице было раннее утро. Светило солнце. Пели птицы. С моря дул тёплый ветерок. Ирочка села в свою вишнёвую машинку и поехала. Ехать было одно удовольствие. Положив в рот шоколадную конфетку, Ирочка включила плеер. "Мир прекрасен, пока ты в нём существуешь", - пела певица. У церквушки с жёлтыми куполами, Ирочка притормозила. В

открытых дверях стоял молодой священник. Он приветливо улыбнулся Ирочке.

Ирочка решила чуточку похулиганить.

- Здравствуйте, - сказал она священнику с серьёзным выражением лица. - Я - богоискательница. Богу ищу. Вы случайно не знаете, где мне его найти?

- Случайно знаю, - ответил священник, всё с той же приветливой улыбкой.

- И где же?.. - тоже улыбнулась Ирочка.

- Да вот он, - священник указал на маленькую птичку, сидящую на ветке.

- Ты Бог? - спросила Ирочка у птички.

- Чирик-чирик, - ответила ей на это птичка, вспорхнула с ветки и улетела".

Вот так резюмирует Валерий Роншин. Да, чирик-чирик...

В повседневной жизни меня поражает почтительное, а порой просто заискивающее, отношение к именам и фамилиям. Например, приходит в любое учреждение по личному вопросу человек с фамилией Пушкин, его непременно спросят не родственник ли он "того Пушкина", так, на всякий случай, как бы чего не вышло, и обласкают по этой же причине. Или же нарочито поставят на место, если фамилия у посетителя такая же, как у известного чиновника, который утратил своё влияние. А всё потому, что, к глубокому сожалению, в нашей стране десятилетиями в XX веке уничтожали личность и чувство собственного достоинства в человеке. Быть как все и не высовываться - вот чему нас обучали с младых ногтей в общественных учреждениях, да и в большинстве семей. А сейчас у нас другая крайность, очень в большом почёте у нас дворянские фамилии, фамилии знаменитых писателей, композиторов, артистов... Например, человек с фамилией Толстой, являясь каким-то племянником троюродного дяди великого писателя для

нас является авторитетом в вопросах литературы, и неважно, что он никогда ею не занимался, он ведь родственник самого! Среди прямых наследников знаменитых фамилий, чаще всего встречаются как раз воспитанные, скромные и достойные люди. А вот самозванцев не счесть, эти всячески многозначительно дают понять, что они "из этих". Самое печальное, что обывателя интересует не творчество знаменитости, а кто с кем жил, были ли дети на стороне... Есть ещё одна крайность, возвеличивать после смерти не только знаменитость, а и его родственников только потому, что у них в роду было много талантливых достойных людей, имена которых при жизни у нас в стране даже произносить было запрещено, а сейчас мы, пытаюсь исправить эту несправедливость, искусственно возвышаем их детей и родственников, которые просто жили и были хорошими людьми. В головах наших всегда берёт верх торжествующий быт.

И ещё какой быт, Роньшиным возведённый в квадрат: "И вот однажды большой гад открыл свой большой рот и - АМ! - сожрал свою придурочную мамашу. А мамаша возьми да и встань ему поперёк горла, в самом прямом смысле этих слов. Ну буквально не вздохнуть, ни охнуть большому гаду.

- Мамочка, кха-кха... - кашляет и сипит он, - помоги, кха-кха... я ж сейчас задохнусь, кха-кха...

А придурочная мамаша ему из горла отвечает:

- А ты, сыночек, водички попей, я сразу в желудок-то к тебе и проскочу.

Попил большой гад водички, икнул удовлетворенно, да и спать завалился. А мамаша в это же самое время в желудок провалилась, да и сгинула там.

Жалко, конечно, придурочную мамашу. Но недаром ведь говорится: "Придурочных учить - что умерших лечить". Бесплезное это занятие".

На Валерия Роньшина, вероятно, влияет питерский воздух, обитавших в этом городе Николая Гоголя, Даниила Хармса, многих других писателей, образы которых буквально растворены в сыром воздухе северной столицы. Их тени и голоса преследуют Роньшина.

Да ещё как преследуют: "И тут выясняется, что моя бабушка в молодые годы служила в ГПУ, пулемётчицей. А я и не знал.

Ночью во дворе заводили машину, чтобы шум двигателя заглушал выстрелы. А к бабушке под прицел заводили врагов революции. У революции оказалось мнооооооого врагов; ну, или говоря современным языком - до хера. Сначала это был царь Николашка и его прихлебатели с прихлебательницами, затем это были - колчаковцы с денкинцами, потом - троцкисты-зиновьевцы, следом - кулаки да вредители; а уж после к бабушке повалило стоооооолько всякого народа, что вообще стало непонятно, кто есть кто; ну, или говоря современным языком - ху есть ху. Впрочем, перед бабушкиным пулемётом все были равны как на подбор. Включая и бабушкиных начальников, которые у неё менялись трижды. Она же их всех и расстреливала.

Эх, бабушка, бабушка... Ты катала меня в колясочке и меняла мне пелёночки. Вязала мне носочки да руковички. А когда я пошёл в школу, ты приходила к нам на пионерские линейки. Рассказывала о своей комсомольской юности. Повязывала подросткам октябрятам пионерские галстуки.

- Марья Петровна, - спрашивали тебя юные ленинцы, - а как вёл себя перед смертью товарищ маршал Блюхер?

- Мужественно, ребята. Как настоящий коммунист!

- Юные пионеры! - говорила ты. - К борьбе за дело великого Ленина будьте готовы!

- Всегда готовы! - хором отвечали мы.

Вот так-то. Всю жизнь я был готов.

Мне говорили:

- Ты готов?!

Я отвечал:

- Всегда готов!"

После этого я вспомнила, как тяжёлая дверь с шумом хлопнулась за моей спиной. Ни один луч света не проник в помещение. Я очутилась в другом мире. Через какое-то время я разглядела длинные, бесконечные переходы, убегающие куда-то вдаль. Глубокое безмолвие и таинственный сумрак притягивали меня, а внутренний голос предупреждал об опасности, но желание узнать, что там, в глубине, победило страх. Опасливо поглядывая по сторонам, я осторожно пошла по одному из переходов. Слабый луч света сверху падал на стену, покрытую каплями воды, напоминающими слёзы. Тень, наподобие льва, скользнула мимо меня, едва коснувшись локтя, и исчезла за высокой дверью над моей головой. Я замерла. Притаилась. Странные шорохи и шёпот доносились откуда-то снизу. Определённо, в этом странном помещении обитают загадочные существа, которые наблюдают за мной. Страх перед неизвестностью сковал меня. Я глубоко вздохнула и очутилась в просторном зале, украшенном цветами, где тихие гармоничные звуки арфы успокоили меня.

"- Если у вас в квартире появилась невесомость, значит ваша квартира уже в Космосе, - заметил проводник. - И если вы посмотрите в окно, вы очень удивитесь, увидев, как Земля удаляется от вас со скоростью света... А что касается просыпаний, то лично я, как проснусь, сразу же начинаю правый тапок искать. Почему-то именно правый всегда теряется. Вы представить себе не можете, сколько эти поиски отнимают у меня энергии и сил...". - В Москву !.. В Москву!.. В Москву!.. Впрочем, Поцелуев и ехал в Москву...

- Вот и лето кончилось, - меланхолично вздохнул Поцелуев. - Теперь остаётся ждать зимы. А потом опять весна... Помните, как у Пушкина:

Опять весна. Но нет грачей!
Нет мух! и прочих мелочей!
А голос в трубке мне в ответ:
"Всё есть. Тебя на свете нет".

...Утром Поцелуев проснулся, потянулся, откинул одеяло, сел... Нора, с иголки одетая, словно и не ложилась, расчёсывала свои роскошные волосы.

Поцелуев невольно скользнул взглядом по нориным ножкам. И у него, столь же невольно, затрепетало сердце, да и не только сердце. Девушка была без трусов...".

Одна из его книг Валерия Роньшина называется "Здравствуйте, господин Хармс", заголовок первого рассказа - "Мне всегда хотелось написать "Тамань" Лермонтова", а главный герой в ней - Гоголь, как и во всей русской литературе. В рассказе Роньшина "Доктор Гоголь" раскапывают могилу писателя, а в гробу оказывается совсем другой человек. Да уж, сколько раз "откапывали" Гоголя, чтобы он превратился в кого-нибудь другого.

Гоголь в Питере дружил с Раскольниковым. Роньшин о Питере вот так: "Петербург - прекрасный город... для прогулок. Но жить здесь нельзя. Здесь можно только умереть. Умирать сюда приезжают со всех концов света.

Но это так, к слову...

Я же приехал в Питер не жить и не умирать. Мне всего лишь хотелось посмотреть на памятник собаке Павлова".

Ироническая проза Роньшина, его стиль, точный и необычный язык, предполагает постоянное наличие подвоха. В минуты разочарований и тоски я перечитываю его рассказы и мне становится не просто легче, вновь взлетаю я над тоской, бедами, горестями.

А в стихах Валерия Роньшина это выглядит вот так:

Жизнь уходит из-под ног!
Я скольжу куда-то вбок!
Я хочу увидеть Бога -
Вижу белый потолок!
Где же Бог?!
Ну где же Бог?!
Жизнь уходит из-под ног!
Мне приносят телеграмму:
"Приезжай ко мне, дружок,
У тебя теперь сынок".
Не могу (я отвечаю),
Жизнь уходит из-под ног!
За окошком мокнет ночь,
Кто-то молит:
"Помогите...
Помогите...
Помогите..."
Может я бы и помог,
Но...
Жизнь уходит из-под ног!

Я задумывалась над смыслом жизни и в школе, и в институте, и потом много-много раз. К чему же я приходила? Право сказать, уже не помню, но всё сводилось к устройству жизни - любовь, семья, дети, друзья и дальше по списку, всё, что прилагается к комфортному времяпрепровождению, пониманию благополучной жизни. Постепенно всё складывалось удачно, жизнь щедро одаривала меня встречами с интересными, благородными, добрыми людьми. Сколько потрясающих концертов, спектаклей, литературных вечеров, выставок посетила я. А книги, которые сопровождают меня практически с рождения - безбрежный океан, прочесть который невозможно. Я помню, как переживала, понимая, что мне не хватит жизни, чтобы охватить безграничный мир творчества, созданный предшество-

щими поколениями, но всё же: неужели смысл жизни состоит в том, чтобы поглощать? Чувство неудовлетворенности терзало меня. А теперь вдруг открылось: весь смысл жизни моей состоит в том, чтобы сохранить себя в своих рассказах и эссе, через которые сохраняется моя душа вне меня, для людей.

Много лет Валерий Роньшин пишет детские смешные детективы, сказки, страшилки. И это меня смущает. Потому что он предстает предо мною во весь рост серьёзным, я бы даже не поскупилась на эпитет, выдающимся писателем.

"Настоящий писатель пишет исключительно для того, чтобы ощущать себя настоящим писателем. Для настоящего писателя во всём мире нет ничего более ценного, чем его рукопись; но если ему за неё предложат копейки, он продаст её за копейки. А если ему ни копейки не предложат, он отдаст её даром. Более того, настоящий писатель готов печататься хоть на туалетной бумаге, лишь бы только печататься. Потому что если настоящего писателя не печатают, он чувствует себя не настоящим писателем...

Вот такой он - настоящий писатель. Он и загадка, он и отгадка. "Всю жизнь подглядывает, подслушивает, записывает". Кто это? Настоящий писатель".

Ничего удивительного на первый взгляд нет в том, что есть, как говорит Роньшин, которые пишут, добавляя при этом, что "тьмы и тьмы и тьмы". И мы с этим постоянно сталкиваемся. Но тех, которые посвящают литературному письму всю жизнь, единицы. Их Валерий Роньшин называет настоящими писателями.

Ты вдохновенен, ты прекрасен, как книжка детская с картинками, как стихи Тимофеевского к мультфильму, когда сама жизнь представляется удивительным мультфильмом, и ты властелин самого себя, особенно тогда, когда имеешь возможность махнуит в Нью-Йорк, прошвырнуться по настоящему Бродвею, а не по его эрзац-заменителю -

“пишу, следовательно, существую” о валерии роньшине

улице Горького, или в такой же горький парк заглянуть. Я вот что думаю после двестишестидесяти Валерия Роньшина:

Смерть заложена в нас изначально.
Как печально...

Куда бы ты не переносил своё тело, она всегда будет с тобой, как тот праздник, которым мы в юности зачитывались. Но я это к тому клоню, что сия формула не всегда верна. Дело здесь вот в чём. Человек, ставший книгой, путешествует по миру помимо своей воли. Он и в Нью-Йорке в библиотеках, он в таких же библиотеках в Париже и, главное, в Санкт-Петербурге, где живёт Валерий Роньшин, написавший эту поистине не подлежащую сомнению гениальную фразу:

Смерть заложена в нас изначально.
Как печально...

В тебя вколочена смерть с зачаточного состояния в утробе матери. И это надо знать и помнить каждому. Впрочем, пусть каждые живут как бессмертные, они истории искусств не мешают, потому что в неё не входят.

Итак, писателю отпущен срок, и он должен использовать его на всю катушку. Иначе говоря, всю жизнь провести за письменным столом, укротив своё тело от перемещений по планете. В этом смысле, писательство есть жертва... Жизнь, положенная на алтарь литературы, в постоянном совершенствовании её.

Маргарита Прошина

ТАЙНЫ С ЛИМОННОЙ КИСЛИНКОЙ

о Юрии Кувалдине

Я знала Бодлера, но о бодлероидах узнала впервые из повести Юрия Кувалдина "Станция Энгельгардтовская", где в самом начале автор сообщает о герое: "Станция между тем была пустынна. Виноградов вышел из единственного вагона, прицепленного к тепловозу. В этом странном вагоне были мягкие кресла, кремовые шторы на окнах, витал запах кофе, и на каждом столике - розы в хрустальных вазах. Смущенный этим антуражем, Виноградов, дабы не пачкать сидений, спал в проходе на бушлате, сапоги не снимал, портянки на голенищах не развешивал. К сапогам не привыкать, всю жизнь проходил в сапогах, иначе нельзя - грязь..." Этот деревенский паренёк медленно осознаёт, что попал в параллельную реальность, которой управляет поэт Шарль Бодлер со своими "Цветами зла". И я очень хорошо понимаю писателя, поскольку в реальном мире правят далеко не поэты, и даже не интеллигенты, а управленцы командного типа, умеющие сколачивать большинство по командно-армейскому типу, иными словами большевики. И как же выходит из этого положения Кувалдин, а вот так, переворачивает ход истории с ног на голову: "В застекленной будке сидел бла-

гообразный, горбоносый, как Наполеон, офицер и увлеченно читал книгу. Специально высоко держал ее, чтобы Виноградов заметил название. Но Виноградов и не взглянул на книжку. Никогда ему на ум не приходило почитать книгу.

- Товарищ капитан! - обратился Виноградов к дежурному, сосчитав маленькие звездочки на погонах. - Где тут у вас магазин?

Офицер снисходительно улыбнулся, разглядывая Виноградова: его огромные синие глаза, с прелестью вечного недоумения в них, подпольного проказничества и смелости, румяные щеки, белый вихор, выбивавшийся из-под шапки, надетой задом наперед, так что содранной звезды не было видно. И чем-то Виноградов походил на жеребенка. Офицер строго сказал:

- Разве вы не видите, что я читаю "Цветы зла" Бодлера?

- Не-а, не вижу...

- Повторите за мной вслух: "Цветы зла", и голова ваша пройдет.

- "Цветы зла", - произнес Виноградов и почувствовал невероятное просветление, как будто вышел на зорьке косить траву.

- Вот и прекрасно, - сказал офицер. - А то вы своим магазином хотели сразу поставить меня на одну ступень с вами, по всей видимости, полагая, что дежурный стационарный офицер тоже, как и вы, не в состоянии овладеть всем богатством поэзии. Это не так. За многие годы службы я перечитал всю мировую поэзию...

У Виноградова на лице постепенно появлялась пугливая улыбка от непонятных речей офицера..."

Конечно, это разговор о неминуемом будущем, когда не будет, как записано в Библии, ни эллинов, ни иудеев, то есть государства лишатся государей, и мир гармонично будет самоуправляться, как ныне действует интернет.

Плавать в океане своим стилем, попутно создавая острова и архипелаги из букв и слов, которые сами объединяются в материки, могут только истинно свободные личности, обладающие невероятной харизмой, глубочайшими знаниями не только мировой литературы, философии, психологии, но и жизни во всём её многообразии. Этими качествами в полной мере обладает Юрий Кувалдин, который не перестаёт меня поражать своей многоликостью - он сам пишет ежедневно, является главным редактором им же основанного ежемесячного журнала "Наша улица", в сентябре этого года вышел 250-й номер, публикуя в нём не только известных авторов, но и открывая новые имена, при этом он всё делает один, без какой либо помощи, да ещё пропагандирует творчество других друзей и своих авторов.

Романом Кувалдина "Родина" я была просто оглушена, хотя бы одним тем, что истинная родина не есть клочок земли, а лоно матери, Господь же запрятан в одежды, задрапирован, и имя его запрещено без маскировки произносить, мол, достаточно вам имени Христос, но Кувалдин и его очень просто вскрывает: Херос теос, иначе Хер бог наш. Кувалдин проник в такие тайны тайн языка, от которых становится страшно, а доктора филологии от ужаса заползают под стол. Человеком становятся, потому что рождаются животными, а животные неграмотны (крепостная Россия) и выгодны для большевизма и дрессировки. Обезьяна заговорила. Вот момент истины. А Моисей устную начальную речь перенёс на скрижали. Да и сейчас, иногда я думаю, мы живём в зоопарке. Как язык пошёл от - Х, так и дети рождаются от Х... Теперь понятен масштаб романа?! То-то и оно. Героиня, некто Щавелева, сходит с ума от кончины родины-матери, которую она удавила на спинке собственной кровати, потому что потеряла всё - партком, кафедру истории КПСС, страну.

Для понимания мощи романа Кувалдина "Родина" приведу один лишь пример, пусть и большой: "Зазвучала музыка Шнитке, компилятивная, пронзительная, постмодернистская. Достоевский в свете луча пистолета встал с кровати и обратился в зал:

- Господа! Вся наша жизнь есть постмодернизм! Вместо гармонии, к которой стремился Ренессанс, и интеграции, к которой стремился модерн, постмодернизм настаивает на гибридном искусстве, в основе которого лежат диссонансная красота и дисгармоничная гармония. Нельзя допускать преобладание какого-то слишком доминирующего стиля. Каждый элемент должен иметь свою функцию, дублирующуюся иронией, противоречивостью, множественностью значений. Постмодернизм. Постистория. Постиндустриальное общество. Даже с точки зрения лингвистической приставка "пост" во всех трех случаях не случайна, и на самом деле объединяет эти три явления, которые, не будучи синонимами, параллельны и взаимосвязаны, - Достоевский вздохнул и прошелся по огромной сцене театра Красной Армии. Фоном звучала музыка Шнитке, взвизгивали скрипки и плакал гобой. На заднике слабо высвечивалась Москва из Космоса, походящая на причудливую паутину. Достоевский продолжил: - Постисторией я бы назвал такое состояние общества, когда невозможно никакое подлинное новаторство, когда все уже создано, книга прочитана и закрыта. Единственным настроением остается горечь, цинизм, пассивность и серость. Движение мира достигает конечной стадии, когда возможности полностью нейтрализуют друг друга, порождая повсеместное безразличие, индифферентность, превращая нашу цивилизацию в гигантскую машину, мегамашину, которая, в свою очередь, окончательно и бесповоротно выравнивает все типы различий, порожденных жизнью. Так текстура мира, заключающаяся в производстве различий, перете-

кает к фазе производства безразличия. Иными словами, диалектика дифференциации опрокидывает свою основу и производит индифферентность. Все уже в прошлом: вера в утопии, надежды на лучший мир, покоее завтра. Происходит только одна и та же процедура: бесконечное клонирование, раковая пролиферация, напрочь лишенная всякого новшества...

Весь день 27 января прошел спокойно, но среди дня стал беспокоиться насчет "Дневника". Пришел метранпаж из типографии Суворина и принес последнюю сводку. На другой день утром Достоевский сказал:

- Знаешь, Аня, я уже часа три как не сплю и все думаю, и только теперь сознал ясно, что я сегодня умру.

Свет переключился на Анну Григорьевну, в исполнении Л. В. Щавелевой, которую в свою очередь играла Людмила Касаткина, стоявшую у левого портала. Голос Касаткиной слегка дрожал и был трагичен:

- В течение дня у нас перебивал весь Петербург. Около семи вечера без всякой видимой причины Федор Михайлович вздрогнул, слегка поднялся на диване, и полоска крови окрасила его лицо. Он потерял сознание. Дети и я стояли на коленях у его изголовья и плакали, изо всех сил удерживаясь от громких рыданий, так как доктор предупредил, что последнее чувство, оставляющее человека, это слух, и всякое нарушение тишины может замедлить агонию и продлить страдания умирающего. Я держала руку мужа в своей руке и чувствовала, что пульс слабеет. В восемь часов тридцать минут Федор Михайлович отошел в вечность".

Какие сближения, какое проникновение в нетленное время вечности, где все те, которых отрицают, называя прослойкой всяческие телевизионные держиморды-соловьёвы, так реально живы под пером мастера, что оторопь охватывает от размаха и смелости.

Юрия Александровича Кувалдина я воспринимаю как флотоводца в безбрежном океане мировой литературы, открывателя имён заблудших в повседневности душ, которые он, не жалея времени и сил, направляет, публикует и продвигает. Если у автора он увидит хотя бы одну "вкусную" фразу, то протянет ему руку, подскажет на что обратить внимание, в каком направлении развиваться, те кто откликаются и следуют его профессиональным объяснениям (слово "совет" не употребляю намеренно, потому что советы дают те, кто сами ничего не делают и мало, что умеют делать), растут профессионально и добиваются успехов в своих текстах.

Кувалдин утверждает, что тело человека есть животное, одинаковое во всех временах, одно и то же, что тело фараона, что тело марксиста-ленинца, всё дело только в загрузке этого тела, а так он на свет является серйный продуктом Господа, по образу и подобию, с табула раса, чистым диском новенького компьютера. Наиболее остро эта мысль мейнстримом проходит в рассказе "Близнецы", опубликованным пару лет назад в "Независимой газете". Вот экспозиция рассказа: "Как же так, удивилась Нинка, из неё вылезает, и широко отворилось место, которое тогда, только дотронься, визг вызвало восторга, а тот-то, с тяжеленным отбойным молотком, их таких по Москве кругом изобразили советские скульптора разные на барельефах и горельефах, так и шуровал неутомимо, как заведённый, весь в поту, и дышит, как паровой котёл, ху-ху, ху-ху, на этом, как его, на паровозе, и очень большим показался, а тут из неё сам собой вылезает, она ещё не видит того, кто так это запросто вылезает, глаза сильно до слёз зажмурила от нестерпимой боли, но не такой простой непереносимой боли, какая случалась в текущей жизни, а невиданной смачной какой-то боли смутного понимания, что в ней, в Нинке, скопился зачаток другого

человека, и вот он оттуда из широко раздвинутых ног лезет наружу..."

Вылезли из известного места матери близнецы. Попали в детский дом. Взяли их на воспитание другие люди - интеллигентные. И один под другим именем стал артистом, а другой с мировым именем учёным.

Нинка же после этого рожала ещё, будущих алкоголиков, проституток и воров.

Кувалдин пишет: "Любовь - дело Господа, творимое Господом, размножающего Господа до бесконечности в плоде своем по образу и подобию. Любовь - типография Бога, печатающего никогда не заканчивающийся тираж с собственного оригинала. Тот, кто знает имя Господа, понимает, что ему постоянно нужно входить и выходить. Но имя это запрещено произносить. Тогда заговорили притчами. Иными словами, запрет на произнесение имени Бога открыл путь для эвфемизмов, то есть для всех слов на всех языках, прикрывающих, маскирующих запретное, сакральное, сексуальное имя. Так началась художественная литература..."

Поражаюсь многоликости и объёмности прозы мастера, ведь всю что им написано в течение многих десятилетий составляет энциклопедию жизни нескольких поколений примерно с середины второй половины XX начала XXI веков. Анализ его произведений оставляю специалистам, любителям вышивать по чужой кайме, но не сомневаюсь в том, что его проза доставляет истинное наслаждение мыслящим современникам, а оценить его талант и масштаб смогут только наши потомки через много лет.

Кувалдин пишет философские рассказы-притчи, в которых свободно вплетает все времена: "Человек пребывает во власти чередующихся дней, без дней не будет и годов, прописано лекарство всем известное от страха ускользающей жизни - сдружиться с буквами, их взбалты-

вать перед приёмом и выливать на белый чистый лист, как разольются, так и жизнь в бессмертье пойдёт сама собой без твоего участия, люби букварь - основу мироздания, сменялись тысячелетья, а Данте ходит как ни в чём не бывало по букварю от буквы к букве, и ты пойдёшь с наступлением нового столетья по тем же буквам, составляющим всё на свете, они не просто долговечны, они нетленны, или как сказано недавно, что "рукописи не горят", и ты догадался, что эта мысль приобрела форму истины". (Юрий Кувалдин "ОТ 8 ДО 9").

Юрий Александрович любит повторять мысль о том, что устная и письменная речь абсолютно непересекающиеся вселенные, потому что свободно говорить умеют многие, иногда так безостановочно и гладко, что с сожалением понимаешь, что слова эти легковесны, как воробьиные, что тишина сотрет их, как будто вовсе никто и ничего не произносил. Иное дело - слово написанное.

Язык Юрия Кувалдина настолько поэтичен, музыкален и живописен, что я, читая его, испытываю чувство ликования от такого виртуозного проникновения в слова, в результате взаимопонимания автора с ними возникает чувство, что автор уже живёт в слове вечном! Приведу слова самого писателя об этом: "Мелодия продолжала звучать, хотя никакой музыки не включалось, не удивляйтесь этому эффекту при чтении хорошего текста, ибо он подобен музыке, которая всегда почему-то имела больший смысл, нежели сюжетные и фабульные тонкости, ведь по сути, если мы действительно погружены в стилистически живописный мир, то перестаём отыскивать смыслы там, где они только мешают наслаждению, подобному любви, может быть, это к лучшему, вообще полезно отказаться от процесса думанья, и не стоило себя настраивать на философемы, просто хотелось услышать звучание великолепно построенных синтаксических конструкций, кстати говоря, у истинных

знатоков и ценителей художественной прозы я не встречал и тени несогласия со мной, потому что это верно". (Юрий Кувалдин "От 8 до 9").

Произведения Юрия Кувалдина поражают своей раскованностью, смелостью и дерзостью. Он не ждет от литературы материальных благ, он сам вкладывает средства в её развитие. Его, на первый взгляд, фантазии не только ярче реальности в тексте, они со временем оказываются провидением классика. Об этом лучше всего пишет сам писатель: "Я отношу себя к первопроходцам, людям прорыва, не в формальном смысле, а в узловом в художественном. Не надо бояться крайностей. И в идеях, и в образах, и в языке".

На Яузском бульваре тишина. Лишь изредка слышны трамвайные звоночки. Всё здесь знакомо мне, и двухэтажный дом, и лужа перед ним. Всё те же цветы стоят на подоконниках. По-прежнему пустынно в переулке. Присела отдохнуть я на скамейку. Оглянулась. Вон Феофанов с цветами выходит из проходного двора, по которому я проходила не раз мимо церкви. Он спешит к Дегтярёвой. Поселил героиню "Яузского бульвара" здесь Кувалдин. Каждый раз вспоминаю я тут этот рассказ. Дома вновь погружаюсь в его поэтический текст, поражаюсь глубиной и музыкальностью. У Кувалдина дождь шумит метафорой: плачет шиповник, лепестки которого сыплются на темно-зеленую траву от удара капель по лепесткам.

Я с восхищением отношусь к высказыванию Достоевского об отзывчивости русской души. Об этом Фёдор Михайлович говорил в своей знаменитой речи на открытии памятника Пушкину. Я представляю то время, когда в Москве будет открыт памятник истинному москвичу, гениальному писателю Юрию Александровичу Кувалдину из бронзы, в натуральную величину. Кто-то из классиков сказал, что каждый талант в будущем будет полностью

издан, признан и ему будет поставлен памятник. Так и будет! Кувалдин же ещё в начале 70-х годов сказал, что в Москве будет станция метро "Достоевская", так оно и случилось.

Юрий Александрович удивительно любит Москву, он открывает ее нам с совершенно неожиданных сторон, его рассказы, такие, к примеру, как "Новоконная площадь", "Дрожжи", "Мейер" и многие другие, а также все его книги очень художественны, глубоки по содержанию, и дышат всегда новизной и особым взглядом автора, ни на кого не похожего... Еще раз подчеркну, что Юрий Кувалдин - очень московский писатель. Он знает Москву так, как никто другой, если вспомнить Москву в произведениях Чехова, который считал себя московским писателем и действительно является им, а потом читать Кувалдина, то сразу убедишься в том, что Юрий Александрович знает и любит этот город лучше, чем Антон Павлович. Чем больше я читаю и перечитываю произведения Кувалдина, например, любимые романы "Избушка на ёлке" или "Так говорил Заратустра", тем больше представляю Москву автора в разных временах, чтобы убедиться в правдивости моих слов, нужно просто читайте книги Кувалдина.

Читая и перечитывая его роман "Избушка на ёлке", я погружаюсь в текст. Несколько дней в Москве как будто не рассветало. А сегодня меня разбудил солнечный луч. Я протёрла глаза, свет не исчез. Не спеша выхожу на улицу. Иду по старой Москве. Мысленно перебираю по памяти строчки: "В Александровском саду было привычно, как во дворе "Славянского базара". Летают голубисизари и воробьи. Всюду скамейки, дорожки, посыпанные желтым песком или мелким дробленным кирпичом, и - множество детских песочниц. Такие крашенные зеленой, красной, синей масляной краской деревянные низенькие квадраты. Игорь любил песочницу, что находи-

лась возле белоколонного арочного грота у Кремлевской стены. Стена была не реставрированная, многих кирпичей не хватало, как в китайской стене заднего двора "Славянского базара". Когда Игорь был совсем маленьким, он приходил к гроту с дедушкой слушать духовой оркестр, который играл в выходные дни и по праздникам". Я смотрю на сад глазами Игоря Фелицина. Щемит сердце от воспоминаний утраченной Москвы, хорошо, что она сохранилась в слове. Юрий Кувалдин сохранил прежнюю Москву в своих произведениях, которые помимо художественной ценности, являются ещё и энциклопедией его родного города.

Творчество Юрия Кувалдина не укладывается ни в какие схемы, они насыщены глубинными философскими течениями, которые, как магнит, притягивают, увлекают парадоксальными открытиями и свободой. Кувалдин - острый и страстный критик, большой художник - один из своеобразнейших наших писателей, блестящий автор книг, умный историк литературы, острый и страстный критик, вызывающий порою противоречивые чувства, но к которому тянуться как к чистому роднику начинающие истинные любители и ценители слова.

Никуда не спеша, Юрий Кувалдин успевает всё, служение литературе и есть его всепоглощающая любовь, страсть, смысл жизни. Нам неизвестно, сколько исследователей его творчества будет кормиться на его имени, главное то, что его произведения заняли достойное место на полках вечности.

В рассказе "Ошеломление" Кувалдин проводит такую мысль: "Слова летящие припиливать к бумаге учиться нужно с самых малых лет, и этот процесс - обратный по отношению к чтению, когда написанное слово произносится вслух, и даже про себя, хотя высший пилотаж чтения происходит без голосового сопровождения, только зрительно,

когда слово за словом бегут на экране мозга со скоростью электрички, когда читаемое обрабатывается знаковой системой мозга в полотно текста без картинок.

Преодолеть себя почти невозможно, когда накатил новый день, пустой, как барабан, тянущий тебя по кругу всё дальше и дальше к известному выходу из строя твоего биокомпьютера, изматывающий до такой степени, что теряет всякий смысл в совершенствовании бытия и сознания, но для преодоления этого состояния явились на свет новые твои копии, такие же сознающие биокомпьютеры, в просторечии именуемые "человек", которые с утра пораньше усаживают себя за рабочий стол, и это уже не ты, а он выстукивает очередной текст, чтобы превратить новый день в наполненный глубоким вневременным смыслом, с лимонной кислоткой..."

Произведения Юрия Александровича погружают читателя в мир глубокой философии, приобщают его к размышлениям о ключевых её вопросах от смысла рождения, до размышлений на темы зачем я родился, зачем - живу, Кувалдин отвечает, что смысл жизни в творчестве, он постоянно повторяет своим авторам: "Писатель пишет для писателя", - и аргументирует это.

Умение радоваться успехам других авторов, каждой вкусной фразе у начинающего писателя, поддержка, доброжелательность являются убедительным подтверждением гениальности классика XX и XXI веков Юрия Александровича Кувалдина, а его преданность и служение литературе является достойнейшим примером всем для кого литература - смысл жизни, Юрий Александрович Кувалдин - великий подвижник, но прежде всего "Классик" русской литературы в самом широком и полном смысле.

О творчестве Юрия Александровича в русской литературе надо писать отдельно, и будут писать, конечно, представители будущих поколений.

маргарита прошина

В его произведениях, как драгоценные жемчужины, рассыпаны глубочайшие мысли. Юрий Кувалдин во всём талантлив и оригинален, он подготовил и снял более десяти литературно-документальных фильмов. Юрий Кувалдин всегда и во всём доходит до самой сути. Он живет литературой. Живет словом.

Маргарита Прошина

КОНТРАСТЫ СУТИ

об Иване Бунине

Москву не узнать. Ну, совершенно не понимаю, где я нахожусь. Чистая Европа! Тротуары сияют, как паркетные полы, дом к дому выкрашен в мягкие пастельные тона, оттенки сиреневого, бежевого и, конечно, классический мягкий желток. Это я свернула с Тверской "под подол" бывшей гостиницы Минск в Дегтярный переулок. Когда я хожу по старой Москве, то неизменно воспроизвожу в памяти картины, связанные с этими местами писателей. Да и Иван Алексеевич проходил этим переулком и, главное, видел те же самые дома, на которые с любовью взираю я в тёплый августовский вечер.

Небо украшено слепяще-белыми облаками на фоне синевы беспредельности. Ничто не предвещает дождь, но...

Я не удивляюсь тому, что погода у нас имеет обыкновение круто меняться. Накануне холодный ветер затягивал окрестности туманной сеткой дождя. Фасад дома напротив представляется мне живым, точно морщинистое лицо глядит из-под огромной шапки впадинами окон, по стёклам которых нескончаемым потоком льются слёзы. Ничего подобного припомнить не могу в начале лета. В такую ненастную погоду хорошо открыть томик Бунина: "День был се-

рый и дождливый. От надвигающихся туч в комнате темно; в сумраке мелькал красноватый отблеск молнии, после чего начинался где-то сверху смутный рокот. Он приближался тяжкими раскатами, так что дрожали стекла, и вдруг разражался треском и резкими ударами над самой крышей дома... И начинал сыпать дождь, сначала осторожно, потом все шире и шире... Тяжелый запах цветущих тополей наполнял сырой воздух. Дождь лил, ровно и однообразно шумя по траве и деревьям...". Я даже вздрогнула от такого невероятного совпадения, как будто Иван Алексеевич рядом.

Думаешь с умилением, что он такой лиричный, такой нежный, такой эстетически и культурно выверенный, а тут - хлоп тебя по голове:

"На окраине слободы, возле порога глиняной мазанки, стоял высокий старик в опорках. В руке у старика была длинная ореховая палка и, увидав проходящего, он поспешил притвориться гораздо более старым, чем был, - взял палку в обе руки, поднял плечи, сделал усталое, грустное лицо. Серый, холодный ветер, дувший с поля, трепал космы его серых волос. И Кузьма вспомнил отца, детство... "Русь, Русь! Куда мчишься ты?" - пришло ему в голову восклицание Гоголя. - "Русь, Русь!.. Ах, пустоболты, пропасти на вас нету! Вот это будет почище - "депутат хотел реку отравить"... Да, но с кого и взыскивать-то? Несчастный народ, прежде всего - несчастный!.. - "И на маленькие зеленые глаза Кузьмы навернулись слезы - внезапно, как это стало часто случаться с ним последнее время. Забрел он недавно в трактир Авдеича на Бабьем базаре. Вошел во двор, утопая по щиколку в грязи, и со двора поднялся во второй этаж по такой вонючей, насквозь сгнившей деревянной лестнице, что даже его, человека, видавшего виды, затошнило; с трудом отворил тяжелую, сальную дверь в клоках войлока, в рваных ветош-

ках вместо обивки, с блоком из веревки и кирпича, - и ослеп от табачного дыма, оглох от звона посуды на стойке, от топота бегущих во все стороны половых и гнусавого крика граммофона. Затем прошел в дальнюю комнату, где народу было, меньше, сел за столик, спросил бутылку меда. Под ногами, на затоптанном и заплеванном полу - ломтики высосанного лимона, яичная скорлупа, окурки... А у стены напротив сидит длинный мужик в лаптях и блаженно улыбается, мотает лохматой головой, прислушаваясь к кричащему граммофону. На столике сотка водки, стаканчик, крендели. Но мужик не пьет, а только мотает головой, смотрит себе на лапти и вдруг, почувствовав ни себе взгляд Кузьмы, открывает радостные глаза, поднимает чудесное доброе лицо в рыжей вьющейся бороде. "Ну, залетел!" - восклицает он радостно и изумленно. И спешит добавить - в оправдание: "У меня, господин, брат тут служа... Брат родной...". И, сморгнув слезы, Кузьма стиснул зубы. У, анафемы, до чего затоптали, забили народ! "Залетел"! Это к Авдеичу-то! Да мало того: когда Кузьма поднялся и сказал: - "Ну, прощай!" - поспешно поднялся и мужик и от полноты счастливого сердца, с глубокой благодарностью и за роскошь обстановки, и за то, что поговорили с ним по-человечески, поспешно ответил: "Не прогневайтесь..."

Москвичей, да и меня саму, ничем не удивить. Хоть камни с неба повалятся, а им хоть бы что. Большой театр задрапируем, и как будто нет его. Пусть мессеры летают, не понимая, где они находятся. Россия любит воевать. Забривала в армию крепостных только так, на двадцать пять лет. Так что у императора военные силы всегда были под рукой. Впрочем, жизнь почти крепостных можно понаблюдать в блестящей повести Бунина "Деревня", правда, стоит добавить, что эта вещь аукрается сильно Антоном Павловичем с его "Мужиками".

Художник же всегда берёт верх на социальном реализмом, как вот в этом куске из "Митиной любви":

"На чистом зеленом дворе от надвигающейся отовсюду растительности стало как будто теснее, дом стал как будто меньше и красивее. Он как будто ждал гостей - по целым дням были открыты и двери и окна во всех комнатах: в белом зале, в синей старомодной гостиной, в маленькой диванной, тоже синей и увешанной овальными миниатюрами, и в солнечной библиотеке, большой и пустой угловой комнате со старыми иконами в переднем углу и низкими книжными шкафами из ясеня вдоль стен. И везде в комнате празднично глядели приблизившиеся к дому разнообразно зеленые, то светлые, то темные, деревья с яркой синевой между ветвями...".

Лето сменяется зимой. Бунин, чуткий к перемене погоды, и нашу зимушку рисует со вкусом.

Темнел холодный зимний день и вдруг услышала на Поварской: "Морозное дыхание метели // Еще свежо, но улеглась метель. // Белеет снега мшистая постель...". Я подняла воротник от порыва ветра и увидела Бунина, специально для меня продолжавшего: "Мы встретились случайно, на углу. // Я быстро шел - и вдруг как свет зарницы // Вечернюю прорезал полумглу // Сквозь черные лучистые ресницы...". Стихи перетекли в прозу, и возникла "огромная картина заречной снежно-сизой Москвы... была видна часть Кремля, напротив, как-то не в меру близко, белела слишком новая громада Христа Спасителя, в золотом куполе которого синеватыми пятнами отражались галки, вечно вившиеся вокруг него...". Да, я живу в бунинской Москве.

Любое время года хорошо для моей души. Ведь важен не внешний фактор, а состояние той самой души. А внешних факторов у Ивана Алексеевича было предостаточно. Родом из российской глубинки оказался на Западе.

Вот настроение этой самой души из рассказа "Мистраль":

"Лежа в черной тьме спальни, среди шума и гула наружи, теряешь представление о времени. Забываясь, думаешь: "Кажется, скоро рассвет..." Но затем опять видишь ту же черную тьму, слышишь, как жадно несется наружи мистраль, и понимаешь, что эта тьма, этот шум и гул еще ночные, полночные. Привычно подняв руку к изголовью, я освещаю спальню, смотрю на часы: час самый мертвый. От света все вокруг стало проще, шум и гул отдалились от дома, и спокойно стоит освещенный куб спальни, беззвучно блестит зеркало против меня, над камином. В зеркало углубленно уходит вторая спальня, что во всем подобна первой, будучи только ниже и меньше ее; там тоже горит свет над старой дубовой кроватью, на которой уже столько лет сплю я в этом старом чужом доме, лежит на приподнятой подушке худое лицо, видны под светом, падающим сверху, темные впадины глаз, виден белеющий лоб, косой ряд в серебристых волосах... Потом я опять поднимаю руку - и опять только гул и тьма, в которой всюду реет что-то как бы светящееся..."

Листья мокрые шуршат под ногами, небо пасмурное, а настроение - солнечное. И вдруг опять стало мрачно в моем сердце. Вспомнилось слово: "эмигрант". Убийственное слово в советской действительности. Дальше только следовало добавить: "шпион". Бунина не печатали, старались вычеркнуть из литературы. Иду задумчиво по тёмной аллее, и размышляю о трагедийности судеб мастеров русской литературы. Бунин и любовь для меня как слова синонимы. Как тонко, глубоко и нежно умел он перебирать поэтические струны души. Когда я читаю его рассказы, передо мной возникают картины, воздушные как "Лёгкое дыхание": "Девочкой она ничем не выделялась в толпе коричневых гимназических платиц..." Ещё сильнее Бунин

любил свою Россию, когда она стала для него недостижимой. Перед моими глазами неожиданно открылся, чтобы развеять грусть, берег моря, залитый мягким, ласкающим солнцем, и Бунин с возлюбленной убегает, смеясь, от легких морских волн Ниццы.

В путеводителе о художественной жизни Ниццы говорится: "Бунин мог позволить себе оседлую жизнь, с минимумом переездов. В течение многих лет Иван Алексеевич и его жена арендовали виллы в Грассе (городок недалеко от Канн, буквально на острове Приморских Альп). "Тёмные аллеи" как раз были написаны на вилле Belvedere, где Бунин провёл больше всего времени, за художественный шедевр получив Нобелевскую премию. Борис Зайцев, будучи одним из друзей Ивана Алексеевича, писал о том, что в его душе оставил след Грасс и милая вилла "Бельдевер", на первый взгляд скромная, но открывающая невероятные виды на Канны... Из Грасса Бунин любил отправляться в Ниццу, чтобы посидеть за стаканом с Марком Алдановым, его товарищем и местным жителем. Последний, к слову, тоже добивался успехов в писательском мастерстве и поражал Ивана Алексеевича настолько, что он сам посылал письма в Нобелевский комитет не один раз, требуя, чтобы Марка наградили премией в соответствующей области..."

В "Тёмных аллеях" Бунин пишет: "Большой и несколько запущенный вестибюль, просторный лифт и пестроглазый, в ржавых веснушках, мальчик Вася, вежливо стоявший в своем мундирчике, пока лифт медленно тянулся вверх, -- вдруг стало жалко покидать все это, давно знакомое, привычное. "И правда, зачем я еду?" Он посмотрел на себя в зеркало: молод, бодр, сухо-породист, глаза блестят, иней на красивых усах, хорошо и легко одет... в Ницце теперь чудесно, Генрих отличный товарищ... а главное, всегда кажется, что где-то там будет что-то особенно счастливое, какая-нибудь встреча... остановишься где-нибудь в

пути, -- кто тут жил перед тобою, что висело и лежало в этом гардеробе, чьи это забытые в ночном столике женские шпильки? Опять будет запах газа, кофе и пива на венском вокзале, ярлыки на бутылках австрийских и итальянских вин на столиках в солнечном вагоне-ресторане в снегах Земмеринга, лица и одежды европейских мужчин и женщин, наполняющих этот вагон к завтраку... Потом ночь, Италия... Утром, по дороге вдоль моря к Ницце, то пролеты в грохочущей и дымящей темноте туннелей и слабо горящие лампочки на потолке купе, то остановки и что-то нежно и непрерывно звенящее на маленьких станциях в цветущих розах, возле млеющего в жарком солнце, как сплав драгоценных камней, заливчике... И он быстро пошел по коврам теплых коридоров Лоскутной. В номере было тоже тепло, приятно. В окна еще светила вечерняя заря, прозрачное вогнутое небо. Все было прибрано, чемоданы готовы. И опять стало немного грустно -- жаль покидать привычную комнату и всю московскую зимнюю жизнь, и Надю, и Ли..."

Однако известно, что от себя никуда не убежишь. Чувство Родины у Бунина врожденное. Где бы он ни был, сердце его переполнялось любовью к России. Даже тогда, когда он в "Окаянных днях" говорит: "Кончился этот проклятый год. Но что дальше? Может, нечто еще более ужасное. Даже наверное так..."

И особенно он любит Москву.

Первые впечатления от Москвы, знакомство с которой состоялось в 1895 году, Бунин сравнивал со сновидением похожим на "сложную, пеструю, громоздкую картину". Через два года он вернулся в Москву и провел в ней "около четверти века". Здесь он познакомился и полюбил Веру Николаевну, с которой не расставался до последнего дня жизни земной, здесь бывал на известных "телешовских средах". О Москве той поры Иван Алексеевич поведал в

стихотворении "В Москве"(1906): "Здесь, в старых переулках за Арбатом, // Совсем особый город...". После переворота в 17-м году Бунин делает запись в дневнике: "14 февраля 1918. Несет теплым снегом. В трамвае ад, тучи солдат с мешками - бегут из Москвы, боясь, что их пошлют защищать Петербург от немцев... Слухи. Хаос. Старая Москва, которой вот-вот конец навеки". В сентябре 1919 остро чувствуя боль от исчезновения прежней, красочной, сочной, богатой на краски и чувства Москвы, он пишет стихотворение "Москва".

В Москве Бунин нащупал одну из основных линий своего творчества - любовную. Вообще, говоря, о нём, не обойдешь это всепоглощающее, почти религиозное чувство - любовь! Можно сказать даже больше: Бунин эротичен!

Прозрачный свет осенних деревьев. Золото на синем. Пьянящий запах увядающей листвы кружит голову. Здесь жил Бунин. Он познакомился с Верочкой Муромцевой осенью. Осень стала весной их любви. Бывают времена, когда деревья выступают на передний план. Весной - набухающие почки, подернутые бледной зеленью с отливами желтизны. И осенью - когда даже не замечаешь старинные особняки, потому что все внимание приковывают к себе золотые листья. У меня обостряются все чувства. Я наслаждаюсь разноцветным убором листьев - солнечных, красных, фиолетовых, рыже-зелёных, шуршащих и летящих в свой последний полёт. Вот на зелёном баке сидит скворец вместе с голубем и воробьём. Обычно скворушки держаться обособленно в своей стае. Но Москва всех объединяет. Птицы уже слились в единую московскую семью... А есть ли у скворца национальность? Вот бы люди в единую семью объединились, о чем мечтал бронзовый позеленевший поэт.

Правда, памятник Бунину так запрятан в кроны кустов и деревьев, что ему попросту не хватает света. А ведь Бунин несравненный певец света!

Я часто вспоминаю удивительное выражение: "Воздух был резок для тонкого фрака". Бунин! У него свой мир и свой свет! В этот момент аромат свежемолотого кофе действует на меня магическим образом, поднимает настроение и вдохновляет. Бунин поэтический художник! Воздух у него - свежий, нежный, жгучий, молодой, острый морозный, снежный, тёплый солнечный - писатель всякий раз находит новые эпитеты, которые передают тонкие оттенки чувств. Сам процесс приготовления любимого напитка по утрам - одно из моих любимых занятий. Бережно наливаю в чашечку, сажусь у окошка. Тучи на небе ненастные, совсем не весенние, но всё же сквозь них пробивается свет, бунинский свет щемящей тоски по безнадёжно утраченному детству. Вот ведь мысли у меня какие самостоятельные, вспомнила о Бунине, который мне бесконечно дорог своей художественной новизной. Я и сама чувствую, что небо часто соответствует моему настроению. Оно может быть сумрачным, ненастным, чистым, холодно зеленоватым, насупившимся, голубым и ясным, низким белёсым. "Сплошная темно-зеленая чаща ельника, стоявшая перед ним, казалась от яркости дня почти черной, и небо сквозило в ее острых верхушках особенно великолепной синевой", - читаю и вижу картину!

Для того, чтобы понять эмиграцию, нужно побывать в ней. Контрасты сути.

Много написано в эмиграции Буниным, Куприным, Бродским, Довлатовым... Они покидали страну не по своей воле, но сохранили её в своих текстах. Читатель не эмигрировал, через эмигрантскую литературу он по-новому увидел свою страну. Как это важно, иметь возможность пить из животворящего источника свободного творчества! Произведения, созданные по заказу власти ради материальных благ и иллюзорной славы, которые навязывали в школах и вузах, исчезают, литература стряхивает их как

пыль. Художественные тексты свободных писателей открывают читателю новые смыслы, вдохновляя на создания своих творений. Вдали от родных осин и взгляд становится зорче...

Сколько бы ни менялись вкусы, есть что-то незыблемое и прекрасное в живописи, музыке, архитектуре и, главным образом, в классической литературе. Перечитывая Булгакова, я невольно вспоминаю Гоголя, из "Шинели" которого все мы выросли, творчество которого явно оказало на Михаила Афанасиевича колоссальное влияние, а Бунин, по-моему, просто напитан Чеховым. Собственно, на этом незыблемом фундаменте и формируется истинный вкус.

А вкус воспитывается с детства и на классике. Причём, у классиков есть время, и как бы оно отсутствует. Почему? Потому что я проживаю, скажем, "Тёмные аллеи" в двух временах. Из своего настоящего ныряю в бунинское прошлое. Ведь понятно, Бунин стоит на одной полке вечности с Данте, с Гёте, с Булгаковым, с Мандельштамом... У Бога нет ни времени, ни пространства. А что же есть? Слово! Знаковая система.

Ближние или дальние девяностые годы? В данном случае необходимо уточнить столетие. В девяностых годах Чехов написал "Чайку". В девяностых годах Херасков написал "Плоды наук". В девяностых годах мы проснулись в другой стране, представления о которой были полны радужных надежд, причём, диаметрально противоположных у оптимистов и пессимистов. Живущим в жизни при слове "девяностые" уточнения не потребуются, а вот писатель непременно добавит развёрнутое определение, которое уточнит, о каких девяностых идет речь. И мои библиотечные труды отметили в 90-х, присвоив мне звание "Заслуженный работник культуры Российской Федерации", указ был подписан Борисом Николаевичем Ельциным 22 октября 1996 года, в день рождения Бунина, а в 2006 году я при-

шла на работу в библиотеку имени Бунина, о которой услышала от подружки только в 2005 году.

Здесь я ощутила прямо-таки родственную связь.

В библиотеке им. Ивана Бунина на улице 1905 года, дом 3 всё пропитано любовью к творчеству и жизни великого писателя. Каждый посетитель библиотеки может познакомиться со всем этим в специальном Бунинском зале. Особую ценность, на мой взгляд, представляет большой рояль фирмы "R?nisch", 1870 года, что удивительно - это год рождения Ивана Бунина. Подарил этот роскошный инструмент Михаил Александрович Александров - заслуженный деятель культуры Польши, директор общества и Конкурса имени Фридерика Шопена в Москве. Я так любила этот рояль, что разговаривала с ним каждый день, как с живым, здоровалась и говорила : "Сейчас я тебе попить принесу, милый". Потому что зал был очень сухой. Протирала пыль, бережно закрывала после всех концертов, которые я регулярно проводила в библиотеке, и благодарила его за счастье, которое нам дарила музыка.

Вот именно музыка характерна для стилистики Бунина, да и вообще для всякого художника-классика.

Я перестала читать содержание. Сюжет мало меня интересует. Если бы только это меня занимало, то я вряд ли бы в который раз стала перечитывать "Степь" Чехова, "Тёмные аллеи" Бунина, "Счастливую Москву" Платонова. Они притягивают меня своей неисчерпаемостью и безбрежностью в лексическом сочленении бездонных глубин. Музыка текста завораживает меня, как, скажем, второй концерт Рахманинова. Тексты живут своей жизнью, отдельной от их создателей. По мере чтения они заглубляются, приобретая всё большую ценность. Хочется перечитывать их ещё и ещё раз. Отношения читателя и книги всегда индивидуальны, во многом они зависят от желания и умения читателя погружаться в текст, или даже в подтекст. То, что художест-

венную книгу можно читать, а прочесть невозможно, доставляет мне огромное удовольствие. Я вновь открываю и наслаждаюсь словами, которые постоянно открывают мне свои всё новые тайны.

Особенно во время прогулок по старой, воскрешённой Москве.

Не счесть переулков в Москве! Именно они хранят дух московский, несмотря на то, что во многих из них появились архитектурные сооружения нашего времени, из стекла и бетона, но для нас они чужестранцы, а для следующих поколений будут свидетелями минувших поколений, я размышляла об этом в Дегтярном переулке, повернув с Тверской в сторону Малой Дмитровки. Доходные дома, милый особнячок - типичная для Москвы разноформатица, но тени Пушкина, Чехова, Левитана, Бунина, Станиславского не покинули милый Дегтярный переулок.

Подруги приезжают из разных стран, в основном из тех, где можно бросить свои тела на пляже, и не вставать недели две. И полдня рассказывают об этом упоенно, не давая вставить слово. Убийцы! А мне приятно съездить на пруд в Бутово, до станции метро "Бунинская аллея". Я долго бродила по парковым дорожкам в поисках этой аллеи, но так и не нашла. Потом увидела купол церкви, зашла, помолилась и поставила свечку во славу великой русской литературы, в том числе за Ивана Бунина. Жаль, что я не встретила самого Ивана Алексеевича во время прогулки, но какой-то писатель мне попался навстречу, но имя его я не могла вспомнить. Да и с какой стати в Бутово поедет Иван Бунин. С Буниным у меня вообще какая-то незримая связь, потому что я долгое время работала в библиотеке его имени. Хотя звучат эти слова очень похоже: "Бунин", "Бутово".

Слушая рассказы или читая истории о необычайных, судьбоносных встречах, я прежде пыталась переносить их

на себя в мечтах. Жизнь, придуманная мною, была гораздо интереснее, насыщеннее, чем реальная. Это так увлекательно - придумывать себе невероятные встречи, которые потом случались в снах, значительно более реальных, чем повседневность. Так я встречалась и беседовала с Буниным. Его стихотворение "Мы встретились случайно на углу...", как будто бы об этом:

Мы встретились случайно на углу.
Я быстро шел - и вдруг как свет зарницы
Вечернюю прорезал полутьму
Сквозь черные лучистые ресницы.

На ней был креп, - прозрачный легкий газ
Весенний ветер взвевял на мгновенье
Но на лице и в ярком блеске глаз
Я уловил былое оживленье.

И ласково кивнула мне она,
Слегка лицо от ветра наклонила
И скрылась за углом... Была весна...
Она меня простила - и забыла.

1905

Оно так созвучно моим чувствам и переживаниям тех лет, что я с нежностью вспоминаю свои романтические встречи, как свет зарницы озаряют они мою жизнь, наполняя её любовью к прекрасному ушедшему.

Но надо сказать, что всё-таки в тоску вгоняет беспроблемная убогая жизнь мужиков из повести Ивана Бунина "Деревня", о которой я уже упоминала. Даже, можно сказать, животная жизнь. Бунина поражает в этих людях отсутствие даже малейшей попытки изменить нечеловеческие условия существования. Отсутствие чувства собственного достоинства с невероятной силой изображено писателем. Бунин показывает мужиков, их переживания и чув-

ства, не только через их характеры и поступки, - его мужики сами говорят о своих пороках: нерадивости, жадности, пьянстве. Например, мужик в трактире, выпив водки, обтирает губы и ласково хвалит водку "ай сахарна", и хвалится: "Тыщу лет пьем!". Яков из деревни Дурновка, которого все зовут Яковом Микитичем за то, что он "богат", и говорит-то он от жадности дрожащим голосом, он даже на картуз себе денег жалеет, объясняя это тем, что ему "капитал" не позволяет. На вопрос о возможном бунте Яков скороговоркой бормочет: "Какого там рожна - бунту! У нас народ смиренный... Смиренный народ..." Живут в непролазной грязи, без дорог, в избах грязь и вонь, а всё ждут, когда откуда-то сверху упадёт что-нибудь вдруг. Например, возница Меньшов, дергая вожжи, спрашивает Кузьму: "Собрали, купец, Думу-то ай нет?". Зоркий глаз Бунина видит, откуда исходят несчастья бесправного народа в пещерной империи.

Горько на душе...

Там, где Покровский бульвар под горку плавно перетекает в Яузский, приютилась "Дача на Покровке". Лесенка, узкая дорожка, освещенная гирляндами лампочек. Мокрые осенние листья шуршат под ногами. Место это известно всем просвещенным москвичам своими "Телешовскими средами". Как-то в гости к Николаю Телешову заглянул Антон Чехов. Смотрит, а за столом у кипящего самовара сидят и покуривают Леонид Андреев с Иваном Буниным, Викентий Вересаев с Александром Куприным... Антон Павлович с улыбкой присел в компанию и заговорил о своей недавней покупке Мелихово. И пошел разговор о судьбах русской провинции под незабываемое пение Фёдор Шаляпина, которому аккомпанировал Сергей Рахманинов...

Побродив по Чистопрудному бульвару, услышав мелодичное динь-динь-динь, спешу на конечную остановку "Аннушки". Вот я уже сижу у окошка справа от водителя и

мысленно восклицаю: "Эх, прокачусь!" Трамвай отправился. Еду. До чего же я люблю трамваи! Они так неспешно двигаются по улицам и переулкам московским, что можно любоваться каждым домом, подмечая архитектурные украшения, которые не всегда возможно увидеть с узкого тротуара. Позванивая, как бы переговариваясь между собой, они создают атмосферу доверительности. Названия остановок ласкают мой слух: "Покровские ворота", "Воронцово поле", "Яузские ворота"... Тут можно чаю попить у Телешевых вместе с Иваном Буниным, Константином Бальмонтом, Фёдором Соллогубом, а если повезёт, то послушаю пение Фёдора Шаляпина и игру Сергея Рахманинова. Нет, пожалуй, в Замоскворечье поеду, и на остановке "Вишняковский переулок" пересяду на трамвай № 39 и поеду до университета, давно я не гуляла в тех местах.

Возможность развить в себе талант, творческое начало даны каждому из нас, ведь человек создан по образу и подобию Бога. Я часто размышляю о том, почему же подавляющее большинство из нас не используют эту возможность? Ответ понятен - желание жить здесь и сейчас, отсутствие понимания смысла и краткости жизни, своего предназначения, суета... Конечно, чтобы всецело посвятить себя самовыражению, творчеству, нужно быть целеустремленной, цельной личностью, готовой всю свою жизнь посвятить служению литературе, слову. А как заманчиво ощущать земные, сиюминутные блага, славу, популярность при этой жизни! Соблазны владеют нами, они как нечистая сила, постоянно возникают перед глазами, ну как не поддаться их чарам? Об этом так буднично и просто говорит герой Сэлинджера в романе "Над пропастью во ржи", рассказывая о своём старшем брате, который был настоящим писателем раньше пока жил дома, а как только он подался в Голливуд, то скурвился, зато денег у него теперь куча. Лучше не скажешь! Вот и мы пережили безнравственные

годы "социалистического реализма", когда творческая номенклатура за более чем "жирный кусок" обслуживала идеологию безграмотных, бессовестных партийных чиновников. Кому они сегодня интересны? Литература развивалась и жила в Самиздате. Временщики запрещали, а порой и уничтожали Достоевского, Бунина, Мандельштама, Гумилёва, Ахматову, Цветаеву и многих, многих других писателей, где они сегодня эти "руководители партии и государства"?! А великая наша литература существует и все те, кто отдали жизнь служению ей, живут в вечности.

Маргарита Прошина

И ЭТО ПРОЙДЁТ

об Антоне Чехове

Увидела табличку: "Здесь жил Чехов". Спросила: "А он где теперь живет?" Ответили: "Да он десятки адресов поменял? Кто ж его знает, где он теперь живёт!" Хожу по Москве в поисках Чехова. Хочу спросить у него, что он имел в виду, когда Гуров ел арбуз... Не могу жить без автора, который должен быть рядом с текстом. Так наивные современные авторы теребят вопросами друг друга на всевозможных вечерах, не понимая, что писательство - это послание текста в вечность, где тело автора не требуется! В произведениях Чехова подтекст и воздух, пожалуй, не менее важны, чем сам текст, который удаляясь от автора, живёт самостоятельной жизнью, приобретая всё более глубокий смысл и значение. Чехов живее всех ныне живущих, его можно читать, но прочитать невозможно.

Как будто Чехов родился здесь, такой он весь московский. Герои его повести "Три года" "родились в Москве и обожали ее... они были убеждены, что Москва - замечательный город, а Россия - замечательная страна". Сам Чехов писал: "Я ужасно полюбил Москву... Я навсегда москвич". О Москве постоянно говорят как о земле обетованной его три сестры, но я слышу голос Антона Павловича.

Да, в Москве он болел, вынужден был покидать её периодически, но тосковал по ней, по жизни московской, которая вдохновляла его. Много съёмных квартир сменил писатель в разных уголках Москвы. На Трубной улице он снимал квартиру по двум адресам, а Трубный рынок, где по воскресеньям продавали птиц, охотничьих собак, рыб для аквариумов, изображен в очерке "В Москве на Трубе".

Занавес открылся, и я одна на сцене. А все ринулись в Москву, и я их понимаю, потому что Москва - для меня и моих сестёр была мечтой. Сколько себя помню, у нас дома сёстры постоянно повторяли: "В Москву, в Москву...", а том с пьесами Чехова лежал на столе в нашей комнате. Я же, маленькая, какое-то время была уверена в том, что Чехов написал "Три сестры" о нас, когда родные узнали об этом, то объяснили, что он писатель, и написал пьесу, когда не то что нас ещё не было, но и наших родителей. Это уже потом я узнала, как писатель любил Москву и стремился жить в ней, невзирая на то, что это плохо влияло на его здоровье. Но его слова "в Москву", по-прежнему повторяют из поколения в поколение очень многие. Они приезжают сюда, а Москва всё расширяется, превращаясь в огромный город-государство. И я со сцены всем говорю: "В Москву!.."

Моё знакомство с Чеховым началось с книги А.П. Чехов "Избранные рассказы", с рисунками А. Лаптева, которую мне подарили на Новый год. Прочитав её, я полюбила Чехова навсегда. Долго плакала над рассказом "Ванька", перечитывала его несколько раз, надеясь, что появится "счастливый" конец. Дома у нас было Собрание сочинений Чехова, и я постоянно читала всё новые его рассказы, выискивая, прежде всего, конечно, о любви. "Цветы запоздалые", "Дом с мезонином"... Тогда я просто читала, следила за сюжетом. В то время меня интересовало, что написано, а не как. Но Чехов завладел моим сердцем прочно и на-

всегда. Мне было интересно узнавать о нём всё. Биография, письма, записные книжки. На уроках английского языка ежегодно нужно было готовить тему "Мой любимый писатель". Я из года в год расширяла свой рассказ об Антоне Павловиче. Тот факт, что он умер от чахотки таким молодым, потому что не было тогда антибиотиков, вызывал в душе моей протест, и я никак не могла смириться с этим внутренне. Я представляла Чехова худым, измождённым, невысоким, со впалой грудью и, конечно, в пенсне. Почему-то я его ужасно жалела, и думала о том, что если бы я была рядом, то обязательно бы спасла и выходила его. Наивная и смешная девочка! С возрастом моё отношение к Чехову постоянно менялось, вызывая все большее восхищение его талантом. Молодой начинающий Чехов юморист поражал тонким чувством юмора и искусством самоиронии. А серьёзный философ Чехов притягивает меня неисчерпаемой глубиной своих произведений. Теперь, читая его, я вглядываюсь в особенности текста. Я наслаждаюсь запахами степи, слышу её звуки. А как несколькими художественными штрихами он рисует персонажей, передаёт оттенки их переживаний! Я постепенно пришла к пониманию того, что Чехова могу читать в любом состоянии и делать всё новые открытия. Прочитать Чехова невозможно. Антон Чехов для меня - книга жизни, захватывающая книга. Я не знаю больше ни одного писателя, который бы состоял из двух совершенно разных периодов: юмористического и философского. Его рассказы: "Архиерей", "Гусев", "В ссылке", "Скрипка Ротшильда", "Палата №6"... - неисчерпаемы! А пьесы! Скольких режиссёров и актёров они вдохновляют на всё новые прочтения! Чехов для меня ещё и абсолютно московский писатель. Я люблю чеховскую Москву, вижу её. Я заметила, что с годами образ Чехова в моём воображении кардинально изменился. Я представляю его высоким, крупным, уверенным в себе красивым

мужчиной. Прежде всего, он для меня - неисчерпаемая личность. Совершить поездку на Сахалин мог только человек, обладающий недюжинной силой. Сколько новых открытий ещё предстоит мне сделать в его произведениях.

Сахалин Чехова вызывает во мне чувства трепета и восхищения. Как не согласиться с Антоном Павловичем, когда он говорит, что склад московской жизни абсолютно чужд обитателям Сахалина, что Гоголь и Пушкин тут не понятны и потому не нужны, что наша история сера и скучна, и сам Чехов, приехавший из России, кажется иностранцем. То же самое можно сказать и сегодня. Даже трудно поверить в то, что Чехов добрался туда. Я сама только при мысли о небольшом предстоящем путешествии, прежде всего, беспокоюсь об удобствах. А как же Чехов по бездорожью, в холод, грязь отправился на остров Сахалин. Это с его-то здоровьем! Уже состоявшись как великолепный писатель! Немыслимый для меня подвиг. Чехов составил первую перепись жителей, практически побеседовав с каждым. Чехов не просто путешествие совершил, а написал документально точные, художественно эмоциональные книги "Из Сибири" и "Остров Сахалин" о жизни и быте русской каторги, о положении свободного населения, о наказаниях, о побегах и медицинской помощи на острове.

Потребность во втором прочтении требует почти каждый классик. При втором прочтении возникают такие непостижимые глубины подтекста, которые прежде не замечала. Под вторым прочтением я подразумеваю такого писателя, к которому, практически, обращаюсь всю жизнь. Для меня это, прежде всего - Чехов. Ещё ребёнком я запомнила это имя, прочитав "Каштанку" первый раз. Конечно, тогда я не задумывалась о глубинах подтекста, но я не могла заснуть, настолько меня тронула история помеси таксы с дворняжкой. Дома в книжном шкафу я увидела двенадцать светло-серых с тонкой золотой кай-

мой книг, на корешке которых было написано "А.П. Чехов". Именно они стали для меня вхождением в литературу. Я читала и перечитывала множество раз его рассказы и повести: "Дом с мезонином", "Степь", "Невеста", "Спать хочется"... Взрослею я, переживаю, меняюсь, переоцениваю многое, но любовь моя к Чехову неизменна. Каждый раз я открывала что-то новое для себя, я не перечитывала, а читала, потому что Чехова можно только читать, он - неисчерпаем!

Москвичи так сроднились с улицей Чехова, что после возвращения ей безликого названия "Малая Дмитровка", горько сожалеют об утрате, потому что Москва - это Чехов, а Чехов - это Москва. Я встречаю его постоянно на улицах московских - иду ли по неуютным декабрьским переулкам и слышу фыркание невидимых лошадей, и вижу в свете тусклых фонарей высокую фигуру Чехова, который покашливая от сырости и чахоточно поёживаясь, пробирается к своему очередному съёмному углу; проезжаю станцию метро "Трубная" и слышу его голос: "Труба, этот небольшой кусочек Москвы, где животных любят так нежно и где их так...". Улица Чехова! Как не хватает её Москве! Чехов ужасно любит Москву, тоскует о ней, не покидает, как истинный москвич.

Для меня древнее - это не прошлый век, там я ведь была, и не позапрошлый, из которого со мною ведут беседу Чехов, Достоевский и Гоголь, а нечто абсолютно далёкое, как пирамиды. Но и пирамиды когда-то были новыми, а Греция и Рим для Софокла и Сенеки были современностью. Через несколько тысяч лет наше время неизбежно станет древним. То, что сегодня кажется значительным и самым важным, не будет иметь никакого значения. Изучать нас будут по художественной литературе, а не по заявлениям политиков, которые во все времена защищают только свои личные интересы.

В записных книжках Антона Чехова я не раз встречала записи и размышления императора Марка Аврелия, античного мыслителя-стоика. Позже я узнала, что в Ялте хранится личный экземпляр "Размышлений", на полях которого много заметок Чехова, но это скрывалось в советское время. Чехов часто цитировал Марка Аврелия, и его герои в рассказах, например, "Палата №6", "Дуэль" рассуждают о природе живого и разумного существа. В своих записках Чехов не раз пишет, что он часто подпитывается у римских классиков. Знание и постоянное обращение к классике необходимо не только писателю, но любому мыслящему человеку. "Размышления" Марка Аврелия не могут устареть, потому что рассуждения о том, что ждёт природа каждого "живого существа" и насколько это совпадает с природой "разумного существа" волновали, волнуют и будут волновать человека в этой жизни. Мне тоже эти размышления покоя не дают. Я точно знаю, что ради того, чтобы жить, превратившись хотя бы в камень, дерево или ещё в кого или чего либо, я жить не хочу. "Перемена состояния меня не устраивает" так же, как и Рагина из "Палаты №6". Чехов, пересказывая в письме свой разговор с Толстым, писал: "Мое я - моя индивидуальность, мое сознание сольются с этой массой, - такое бессмертие мне не нужно, я не понимаю его"...

Где только не снимал углы Чехов в Москве, подыскивая подешевле. Есть и такие домики, где он жил месяц-другой, о которых даже чеховеды не знают. Земная жизнь его была обременена заботой о родственниках, которые гроздьями висели на нём. Они не задумывались о том, что рядом с ними великий писатель. Какой ещё писатель? Толстой, что ли? Хорошо, копейку в газетах прирабатывает хоть... Да, лицом к лицу, лица не увидеть. Непостижимо, откуда Чехов брал силы и терпение! Лечил людей, о своём здоровье не заботился. Одного путешествия на Сахалин хватило бы, чтобы

войти в литературу. Личность же его столь объёмна и многогранна, что вот уже несколько поколений читателей всего мира никак не могут разгадать загадку Чехова.

Памятно моё знакомство с Чеховым дождливым осенним воскресным днём, когда я, ученица второго класса, пожаловалась на скуку, и услышала в ответ слова, после которых скука исчезла из моей жизни: "У тебя нет времени на скуку. Целой жизни не хватит, чтобы прочитать всё, что было написано для тебя великими писателями". В тот день я с опаской сняла первый том Чехова из 12-ти томного собрания сочинений, открыла его, внимательно вгляделась в лицо и начала читать предисловие, а потом рассказы, примечания... С тех давних пор Чехов стал мне близким человеком. Мне памятливы беседы с ним.

Я уже всё поняла, а мне продолжают досказывать, не доверяя моей способности соображать. А вот Чехов абсолютно мне доверяет, не досказывает, оставляя воздух подтекста для моих свободных размышлений, именно поэтому я возвращаюсь к его произведениям вновь и вновь, и каждый раз открываю новые смыслы. Неисчерпаемость недосказанности привлекает, а не лобовые толкования понятных поступков и ошибок, совершаемых подавляющим большинством изо дня в день, из века в век.

Монета - металлический денежный знак, но меня слово "монета" интересует больше как эквивалент взаимоотношений между людьми, добрыми и злыми. Вспомнила рассказ Чехова "Новая дача", в котором убогие жители ведут борьбу со всем новым. Владельцы Новой дачи тщетно пытаются наладить добрососедские отношения с жителями деревни Обручаново, но диалог невозможен. Словно туман застилает от глаз самое важное, стороны не слышат друг друга. Старик Козов, подмигивая своими хитрыми глазами и насмешливо улыбаясь, повторяет только: "Платите, говорит, тою же монетой...". Зависть и ненависть ко всему но-

вому и светлому ослепляет и оглушает людей. Перечитываю и восхищаюсь тем, насколько тонко и точно передаёт Чехов суть вечного противостояния добра со злом.

О, тут самое сложное время! Он взглянул на часы, но у них не было стрелок... Время у Чехова движется совершенно самостоятельно из будущего в прошлое и из прошлого в будущее. События же происходят как бы в промежутке между ночью и днём или временами года. У Чехова время есть категория философская, так рассказ "Архиерей" начинается словами: "Под вербное воскресенье в Старо-Петровском монастыре шла всенощная", без уточнения года. События происходят также без всяких уточнений времени. Время - вечность у Чехова, да и сам Чехов вне времени, вечен!

Чехов как-то написал Якову Полонскому: "На "Степь" пошло у меня столько соку и энергии, что я еще долго не возьмусь за что-нибудь серьезное". Слова его поразили меня, каждый раз перечитывая эту поэтическую повесть, понимаю, что литература не в содержании заключается, не в смыслах, хотя и без них нельзя, а в магии изготовления художественного полотна мастером словесного искусства. Чувство наслаждения не покидает меня в степи, потому что кажется, что это я ловлю кузнечиков в красной рубашонке. То, что писательство - каторжный труд, остаётся за кадром. То-то я на себе чувствую, как много соков требует даже простенький рассказ.

Прелестней не бывает настроенья, когда иду по шаткому мостику через ручей, и вижу, как за мною наблюдает Левитан, стоящий у мольберта, рядом Чехов описывает робкую мою походку, а я стараюсь удержать равновесие изо всех сил, мне страшно и весело одновременно, хочется смеяться от счастья, но страшно оступиться, упасть, спугнуть стайку серебристых мальков, которые кружат в прозрачной воде прямо подо мной, но вот моя нога ступа-

ет на твёрдую тропинку между кустами сочной крапивы, мостик через ручей не подвёл меня.

Только откроешь глаза, а за окном темно, ещё не рассветало, а уже декабрьский день погружённый во мрак к концу подходит, не зги не видно - нет фонарей, лошади фыркают невидимые, Чехов на ощупь пробирается по Трубной улице к своему очередному снятому углу, чахоточно поёживаясь, покашливая от сырости. Да, декабрьский мрак угнетает. Конечно, проще простого спрятаться от него за книгой Чехова, когда достаточно освещённого письменного стола и горького кофе, чтобы погрузится в старую Москву, а если ещё звучит музыка, то я чувствую себя совершенно счастливой, как будто я у Станиславского на "Чайке". и воспринимаю мрак декабря как особый период книжного уединения, когда из окружающего мрака появляются милые сердцу образы.

Творческий человек отличается от остальных тем, что всю душою воспринимает талантливое новое. Обычный человек скорбит по прошлому, в которое это новое бесцеремонно вторгается, постоянно повторяя, что раньше было лучше. Творческий человек напивается тем, что было создано до него, и создаёт свой особенный художественный мир, отличный от общепринятых правил, совершенно не беспокоясь о том, как это буде воспринято обычными людьми. "Нужны новые формы", - говорил Чехов.

Когда попадаешь под силу какой-нибудь мысли, тем более навязчивой, то очень трудно от неё отвлечься. А отвлечься надо. В подобных случаях не знаю отвлечения благотворнее, чем погружение в художественный текст. В любых ситуациях на протяжении всей жизни лучшим отвлечением для меня является Чехов. Открываю наугад любую страницу и тут же текст овладевает моими мыслями, невероятным образом передавая всё новые оттенки человеческих отношений через тайные смыслы, казалось бы, таких простых слов.

Читая книги прошлых веков, часто сталкиваюсь со сценами, в которых персонажи падают в обморок. Это сильно! Причём в обморок падают как от печальных вестей, так и от радостных, к примеру, даже у Толстого, Достоевского. Литература тогда была чрезмерно контрастной. Много чёрного, но и много белого, очень мало полутонов. И вот пришёл Чехов, и обмороки исчезли. Литература усложнилась до намёков, а это производит значительно более сильное впечатление на искушённого читателя и свидетельствует об углублении художественной прозы.

Одному человеку доверяю, другому нет, одному писателю доверяю, другому нет. В чём тут дело? Думаю, в положительной стабильности на протяжении долгого времени, преданности избранному им делу. К примеру, Чехов неизменно верен слову, тактичен, уважителен, и у нас доверие к нему только укрепляется. Естественно, всё должно быть взаимно. Любовь к произведениям писателя, который постоянно совершенствует мастерство, потому что оно есть смысл его жизни, а не слава и деньги, как дорогое вино, с годами неизменно растёт.

Уж к своей биографии человек привязан намертво, как телёнок к колышку. Я убеждаюсь в этом на протяжении всей жизни. Хочется оторваться, да поводок долга, обязательств и чувств не пускает. Творческой личности это сильно вредит, ибо истинный художник не опирается на свою биографию, а создает новые миры и пространства. Так Чехов, который всю жизнь занимался делами и проблемами своих родных, в творчестве был совершенно свободен и независим. Привязанности не отпускают в буднях, но творческий процесс уносит в стихию чувств и переживаний героев, которые сами диктуют свои судьбы.

Когда белые облака, цепляясь своими длинными хвостами за низкие крыши, шелестя железом, носятся по двору, Чехов рассуждает о суровой жизни, лепящей характер на-

шего человека, о том, как длинные зимы, задерживают ответственнй рост. Зима у него и злая, и тёмная с трескучими морозами, высокими сугробами, вьюгами, когда идёшь по шоссе вдоль линии, и ветер холодный бьёт в лицо. В потемках бежит по колена в снегу человек и сквозь шум метели кричит: "Баню только зимой топлю!"

Почему я не птица?! Чехов с чайкой, "Чайка" с Чеховым. Чайка спит на воде, а летает в небе, поймает поток воздуха и, расправив крылья, парит над рекой. Крылья есть и у уток. Они большую часть жизни проводят на воде, неспешно ходят по земле, но и летают, правда, в полёте у них нет той лёгкости, которая восхищает меня у чаек. У воробышка есть крылья, и у стрекозы они есть, даже у комарика есть чудо-крылышки. И ангел крыльями мне машет с высоты. У меня, увы, крыльев нет. Прежде я мечтала о крыльях, чтобы летать как чайка, пока не поняла, что могу летать с Чеховым.

Лишние боковые линии в рассказах дробят восприятие, теряется чувство целого. На память приходят воспоминания Короленко о том, как Чехов в разговоре с ним "оглянул стол, взял в руки первую попавшуюся на глаза вещь, - это оказалась пепельница, - поставил ее передо мною и сказал: - Хотите - завтра будет рассказ... Заглавие "Пепельница". Упоительный восторг охватывает меня неизменно при чтении рассказов Чехова. Из, казалось бы, простых слов и незначительных событий получается шедевр! Как он это делает из ничего? Да просто взглянув на пепельницу! И вновь убеждаюсь в том, что городить огород в рассказе не нужно.

Камергерский переулок сам стал театром в архитектурном плане. Скамейки, фонари, пешеходная зона. Чехов! Станиславский! Немирович-Данченко! Верю и не верю. Здание Художественного театра превратил в "изящный храм искусств" Шехтель, создания которого в стиле мо-

дерн являются подлинными жемчужинами Москвы. Фасад напевно перекликается с доходными домами в переулке, создавая единый ансамбль. Приглушенная зеленоватая окраска стен в сочетании с тёмным деревом, орнамент в стиле модерн, надписи на фасаде придают ему ярко выраженную индивидуальность. В Камергерском переулке невольно погружаешься в атмосферу чеховских пьес, я сажусь на скамейку, и передо мной проходит, покашливая, Антон Павлович на репетицию "Чайки".

С присущей Чехову скромностью и памятник стоит неприметно. Чехов никогда не покидал художественный театр, находясь в вынужденной разлуке в Ялте, он мысленно был в Москве, в Камергерском переулке. Поэтому совершенно естественно, что в год столетия Художественного театра, 26 октября 1998 года, ему был открыт памятник напротив исторического здания, на сцене которого постоянно присутствуют его пьесы, отсюда имя писателя Чехова разнеслось по всему миру, передаётся от поколения поколению, а он, с выражением задумчивости и некоторого утомления, скромно наблюдает за утраченными иллюзиями его героев. А умный читатель, по-прежнему, возвращается к его произведениям вновь и вновь, каждый раз открывая новые смыслы в воздухе его подтекстов, восхищаясь безупречным чеховским чувством слова.

Ко мне в окно влетел ангел в облике Чехова. Вишнёвый сад был весь в белых цветах. И с этого момента ангел мой расправил крылышки и стал более заботливым и активным моим помощником, можно даже сказать, путеводной звездой. Он залетел ко мне и прошептал: пиши, твоя душа не может жить без озера твоих букв! Случай, как луч, светит каждому однажды, но кратко. Конечно, случаи бывают разные. Здесь я рассматриваю тот случай, который открывает в человеке творческое начало. Если ты его не уловишь, то и знать о нём не будешь, а если почувствуешь, то

можешь совершить головокружительный, невероятный поворот в своей размеренно текущей жизни. Для этого нужна не только смелость, но и развитая интуиция. Интуиция или внутренний голос - верные друзья и советчики в течение всей жизни. Важно прислушиваться к ним, всячески развивая внутренний слух. Со временем я стала воспринимать интуитивные подсказки как голос ангела-хранителя. Как Антон Чехов начал свою литературную деятельность очень мелкими этюдами, так и я стала писать краткие вещицы, но каждый день. Ангел-Чехов, как классный руководитель, постоянно проверял мои "уроки". Наступил момент, когда вся моя жизнь стала ложиться в мои произведения: и сетования на судьбу, и то, как я постоянно наступала на "грабли", набивала себе шишки из-за собственного упрямства и необдуманных поступков. Всё стало моим материалом, которым я нагружаю своих персонажей - и моё отчаянье, и жалость к себе, и замыкание в собственной углу, дабы спрятаться от жизни. А внутренний голос настойчиво нашёптывал мне: пиши смело, ничего не бойся, всё будет хорошо. Да, понятно, надо принимать всё, что предлагает судьба, и писать то, что мне диктует внутренний голос. Я задумалась о том, что мой любимый Чехов - и есть счастливый случай, который дарит судьба в виде ангела. Чтобы узнать его, нужно, чтобы и к вам в окно залетел Чехов с белыми крыльями вишнёвого сада. Главное, быть открытой к возвышающим переменам, к постоянному творчеству.

Дождливый Чехов передаёт состояние героев, когда тоска на душе, то и погода пасмурная, и тучи небо заволакивают, и ветер гуляет, поднимая пыль и мусор с земли. Когда на душе - серость, хмурость, подавленность, тогда солнце прячется за облаками, хмурятся деревья и воздух, стены домов и церковей принимают бурый, печальный цвет. А вот в "Дуэли": "Пока в духане происходил богословский

разговор, Лаевский ехал домой и вспоминал, как жутко ему было ехать на рассвете, когда дорога, скалы и горы были мокры и темны и неизвестное будущее представлялось страшным, как пропасть, у которой не видно дна, а теперь дождевые капли, висевшие на траве и на камнях, сверкали от солнца, как алмазы, природа радостно улыбалась, и страшное будущее оставалось позади". Вокруг так серо, тускло, безотрадно, хоть огонь зажигай. Вместе с Чеховым томлюсь серыми буднями российской жизни, нестерпимо хочется солнечного тепла и света.

Этот рассказ - "Тина" - Антон Чехов начинает так: "В большой двор водочного завода "наследников М. Е. Ротштейн", грациозно покачиваясь на седле, въехал молодой человек в белоснежном офицерском кителе".

Трудно, порой, выразить чувственное восприятие мира, но, к счастью, можно открыть книгу Антона Чехова и наслаждаться его глубоким проникновением в человеческую душу, художественным талантом, знанием жизни. Ему удаётся без пошлости описывать в своих произведениях любые стороны человеческой души, природа которой несовершенна, поэтому испытание низменными чувствами помогает полнее и глубже испытывать чувства возвышенные. Читала "Тину" Чехова.

"- А на какую сумму вексель? - спросила Сусанна Моисеевна.

- На две тысячи триста".

Удивительная женщина, переливающаяся, как змейка, выскальзывающаяся из рук. Вот так живёшь, приобретаешь жизненный опыт, надеешься, что это так, и вдруг понимаешь, что даже себя не знаешь, тем более других. И вот как художественно совершенно рисует портрет хозяйки Чехов:

"Теперь уж поручик видел не только нос и глаза, но и белое худощавое лицо, черную кудрявую, как барашек, голову. Она не понравилась ему, хотя и не показалась некраси-

вой. Вообще к нерусским лицам он питал предубеждение, а тут к тому же нашел, что к черным кудряшкам и густым бровям хозяйки очень не шло белое лицо, своею белизною напоминавшее ему почему-то приторный жасминный запах, что уши и нос были поразительно бледны, как мертвые или вылитые из прозрачного воска".

Мир чувств настолько тонок, настолько богат, что чем больше судьба тебя испытывает, тем больше в жизни красок, оттенков ты видишь, тем плотнее обволакивает тебя её паутина. Видимо, Чехов эту паутину воплотил в образе героини.

Бывают минуты, когда хочется еще и еще раз заглянуть в Чехова. Почему именно в Чехова? Да потому, что он никогда не пишет сюжет, он везде и всюду - художник. А художественное всегда проникает в душу. Вот почему и древние умные мысли перелагали в художественные образы. Потому что человек не воспринимает нравоучения, пусть и философские. Приведу фрагмент из него: "Антон Чехов. ВЕСНОЙ (сцена-монолог) Раннее утро. Из-за слухового окна показывается на крыше серый молодой кот с глубокой царапиной на носу. Некоторое время он презрительно жмурится, потом говорит:

- Пред вами счастливейший из смертных! О, любовь! О, сладкие мгновения!.. Наши кошки, в особенности из чайных магазинов, добродетельны. Как бы они не любили, они никогда не отдадутся без протеста. Нужно обладать настойчивостью и силой воли, чтобы добиться успеха".

Человек подчинен образам, красоте. Так появились художественные религиозные тексты. Вот тут, мне кажется, я подошла к смыслу влияния Чехова на души людей. Чехов - религиозен! Даже в таких "юморесках" как рассказ "Весной".

Конечно же, душа человеческая противоречива и сложна, но Чехов двумя-тремя словами создаёт объёмный образ! Например, в рассказе "На страстной неделе" глазами

мальчика, героя рассказа, перед читателем появляются Митька и "красивая дама в шляпке с белым пером" со своими манерами и взглядами: "А между двух широких колонн направо, там, где начинается придел Варвары Великомученицы, возле ширмы, ожидая очереди, стоят исповедники... Тут же и Митька, оборванный, некрасиво остриженный мальчик с оттопыренными ушами и маленькими, очень злыми глазами. Это сын вдовы поденщицы Настасьи, забияка, разбойник, хватающий с лотков у торговок яблоки и не раз отнимавший у меня бабки. Он сердито оглядывает меня и, мне кажется, злорадствует, что не я, а он первый пойдет за ширму. Во мне закипает злоба, я стараюсь не глядеть на него и в глубине души досаую на то, что этому мальчишке простятся сейчас грехи. Впереди него стоит роскошно одетая, красивая дама в шляпке с белым пером. Она заметно волнуется, напряженно ждет, и одна щека у нее от волнения лихорадочно зарумянилась". Я вчитываюсь вновь и вновь в чеховские рассказы и все больше поражаюсь его умению тоном, взглядом передавать индивидуальные особенности героев, в поведении которых присутствуют добро и зло, свет и тень. Но не только это. Чехов, прежде всего, - великий мастер изображения, живописания.

Не знаю почему, но я испытываю ощущение счастья от написанного текста. Не знаю, как у других писателей с этим делом обстояло, но многие испытывали те же чувства, что и я. Интересно, Чехов испытывал подъём душевных сил, написав даже не рассказ, а несколько фраз в записную книжку, потому что эти несколько фраз, даже несколько слов, были тем крючком, на который цеплялась рыба рассказа. Не буду уж приводить общеизвестный пример из творчества автора, после написанного текста назвавшего себя "сукиным сыном".

Читаю рассказ "Гусев". Простые истории больных, обречённых на медленную смерть в судовом лазарете, расска-

заны будничным языком, как бы без эмоций. Но Чехов достигает такой силы изображения, что горло перехватывает. Описание бреда героя рассказа Гусева, его переживания о судьбе родителей проникают в самое сердце и вызывают невероятную боль. Вот человек весь в мыслях о будущей жизни только что был, и вот он покинул сей свет. Остался только зашитый мешок с телом, который бросают в море. Акулы, крутящиеся вокруг судна, тут же безжалостно съедят его тело. Всё. Был человек. Нет человека. Зачем он приходил в эту жизнь? Глубина, образность и пронзительность этого рассказа Антона Чехова поразила меня с новой силой.

Речь чеховских героев соответствует их социальному происхождению, если это мужики, как в рассказе "В ссылке", то речь их содержит слова и выражения просторечивые, такие как - "оно, конечно", "нынче", "язви его душу", "сызнава", "братуша", которые использует Старый Семён, прозванный Толковым. Любимое словечко Толкового "привыкнешь" особенно ярко передаёт одну из характерных народных черт. "Терпеть" и "привыкать" самые необходимые качества человека в стране несправедливостей и унижений. Молодой ссыльный татарин слушает Толкового в страхе, в мрачных переживаниях, и даже в растерянности. В прямую речь его Чехов вкладывает всего одно многократно повторяемое слово: "худо, худо", - но от этого у нас холодок пробегает по спине от понимания ужаса каторжной жизни.

Иногда пишешь долго и помногу, а по прочтении написанного, вдруг видишь одну ёмкую фразу, выражающую всю суть длинного текста. Проза Чехова соткана из подобных фраз. Например, в рассказе "Архиерей": "...И только старуха, мать покойного, которая живет теперь у зятя-дьякона, в глухом уездном городишке, когда выходила под вечер, чтобы встретить свою корову, и сходилась на выгоне с

другими женщинами, то начинала рассказывать о детях, о внуках, о том, что у нее был сын архиерей, и при этом говорила робко, боясь, что ей не поверят... И ей в самом деле не все верили". На забвение обречены все, как бы говорит здесь Чехов, но и намекает, что его рассказ и обеспечивает бессмертие архиерею и его матери. Слова живут своей жизнью, они развиваются, как люди, меняют, порой, значение, а то и приобретают новые. Лаконичность в творчестве - это особый дар, присущий таланту. Краткость не всегда его сестра. Лаконичность, достигнутая в ущерб художественности, в творчестве только вредит. В пространным же тексте можно утратить мысль. Очень важно чувствовать меру при работе над текстом. Впрочем, в жизни тоже.

Мир вокруг такой непонятный - одни беспорядочно снующие передо мной ноги, грязь, какофония звуков и запахов, сквозь которые невозможно выделить знакомый запах и голос хозяина. Беспорядочные размытые картины злополучного дня проносятся перед моими глазами. Съевшись от холода, замираю. С первых слов о "молодой рыжей собаке" я почувствовала себя усталой, замёрзшей помесью таксы с дворнягой, стала поднимать "то одну, то другую заднюю лапу от холода", беспокойство, страх, отчаяние овладели мной. Появление "таинственного незнакомца", его сочувствие и такой понятный знак следовать за ним, вселяет надежду. У незнакомца гораздо сытнее, беднее, правда, пустовато, да и опилок нет, неудобно, но тепло и ногами он не топает. Появляются новые знакомые - гусь, Иван Иванович, и кот, Фёдор Тимофеевич, отношения складываются постепенно вполне дружественные. Чехов настолько убедительно описывает каждого персонажа, что не возникает и тени сомнения, что он был и гусем и котом, а показ событий идёт глазами Каштанки. Абсолютный шедевр виртуозного владения тончайшим мастерством перевоплощения.

Последние два-три дня меня всё время в сон клонит. Звонит мне приятельница и жалуется, что она, наверное, заболела, потому что её тоже всё в сон клонит. Когда выясняется, что сонное состояние одолевает в эти дни очень многих, она успокаивается. Мы с ней начинаем вспоминать, что о подобном состоянии не раз писал наш любимый доктор Антон Чехов, и постепенно оживаем. После разговора я перечитала трагический его рассказ "Спать хочется". Да как же писатель точно и кратко описывает подобное состояние: "...голова сама клонится к столу и хочется спать". Если я никак не могу справиться со своим сонным состоянием, каково же героине рассказа, Варьке, которая страдает от хронического недосыпания до такой степени, не может отличить сон от яви?! Жуткая история! Сила её в, якобы, простом, будничном повествовании. На эту же тему перечитала рассказ Антона Павловича "Сонная одурь". Успокоилась, во все времена мы находились и находимся в полной зависимости от природы, от звёзд и светил. Перемена давления, ветер, гроза, дождь, снег - всё это так или иначе влияет на наше самочувствие. Нужно только овладеть собою и ко всему относиться философски, понимая, что и это пройдёт.

Маргарита Прошина

КРАСОТА ЛЮБВИ К ИДЕЕ

о Фёдоре Достоевском

Кто не знает Божедомку?! А вот не знают, потому что она теперь улица Достоевского, а напрасно переименовали, потому что получается, что Достоевский родился на улице Достоевского. Во флигеле Мариинской больницы для бедных Московского воспитательного дома на Божедомке провёл детство Достоевский, отсюда его бедные люди, их страдания, преступления и наказания, которые не дают покоя вот уже полторы сотни лет всему миру. Память о нём хранит музей его, станция метро Достоевская, а я по-прежнему приезжаю на Божедомку побеседовать с Фёдором Михайловичем

"- Знаешь, что мне сейчас Зосимов шепнул, как мы выходили, - брякнул Разумихин, только что они вышли на улицу. - Я, брат, тебе всё прямо скажу, потому что они дураки. Зосимов велел мне болтать с тобою дорогой и тебя заставить болтать, и потом ему рассказать, потому что у него идея... что ты... сумасшедший или близок к тому. Вообрази ты это себе! Во-первых, ты втрое его умнее, во-вторых, если ты не помешанный, так тебе наплевать на то, что у него такая дичь в голове, а в-третьих, этот кусок мяса, и по специальности своей - хирург, помешался теперь на ду-

шевных болезнях, а насчет тебя повернул его окончательно сегодняшний разговор твой с Заметовым...".

На ёлке у Достоевского бывали? Как? Вы у него не были? Топор - герой, срубить бы ёлочку... А дети трепетно ждут ёлку. Рано утром ждут подарков. А у Христа на ёлке бывали? За светящимися окнами стоят чудесные деревья до потолка, сияющие огнями, усыпанные яблоками, золотыми украшениями, маленькими лошадками и куколками. Нарядные дети танцуют у ёлки. А у кого ничего нет? Кого мороз пробирает до самых косточек? А живот сводит от голода? Их-то и ждёт ёлка Достоевского! Там всё сияет! Горит особенным светом! Царит любовь! Мама жива! Ёлка Христа!

"- То есть не в сумасшедшие. Я, брат, кажется, слишком тебе разболтался... Поразило, видишь ли, его давеча то, что тебя один только этот пункт интересует; теперь ясно, почему интересует; зная все обстоятельства... и как это тебя раздражило тогда и вместе с болезнью сплелось... Я, брат, пьян немного, только, черт его знает, у него какая-то есть своя идея... Я тебе говорю: на душевных болезнях помешался. А только ты плюнь..."

Чёткая графика цвета, чёрный топор Раскольникова, разнообразие оттенков чёрного, серого и белого цветов создают потрясающее впечатление мира Достоевского. Страсти братьев Карамазовых, нравственные страдания князя Мышкина и Раскольникова, герои "Бесов" - все соединились здесь, на Божедомке, под пристальным взглядом автора, который с состраданием и болью наблюдает за вечными муками и поисками своих героев.

"- Если б у них были факты, то есть настоящие факты, или хоть сколько-нибудь основательные подозрения, тогда бы они действительно постарались скрыть игру: в надежде еще более выиграть (а впрочем, давно бы уж обыск сделали!). Но у них нет факта, ни одного, - всё мираж, всё

о двух концах, одна идея летучая - вот они и стараются наглостью сбить. А может, и сам озлился, что фактов нет, с досады прорвался. А может, и намерение какое имеет... Он человек, кажется, умный... Может, напугать меня хотел тем, что знает... Тут, брат, своя психология... А впрочем, гадко это всё объяснять. Оставь!"

Алеша (альтер эго Достоевского), задумавшись серьезно, пораженный убеждением, что бессмертие и Бог существуют, сейчас же естественно сказал себе: "Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не принимаю". Безмерно страшные минуты ожидания смерти в колпаке у столба на эшафоте превратились в нестерпимую вечность. "Что есть время? Время не существует; время есть: отношения бытия к небытию", - так определил Достоевский это таинственное явление действительности. Время движется по-разному, в зависимости от внутреннего состояния человека. Случается в одно мгновение увидеть, услышать, прочитывать всё до малейшей детали, а в другой раз, невозможно понять, куда исчезло время. У Бога нет ни времени, ни пространства. А что же есть? Слово! Время у Достоевского бесконечно, как бесконечен сам Достоевский.

"- Нам вот всё представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность. Мне, знаете, в этом роде иногда мерещится..."

Сладкая жизнь в мармеладовом раю, когда рулетка выписывает бесчисленные червонцы выигрыша. А кто не любит сладкого, да ещё после рюмочки, всем известны пушкинские строки: "Блажен, кто знает сладострастье высоких мыслей и стихов"? О страстных влечениях Мар-

меладова весьма выразительно говорит фамилия, выбранная писателем не только сладкая, но и липкая до неприятности. При слове "сладострастие" передо мной возникают многочисленные из сладкого ряда образы, созданные Достоевским. Сколько оттенков сладострастия, как отталкивающих, так и трогательных! Человек и рождается на свет, благодаря сладострастию. Вот куда углублялся Достоевский!

"В коридоре было темно; они стояли возле лампы. С минуту они смотрели друг на друга молча. Разумихин всю жизнь помнил эту минуту. Горевший и пристальный взгляд Раскольникова как будто усиливался с каждым мгновением, проникал в его душу, в сознание. Вдруг Разумихин вздрогнул. Что-то странное как будто прошло между ними... Какая-то идея проскользнула, как будто намек; что-то ужасное, безобразное и вдруг понятное с обеих сторон... Разумихин побледнел как мертвец..."

Достоевский из села Достоева. Какой Достоевский? Смотрите по родословной. Отец в нервических припадках. Забитый криками отца в угол мальчик Федя. О божий мир на Божедомке! Отсель пошли увечные, больные персонажи по романам. "А в Москве, я помню, пускал мыльные пузыри..." Я вздрогнула, оглянулась - черная фигура Фёдора в смирительной рубашке за оградой. Здесь на больничном дворе Феденька наблюдал "бедных людей", "униженных и оскорблённых". Мать Мария, родившая восьмерых детей, угасла в 36 лет. Одно окошко света - тётка Куманина, Александра, сестра матери, привившая любовь к чтению и хорошим манерам.

"После первого, страстного и мучительного сочувствия к несчастному опять страшная идея убийства поразила ее. В переменившемся тоне его слов ей вдруг послышался убийца. Она с изумлением глядела на него. Ей ничего еще не было известно, ни зачем, ни как, ни для чего это было.

Теперь все эти вопросы разом вспыхнули в ее сознании. И опять она не поверила: "Он, он убийца! Да разве это возможно?" ..."

Тревога и вечное беспокойство не покидают Достоевского здесь на Божедомке. О каком покое можно говорить, когда и в камне его метания не прекращаются, родился во флигеле Мариинской больницы среди униженных и оскорблённых. Шестнадцать лет прожил среди больных телом и душой, стоял на эшафоте, был каторжником, познал предательство и любовь. Не знал покоя в земной жизни. Сначала памятник ему был установлен на Цветном бульваре, 7 ноября 1918 года, затем, в 1936 году, вернулся к истоку детства своего на Божедомку, за ограду, но оказался на улице своего имени, что ждёт впереди?

"- Позвольте, позвольте; конечно, Катерине Ивановне довольно трудно понять; но известно ли вам, что в Париже уже происходили серьезные опыты относительно возможности излечивать сумасшедших, действуя одним только логическим убеждением? Один там профессор, недавно умерший, ученый серьезный, вообразил, что так можно лечить. Основная идея его, что особенного расстройства в организме у сумасшедших нет, а что сумасшествие есть, так сказать, логическая ошибка, ошибка в суждении, неправильный взгляд на вещи. Он постепенно опровергал больного и, представьте себе, достигал, говорят, результатов! Но так как при этом он употреблял и души, то результаты этого лечения подвергаются, конечно, сомнению... По крайней мере, так кажется..."

У Достоевского даже если нет дождя, то всё равно ощущается сумрак. Несчастные герои моknут под проливными дождями мрачных обстоятельств, повязанные родственными связями, фанатичными идеями, психическими расстройствами. "...надвинулись со всех сторон страшные тучи; ударил гром, и дождь хлынул, как водопад. Вода падала не

каплями, а целыми струями хлестала на землю. Молния сверкала поминутно, и можно было сосчитать до пяти раз в продолжение каждого зарева". Очистительная гроза преображает Раскольникова. Он ощущает прилив освобождения от любой душевной тяжести. Эта гроза послужила толчком к раскаянию.

"- Нет, не убежите. Мужик убежит, модный сектант убежит - лакей чужой мысли, - потому ему только кончик пальчика показать, как мичману Дырке, так он на всю жизнь во что хотите поверит. А вы ведь вашей теории уж больше не верите, - с чем же вы убежите? Да и чего вам в бегах? В бегах гадко и трудно, а вам прежде всего надо жизни и положения определенного, воздуха соответственного; ну, а ваш ли там воздух? Убежите и сами воротитесь. Без нас вам нельзя обойтись. А засади я вас в тюремный-то замок - ну месяц, ну два, ну три посидите, а там вдруг и, помяните мое слово, сами и явитесь, да еще как, пожалуй, себе самому неожиданно. Сами еще за час знать не будете, что придете с повинною. Я даже вот уверен, что вы "страданье надумаетесь принять"; мне-то на слово теперь не верите, а сами на том остановитесь. Потому страданье, Родион Романыч, великая вещь; вы не глядите на то, что я отолстел, нужды нет, зато знаю; не смейтесь над этим, в страдании есть идея. Миколка-то прав. Нет, не убежите, Родион Романыч..."

Включишь уют, и из него голоса банкиров - берите кредиты! То-то Достоевский послал к ним Раскольникова... Банкиры, как черти, выскакивают из телефонных трубок, хватают за руки в магазинах с криком: "Возьми кредит!" Как только деньги стали у нас товаром, так все бросились создавать банки, забыв о том, что банкиры есть паразиты рода человеческого, заставляющие на них работать... Конечно, Достоевскому не везло в рулетке, но он суть паразитизма вычленил сполна, ничего не делая, а только про-

центры с наивных и безголовых брать, уж Фёдор Михайлович настрадался от них, но всё же нашёл способ: около каждого банка то и дело появляется тень Раскольников.

"- Красоту трудно судить; я еще не приготовился. Красота - загадка..."

Бесконечные ночи раздумий, тревог, страхов, тоски рисует Фёдор Достоевский в своих романах. Такими мне представляются ночи самого писателя. Непростая судьба выпала на его долю. Ужас пережитой публичной казни, каторга, болезнь и бесконечное безденежье. Его героев мучает бессонница, внутренняя борьба. А я вижу Фёдора Михайловича, который белыми ночами говорит себе о том, что как только выиграет, непременно завяжет с игрой в рулетку. Играет ночами напролёт, выигрывает, остановиться никак не может, удача сегодня на его стороне, и вновь крах! Мгновение и он проиграл разом всё. Ночью заснуть никак невозможно, мысли о реванше не покидают его. Достоевский страдал в рождении образов, рыдал с ними. Они становятся для него родными, как будто действительно существующими. Он поспешно, в постоянной экзальтации пишет, а потом опять то ли он, то ли герой его является вечером к игре, просиживает за ней далеко за полночь. Возвращается, обдумывает очередную сцену, молится, впадает в тоску. Кошмары погружают его в болезненное состояние. И опять идёт играть с утра до ночи, а потом с ночи до рассвета. В какой-то момент он смотрит на светлое небо и не может понять, день ли на дворе, или белая ночь.

"Ему как бы хотелось разгадать что-то скрывавшееся в этом лице и поразившее его давеча. Давешнее впечатление почти не оставляло его, и теперь он спешил как бы что-то вновь проверить. Это необыкновенное по своей красоте и еще почему-то лицо сильнее еще поразило его теперь. Как будто необъятная гордость и презрение, почти ненависть, были в этом лице, и в то же самое время что-то до-

верчивое, что-то удивительно простодушное; эти два контраста возбуждали как будто даже какое-то сострадание при взгляде на эти черты. Эта ослепляющая красота была даже невыносима, красота бледного лица, чуть не впалых щек и горевших глаз; странная красота! Князь смотрел с минуту, потом "друг спохватился, огляделся кругом, поспешно приблизил портрет к губам и поцеловал его. Когда через минуту он вошел в гостиную, лицо его было совершенно спокойно..."

В крещенские морозы нынешней зимой в ясный до необычайной прозрачности день перед главным корпусом бывшей Мариинской Больницы стоит заснеженный Фёдор Достоевский, символизируя вечную борьбу тела и духа. Выполненный скульптором Сергеем Меркуровым, без малого сто лет назад, памятник, на фоне закатного неба, расчерченного чёрными ветвями спящих деревьев, смотрится особенно чётко. Как много помнят эти места о маленьком мальчике Феде, который именно здесь сделал свои первые шаги. Ранние его переживания связаны были с больничной домовою церковью. У него сохранились на всю жизнь воспоминания, как мать причащала его здесь. Именно в этой больнице для бедных людей он наблюдал страдания человеческие. Район Божедомки сохранился только на территории больницы. От улицы же почти ничего не осталось. Исчезло и Лазаревское кладбище, место упокоения матери Фёдора Михайловича. Только в слове сохранилась память о московской жизни писателя. Я задумчиво смотрела на терзания писателя, который перевернул сознание бесчисленного количества душ, и тайну которого будут разгадывать бесконечно всё новые поколения.

"- Да, хороша, - проговорила она наконец, - очень даже. Я два раза ее видела, только издали. Так вы такую-то красоту цените? - обратилась она вдруг к князю..."

- Я не раз была в вашем музее на улице Достоевского, это бывшая Божедомка...

- И улица в мою честь есть?! - с изумлением воскликнул он.

- Да...

- Ну, конечно, чтобы стать Достоевским нужно было родиться именно и только на улице Достоевского.... Как же иначе! Ведь если бы я родился на Божедомке, то стал бы Божедомкиным, или, точнее, Бежедомским!

Я тут же рассмеялась.

- Почти Иваном Бездомным!

- Это ещё кто таков?

Меня поразило то, что писатель Божедомский не знает Бездомного, объяснила:

- Это из романа Булгакова...

Божедомский нахмурился, опустил голову, борода уперлась в грудь...

"- Такая красота - сила, - горячо сказала Аделаида, - с такою красотой можно мир перевернуть!"

Статуя! Всё больше говорят: "Памятник". Это по части памяти, а статуя стоит себе и стоит беспамятно. Вот и надо встать утром и сделаться статуей. Застыть на месте и оглядеть себя в зеркале, как в детстве при слове "замри". Впечатляет. Конечно, город без статуй не город. Все изредка застывают. Вот Достоевский застыл за оградой Мариинской больницы, на территории которой провел первые 16 лет своей жизни. Стою у ограды и разговариваю с ним. Силуэт писателя меняется вместе с изменением ракурса. Руки, скрещенные на груди. Нервно подрагивают. Достоевский - в смиренной рубашке.

"Но дело было в другой губернии; да и что могла понимать шестнадцатилетняя девочка, кроме того, что лучше в реку, чем оставаться у благотельницы. Так и променяла бедняжка благотельницу на благотеля. Федор Павло-

вич не взял в этот раз ни гроша, потому что генеральша рассердилась, ничего не дала и сверх того прокляла их обоих; но он и не рассчитывал на этот раз взять, а прельстился лишь замечательною красотой невинной девочки и, главное, ее невинным видом, поразившим его, сладострастника и доселе порочного любителя лишь грубой женской красоты. "Меня эти невинные глазки как бритвой тогда по душе полоснули", говаривал он потом, гадко по-своему хихикая. Впрочем, у развратного человека и это могло быть лишь сладострастным влечением. Не взяв же никакого вознаграждения, Федор Павлович с супругой не церемонился и, пользуясь тем, что она так-сказать перед ним "виновата", и что он ее почти "с петли снял", пользуясь кроме того ее феноменальным смирением и безответностью, даже попрал ногами самые обыкновенные брачные приличия. В дом, тут же при жене, съезжались дурные женщины и устраивались оргии..."

Солнце близится к закату у меня за спиной. Мягкий приглушённый свет освещает редкие домики прежней Москвы, на тихой улице Палиха, по которой ходили когда-то и Венчикка Ерофеев и Федя Достоевский. Но я чувствую, что они время от времени возвращаются в эти места. Захожу в скверик на площади Борьбы к Венчикке, который по-прежнему стоит бегущий с чемоданом, прислонясь к невидимой двери электрички, под вывеской "Москва", а напротив его возлюбленная всё так же ждёт его на станции "Петушки". Годы не властны над ними. Их разделяет дорога без конца. Сворачиваю на Божедомку к Достоевскому. Фёдор Михайлович на месте, погружён в размышления о том, что никто на земле не имеет права переступить черту, как бы отсылая нас к смерти и воскресению Христа на кресте.

"- Грушеньку-то? Нет, брат, не презирает. Уж когда невесту свою в явь на нее променял, то не презирает. Тут... тут, брат, нечто, чего ты теперь не поймешь. Тут влюбится че-

ловек в какую-нибудь красоту, в тело женское, или даже только в часть одну тела женского (это сладострастник может понять), то и отдаст за нее собственных детей, продаст отца и мать, Россию и отечество; будучи честен, пойдет и украдет; будучи кроток - зарежет, будучи верен - изменит. Певец женских ножек, Пушкин, ножки в стихах воспевал; другие не воспевают, а смотреть на ножки не могут без судорог. Но ведь не одни ножки... Тут, брат, презрение не помогает, хотя бы он и презирал Грушеньку. И презирает, да оторваться не может..."

Мчится в тучах Достоевский, мчится Пушкин в вышине метельной навстречу Воланду. Кружит классика по кругу, надрывая сердце мне глубиной и сгустком смыслов. Одни только "Бесы" Достоевского покоя не дают, плодятся и множатся, то и дело выскакивают отовсюду. Чтобы обрести гармонию, погружаюсь в "Золотую розу" Паустовского, душа поёт и трепещет. В Москве же метельной бесы на каждом шагу беснуются, укрыться от них можно, например, в тишине "Мастера и Маргариты", плотно закрыв на все замки дверь, чтобы Иван Бездомный со свечкой и иконкой не ворвался.

"Но только, вот в чем дело: как я вступлю в союз с землей навек? Я не целую землю, не взрезаю ей грудь; что ж мне мужиком сделаться аль пастушком? Я иду и не знаю: в вонь ли я попал и позор или в свет и радость. Вот ведь где беда, ибо все на свете загадка! И когда мне случалось погружаться в самый, самый глубокий позор разврата (а мне только это и случалось), то я всегда это стихотворение о Церере и о человеке читал. Исправляло оно меня? Никогда! Потому что я Карамазов. Потому что если уж полечу в бездну, то так-таки прямо, головой вниз и вверх пятами, и даже доволен, что именно в унижительном таком положении падаю и считаю это для себя красотой. И вот в самом-то этом позоре я вдруг начинаю гимн. Пусть я проклят,

пусть я низок и подл, но пусть и я целую край той ризы, в которую облакается бог мой; пусть я иду в то же самое время вслед за чортом, но я все-таки и "твой сын, господи, и люблю тебя, и ощущаю радость, без которой нельзя миру стоять и быть..."

Проникновенные письма Деточкина к любимой трогают мою душу необычайной нежностью и искренностью. Он безмерно счастлив уже оттого, что уголочек занавески у окна возлюбленной загнут и прицеплен к горшку с бальзаминном. Мысль о любви героев первого романа Достоевского накрыла меня сегодня, когда я шла под зонтом по переулку. Внезапно в моей голове мелькнуло сомнение, причину которого я не сразу поняла. Затем перед глазами отчётливо всплыло лицо Иннокентия Смоктуновского. Ах да, я вспомнила, что у его героя в фильме "Берегись автомобиля" была очень созвучная фамилия, и стала напряжённо вспоминать её. Бывает же так, что пытаюсь вспомнить нужное имя или слово, оно крутится рядом, а при попытке произнести его, оно исчезает. Вот я мучилась какое-то время. Я хотела вспомнить сама. Озарение пришло, когда я увидела девушек, ёжащихся под дождём без зонтов. Конечно, Девушкин у Достоевского! А не Деточкин-Смоктуновский! Макар Девушкин один из самых трогательных героев, воспоминания о нём всегда вызывают в душе моей щемящую нежность. Достоевский выткал его образ такими нежными нитями слов: "право, у меня сердце вот так и запрыгало!". А какую гамму чувств вызывает его обращение к любимой: "Маточка"!

"Но довольно стихов! Я пролил слезы, и ты дай мне поплакать. Пусть это будет глупость, над которою все будут смеяться, но ты нет. Вот и у тебя глазенки горят. Довольно стихов. Я тебе хочу сказать теперь о "насекомых", вот о тех, которых бог одарил сладострастьем

"Насекомым сладострастьем"! Я, брат, это самое насекомое и есть, и это обо мне специально и сказано. И мы все

Карамазовы такие же, и в тебе, ангеле, это насекомое живет, и в крови твоей бури родит. Это = бури, потому что сладострастье буря, больше бури! Красота = это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя, потому что бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречья вместе живут. Я, брат, очень необразован, но я много об этом думал. Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды. Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом Содомским. Еще страшнее кто уже с идеалом Содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его, и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Чорт знает, что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В Содоме ли красота? Верь. что в Содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, = знал ты эту тайну иль нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы = сердца людей..."

Плохого автора видно сразу. Ибо он готовит всё время вас к жестоким сценам, а потом во весь натуралистический рост показывает это, вызывая лишь полное отторжение у читателя. Всякая жестокость вызывает ужас, демонстрация её как таковой. Но ширпотреб, попса (народ) заглатывает только эти крючки. У классиков таких сцен нет, а если есть, то поданы они как философская необходимость. Достоевский на примере Раскольникова через его преступление, мучительные искания и раскаяние вскрывает философскую истину, что никто на земле не имеет права переступить черту, как бы отсылая нас к смерти и воскресению Христа на кресте.

"Красота Катерины Ивановны еще и прежде поразила Алешу, когда брат Дмитрий, недели три тому назад, привозил его к ней в первый раз представить и познакомить, по собственному чрезвычайному желанию Катерины Ивановны. Разговор между ними в то свидание впрочем не завязался. Полагая, что Алеша очень конфузится, Катерина Ивановна как бы щадила его и все время проговорила в тот раз с Дмитрием Федоровичем. Алеша молчал, но многое очень хорошо разглядел. Его поразила властность, гордая развязность, самоуверенность надменной девушки. И все это было несомненно, Алеша чувствовал, что он не преувеличивает. Он нашел, что большие черные горящие глаза ее прекрасны и особенно идут к ее бледному, даже несколько бледно-желтому продолговатому лицу. Но в этих глазах, равно как и в очертании прелестных губ, было нечто такое, во что конечно можно было брату его влюбиться ужасно, но что может быть нельзя было долго любить. Он почти прямо высказал свою мысль Дмитрию, когда тот после визита пристал к нему, умоляя его не утаить: какое он вынес впечатление, повидав его невесту..."

Аполлон Григорьев не дает воли грусти, взбадривает себя цыганщиной: "Все сильнее ветер воет, // В окна дождь стучит... // Сердце ломит, сердце ноет, // Голова горит!..", - но всё равно я вижу за этой разудалостью неизбывную дождливую тоску по утраченной любви, связанной со смертью возлюбленной, столь сильна его печаль и боль, что даже природа соперничает ему, этот плачь, рвущий душу слушателей, вызывает сильнейшие эмоции и сострадания, что так привлекает в цыганских песнях: "Глухо воет пес... // Сердце ломит, сердце ноет!.. // Хоть бы капля слез!..". А на безлюдных похоронах его шёл за гробом с тремя приятелями Фёдор Достоевский, и помянул после прощания Аполлона в кухмистерской рюмкой водки.

"Поднялась портьера и... сама Грушенька, смеясь и радуясь, подошла к столу. В Алеше как будто что передернулось. Он приковался к ней взглядом, глаз отвести не мог. Вот она, эта ужасная женщина - "зверь", как полчаса назад вырвалось про нее у брата Ивана. И однако же пред ним стояло, казалось бы, самое обыкновенное и простое существо на взгляд, - добрая, милая женщина, положим, красивая, но так похожая на всех других красивых, но "обыкновенных" женщин! Правда, хороша она была очень, очень даже, - русская красота, так многими до страсти любимая. Это была довольно высокого роста женщина, несколько пониже однако Катерины Ивановны (та была уже совсем высокого роста), - полная, с мягкими, как бы неслышными даже движениями тела, как бы тоже изнеженными до какой-то особенной слащавой выделки как и голос ее..."

Мне в моём метро никогда не тесно", - поёт поэт, и я с ним соглашаюсь, когда вхожу в пустой вагон, который, покачиваясь, уносит меня с севера на юг, или с востока на запад. От центра - к окраине, от окраины - к центру. Паутинка Москвы невидимым, но таким реальным подземельем соединяет всех со всеми, и каждого с каждым. Метро чудесным образом объединяет огромный город, спасает нескончаемые вереницы людей от бесконечных потоков машин, от снега, дождя и ветра. Мелькают огни станций, цветные витражи. Уходят ввысь эlegantные колонны. "Достоевская", - слышу я голос диктора. Двери открываются, и в вагон входит Фёдор Михайлович, а вместе с ним Раскольников, Лизавета, Алёна Ивановна, Маточка, Макар Девушкин, Алёша Карамазов...

"Это тело может быть обещало формы Венеры Милосской, хотя непременно и теперь уже в несколько утрированной пропорции, - это предчувствовалось. Знатоки русской женской красоты могли бы безошибочно предсказать, глядя на Грушеньку, что эта свежая, еще юношеская

красота к тридцати годам теряет гармонию, расплывется, самое лицо обрюзгнет, около глаз и на лбу чрезвычайно быстро появятся морщиночки, цвет лица огрубеет, побагровеет может быть, - одним словом, красота на мгновение, красота летучая, которая так часто встречается именно у русской женщины. Алеша разумеется не думал об этом, но хоть и очарованный, он, с неприятным каким-то ощущением и как бы жалея, спрашивал себя: зачем это она так тянет слова и не может говорить естественно? Она делала это очевидно находя в этом растягивании и в усиленно-слащавом оттенении слогов и звуков красоту. Это была конечно лишь дурная привычка дурного тона, свидетельствовавшая о низком воспитании, о пошло усвоенном с детства понимании приличного...

Сколько соблазнов вокруг и все они тревожат психику. Хочется тут же реагировать, включаться, одобрять, поддерживать, или же, напротив, протестовать, возмущаться. Но я всегда помню, что все эти общественные слушания, обсуждения есть не что иное, как намеренное манипулирование нашими мозгами. В такие моменты важно хватать себя за руку - не реагировать ни на что. У тебя свой путь, только твой, единственный. Вот я к чему. Если бы у столба казнили Достоевского, был бы в таком случае с нами "Идиот"? То-то и оно. Не реагировать!

"- Ну уж и продажная. Сами вы девицей к кавалерам за деньгами в сумерки хаживали, свою красоту продавать приносили, ведь я же знаю.

Катерина Ивановна вскрикнула и бросилась было на нее, но ее удержал всюю силой Алеша:

- Ни шагу, ни слова! Не говорите, не отвечайте ничего, она уйдет, сейчас уйдет!

В это мгновение в комнату вбежали на крик обе родственницы Катерины Ивановны, вбежала и горничная. Все бросились к ней.

- И уйду, - проговорила Грушенька, подхватив с дивана мантилью. - Алеша, милый, проводи-ка меня!

- Уйдите, уйдите поскорей! - сложил пред нею, умоляя, руки Алеша.

- Милый Алешинька, проводи! Я тебе дорогой хорошенькое-хорошенькое одно словцо скажу! Я это для тебя, Алешинька, сцену проделала. Проводи, голубчик, после понравится.

Алеша отвернулся, ломая руки. Грушенька, звонко смеясь, выбежала из дома..."

Достоевский всегда побуждает к размышлениям о сочувствии. Для его героев сочувствие и понимание дороже, чем справедливость, потому что можно пережить любые невзгоды, если рядом люди, а не равнодушные соплеменники. Добро, любовь и мягкость сочувствием переливаются в сердца людей страдающих, наполняя их терпением и силой, чтобы смягчить боль. Как помогает отзывчивое, участливое отношение к чужому горю! Я это испытала на себе не один раз, поэтому сочувствую всем, кто в этом нуждается, пытаюсь придать уверенности в себе и вселить надежду.

"Поведал он мне, что лес любит, птичек лесных; был он птицелов, каждый их свист понимал, каждую птичку приманить умел; лучше того как в лесу ничего я, говорит, не знаю, да и все хорошо. "Истинно, отвечаю ему, все хорошо и великолепно, потому что все истина. Посмотри, говорю ему, на коня животное великое, близ человека стоящее, али на вола, его питающего и работающего ему, понурого и задумчивого, посмотри на лики их: какая кротость, какая привязанность к человеку, часто бьющему его безжалостно, какая незлобивость, какая доверчивость и какая красота в его лике. Трогательно даже это и знать, что на нем нет никакого греха, ибо все совершенно, все кроме человека безгрешно, и с ними Христос еще раньше нашего". - "Да

неужто, спрашивает юноша, и у них Христос?" - "Как же может быть иначе, говорю ему, ибо для всех слово, все создание и вся тварь, каждый листик устремляется к слову, богу славу поет, Христу плачет, себе неведомо, тайной жития своего безгрешного совершает сие. Вон, говорю ему, в лесу скитается страшный медведь, грозный и свирепый, и ничем-то в том неповинный". И рассказал я ему, как приходил раз медведь к великому святому, спасавшемуся в лесу, в малой келийке, и умилился над ним великий святой, бесстрашно вышел к нему и подал ему хлеба кусок: "Ступай, дескать, Христос с тобой", и отошел свирепый зверь послушно и кротко, вреда не сделав. И умилился юноша на то, что отошел, вреда не сделав, и что и с ним Христос. "Ах, как, говорит, это хорошо, как все божие хорошо и чудесно!" Сидит, задумался, тихо и сладко. Вижу, что понял. И заснул он подле меня сном легким, безгрешным. Благослови господь юность! И помолился я тут за него сам, отходя ко сну. Господи, пошли мир и свет твоим людям!"

Держу в руках книгу с автографом: "Всеволоду Сергеевичу Соловьёву в знак памяти от автора". На экземпляре романа "Идиот" (СПб.:1874) автограф Достоевского вызывает трепет, равный присутствию рядом со мною самого писателя. В такие мгновения приходит восторженное понимание, что автор живее всех нас и наблюдает за происходящим. Автограф повышает значимость книги во много раз. Дарственная надпись автора на книге невидимой нитью связывает нас, притягивает, открывая тайные смыслы думающему читателю. А уж автограф классика вообще бесценен.

"- Не кори меня нарядом, Ракитка, не знаешь еще ты всего моего сердца! Захочу и сорву наряд, сейчас сорву, сию минуту, - звонко прокричала она. - Не знаешь ты, для чего этот наряд, Ракитка! Может выйду к нему и скажу: "Видал ты меня такую, аль нет еще? - Ведь он меня сем-

надцатилетнюю, тоненькую, чахоточную плаксу оставил. Да подсяду к нему, да оболещу, да разожду его: "Видал ты, какова я теперь, скажу, ну так и оставайся при том, милостивый государь, по усам текло, а в рот не попало!" - вот ведь к чему может этот наряд, Ракитка, - закончила Грушенька со злобным смешком. - Неистовая я, Алеша, яростная. Сорву я мой наряд, изувечу я себя, мою красоту, обожду себе лицо и разрежу ножом, пойду милостыню просить. Захочу и не пойду я теперь никуда и ни к кому, захочу - завтра же отошлю Кузьме все, что он мне подарил, и все деньги его, а сама на всю жизнь работницей поденной пойду!.. Думаешь, не сделаю я того, Ракитка, не посмею сделать? Сделаю, сделаю, сейчас могу сделать, не раздражайте только меня... а того прогоню, тому шиш покажу, тому меня не видеть!"

Уж Достоевского я сразу вспомню здесь при слове "красота". Смеются над этим пассажем классика, какая красота, спасёт наш мир "могучая армия". Литература действует на исправление нравов очень медленно, через века. Вот потому я говорю: "Цветы красивы. Сохрани их свежесть в бегущих строчках!" Писатель есть над миром существо, он ангелом парит тысячелетия, спасая красоту. Вот где идеал, к которому нужно стремиться на протяжении всей жизни - создание красоты в своей душе, передав многообразие тончайших оттенков красок книге, в которой звучит музыка, присутствует мудрость и глубина мысли.

"- То самое, Дмитрий Федорович, именно то, что вам надо, чего вы жаждете, сами не зная того. Я вовсе не прочь от теперешнего женского вопроса, Дмитрий Федорович. Женское развитие и даже политическая роль женщины в самом ближайшем будущем - вот мой идеал. У меня у самой дочь, Дмитрий Федорович, и с этой стороны меня мало знают. Я написала по этому поводу писателю Щедрина. Этот писатель мне столько указал, столько указал в назна-

чении женщины, что я отправила ему прошлого года анонимное письмо в две строки: "Обнимаю и целую вас, мой писатель, за современную женщину, продолжайте". И подписалась: "мать" Я хотела было подписаться "современная мать", и колебалась, но остановилась просто на матери: больше красоты нравственной, Дмитрий Федорович, да и слово "современная" напомнило бы им Современник, - воспоминание для них горькое в виду нынешней цензуры... Ах боже мой, что с вами?"

Говоря о Достоевском, мы часто упускаем из виду его пронзительную поэтичность. Не буду напоминать клейкие листочки в исполнении Ивана Карамазова. Достоевский начинал со стихов, во многом неудачных, повествовательных, но быстро перешёл на прозу, однако тяга к поэзии проходит через всё это творчество. Видимо, поэтому Георгия Чулкова захватила безудержная исповедальность Достоевского, и он сам стремился стать таким же безудержно нервным и стремительно великим. Я невольно подумала об этом, случайно напав на его стихотворение "Слова":

Слова и облачны, и лживы,
Как на болоте злой туман;
Но я - лукавый и ленивый -
Их сочетаньем вечно пьян...

Да, слова обладают мистическим воздействием. Ими создан мир, выражены мысли, чувства и всё, что мы видим и слышим. Мысли вспыхивают в минуты ярости и переживаний такие, которых человек сам стыдится, порой и страшится. Свет и тьма, божественное начало и нечистая сила, любовь и ненависть - всё это присутствует в каждом. Уж кто-кто, а Достоевский об этом писал так глубоко и психологически тонко, что только диву даёшься! Великий наш невротик подпольного духа. Конечно, личность такого вселенского масштаба не могла не поразить Чулкова. Он при-

знаётся в своих грехах и в том, что успокаивал своё сердце сказками, и в том, что не раз оскорблял словом. Как это близко Достоевскому! Слово может всё:

Слова - надёжная защита
И от себя, и от друзей.
В могиле слов змея зарыта -
Змея влюблённости моей.

Как часто человек ищет себе оправдание в словах, прибегая к словам, стремясь в них найти укрытие. Слово, собственно, и есть суть нашей жизни! У Чулкова в этом и исповедь, и раскаяние, и признание всесильности Слова.

"- Неистовая я, Алеша, яростная. Сорву я мой наряд, изувечу я себя, мою красоту, обожгу себе лицо и разрежу ножом, пойду милостыню просить. Захочу и не пойду я теперь никуда и ни к кому, захочу - завтра же отошлю Кузьме все, что он мне подарил, и все деньги его, а сама на всю жизнь работницей поденной пойду!.."

Писатель всё время пишет, заключил себя на всю жизнь в четырёх стенах, и всё пишет и пишет, а хочется дышать полной грудью, ходить в театры, рестораны, на презентации, путешествовать, наконец! Писатель целый день сидит на одном месте, это же ужас, требует, чтобы ему не мешали работать, чуть что спросишь, он психует, пойдёшь куда-нибудь, познакомишься с приятным человеком, он подозревает в изменах, придумывает всякие небылицы, с ума сходит, падает на пол, бьётся в истерике... Думаю о Достоевском... До чего не устроена и тяжела была его жизнь, но явилась Анна Григорьевна! Да, жить с писателем невозможно, его можно только любить...

"И поразила-то его эта дорога лишь потому, что на ней он встретил тогда необыкновенное по его мнению существо, - нашего знаменитого монастырского старца Зосиму, к которому привязался всюю горячею первую любовью сво-

его неутолимого сердца. Впрочем я не спорю, что был он и тогда уже очень странен, начав даже с колыбели...”

Холодный день холодного октября с холодным дождем. Иду под зонтом к воротам Миусского кладбища. Оно сохранилось в отличие от Лазаревского, на котором была похоронена мать Фёдора Достоевского. Теперь на его месте расположен детский парк. Москва Фёдора Достоевского не сохранилась, к сожалению. Мы ведь на редкость расточительны, нам всё места не хватает для строительства новых домов и улиц. Такие печальные мысли нахлынули на меня под дождем на Миусском кладбище, и я невольно пошла мимо крестов и надгробий по мокрым пустынным дорожкам, выложенным разноцветной плиткой. Старые захоронения, которые мог видеть Достоевский, потерялись среди захоронений двадцать первого века. А кладбище ведь основано в 1771 году во время эпидемии чумы за Камер-Коллежским валом недалеко от местности Миусы. Ноги сами привели меня к Храму святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии - Подворью Патриарха Московского и всея Руси. В этом Храме, думаю, Достоевский бывал, потому что церковь была построена в 1823 году. Не случайно же в самом начале "Братьев Карамазовых" появляется фамилия Миусовы: "Первая супруга Федора Павловича была из довольно богатого и знатного рода дворян Миусовых, тоже помещиков нашего уезда".

"- Простите меня... - начал Миусов, обращаясь к старцу, - что я может быть тоже кажусь вам участником в этой недостойной шутке. Ошибка моя в том, что я поверил, что даже и такой, как Федор Павлович, при посещении столь почтенного лица захочет понять свои обязанности... Я не сообразил, что придется просить извинения именно за то, что с ним входишь..."

Суворов с Достоевским обсуждают репертуар Театра Красной Армии, перед величественной его громадой с ан-

тичными мотивами, наполняющими эту площадь, и Екатерининским уютным парком. Конечно, Фёдор Михайлович видел все постановки внука Сталина режиссёра Бурдонского. Дух писателя незримо преследует меня. Я не раз встречала его в парке, в сумерках, когда зажигаются звёзды и включают фонари, когда музыка звучит в Екатерининском дворце, где кружатся пары, среди которых мелькает тень Раскольникова с поблескивающим топором в поисках банкиров. Только Суворов безучастно наблюдает смену времён и сезонов, вечернюю суету и дневной покой, готовясь к переходу через Альпы.

"- Ничего не бойся, и никогда не бойся, и не тоскуй. Только бы покаяние не оскудевало в тебе - и все бог простит. Да и греха такого нет и не может быть на всей земле, какого бы не простил господь воистину кающемуся. Да и совершить не может, совсем, такого греха великого человек, который бы истощил бесконечную божью любовь. Али может быть такой грех, чтобы превысил божью любовь? О покаянии лишь заботься, непрестанном, а боязнь отгони вовсе. Веруй, что бог тебя любит так, как ты и не помышляешь о том, хотя бы со грехом твоим и во грехе твоём любит. А об одном кающемся больше радости в небе, чем о десяти праведных, сказано давно. Иди же и не бойся. На людей не огорчайся, за обиды не сердись. Покойнику в сердце все прости, чем тебя оскорбил, примиришь с ним воистину. Коли каешься, так и любишь. А будешь любить, то ты уже божья... Любовью все покупается, все спасается. Уж коли я, такой же как и ты человек грешный, над тобой умилился и пожалел тебя, кольми паче бог. Любовь такое бесценное сокровище, что на нее весь мир купить можешь, и не только свои, но и чужие грехи еще выкупишь. Ступай и не бойся..."

Жажда жизни не нуждается в логике. Это состояние особенно чувствуется в молодости. И молодым подобные утверждения часто приписываются. Но я никак не могу со-

гласиться с этим. Ощущение жажды жизни, вкус и аромат её меняется с человеком по мере роста души. Пить жизнь, наслаждаться её красками, вкусом, страстями, чувствами - что может быть прекраснее!? В песне поэта и художника Евгения Бачурина "День к закату клониться" есть слова "Жизнь как сновидение взлёты и падения..." Любовь к жизни, вера в неё, жажда жизни. Как вдохновенно, окрылённо, воодушевлённо говорит об этом Иван Карамазов своему брату Алёше в романе Достоевского. Конечно, эту радость и счастье жизни испытывает сам Достоевский, уж он-то знает цену жизни! Пережить гражданскую казнь, стать гениальным писателем, испытать любовь, страсть. Жить страстями, хотя бы и вопреки логике. Наслаждение каждым прожитым днём, каждым распускающимся клейким листочком, небом, всем, что дарит тебе жизнь. Любить жизнь - этому надобно учиться!

"- Да, но долго ли бы я могла выжить в такой жизни?- горячо и почти как бы испуганно продолжала дама. - Вот главнейший вопрос! Это самый мой мучительный из вопросов. Я закрываю глаза и спрашиваю сама себя: долго ли бы ты выдержала на этом пути? И если больной, язвы которого ты обмываешь, не ответит тебе тотчас же благодарностью, а напротив станет тебя же мучить капризами, не ценя и не замечая твоего человеколюбивого служения, станет кричать на тебя, грубо требовать, даже жаловаться какому-нибудь начальству (как и часто случается с очень страдающими) - что тогда? Продолжится твоя любовь или нет? И вот - представьте, я с содроганием это уже решила: если есть что-нибудь, что могло бы расхолодить мою "деятельную" любовь к человечеству тотчас же, то это единственно неблагодарность. Одним словом, я работница за плату, я требую тотчас же платы, то-есть похвалы себе и платы за любовь любовью. Иначе я никого не способна любить!"

Припомнила разговор Фон-Лембке с Петром Степановичем. Первый говорит, что чего ж не разрушать, надо церкви разрушать. А второй поддакивает, чего ж нет?! Мы ж сами не верим, ведь вера для управления народом придумана. Так вот в "Бесах" Достоевский увидел грядущее "светлое будущее" России в лице большевиков, разрушавших повсеместно храмы. Тех самых большевиков, которых постоянно ныне хотят отмыть добела новоявленные персонажи "Бесов".

"- Это точь-в-точь как рассказывал мне, давно уже, впрочем, один доктор, - заметил старец. - Человек был уже пожилой и бесспорно умный. Он говорил так же откровенно, как вы, хотя и шутя, но скорбно шутя; я, говорит, люблю человечество, но дивлюсь на себя самого: чем больше я люблю человечество вообще, тем меньше я люблю людей в частности, то-есть порознь, как отдельных лиц. В мечтах я нередко, говорит, доходил до страстных помыслов о служении человечеству и может быть действительно пошел бы на крест за людей, если б это вдруг как-нибудь потребовалось, а между тем я двух дней не в состоянии прожить ни с кем в одной комнате, о чем знаю из опыта. Чуть он близко от меня, и вот уж его личность давит мое самолюбие и стесняет мою свободу. В одни сутки я могу даже лучшего человека возненавидеть: одного за то, что он долго ест за обедом, другого за то, что у него насморк, и он беспрерывно сморкается. Я, говорит, становлюсь врагом людей, чуть-чуть лишь те ко мне прикоснутся. Зато всегда так происходило, что чем более я ненавидел людей в частности, тем пламеннее становилась любовь моя к человечеству вообще..."

На остановке троллейбуса "Б" метро "Смоленская" ко мне подошел скромный, тактичный господин, и тихим голосом спросил о том, куда подевались все извозчики. По ласковой его улыбке и кроткому взгляду я тут же узнала

Фёдора Достоевского, и ответила, что извозчиков уже давно нет, им на смену пришли автомобили, автобусы и троллейбусы. Неожиданно для себя я предложила Фёдору Михайловичу совершить путешествие на троллейбусе "Б", который следует по Садовому кольцу. Писатель принял моё предложение. Мы отправились по внешнему кольцу в сторону Зубовской площади. Шум машин и отсутствие садов огорчили Достоевского, но он был весьма сдержан в проявлении эмоций, хотя всё время произносил: "Да как же они сами едут без лошади? Абсурд!" Провиантские склады узнал сразу и оживился, а Крымский мост очень понравился ему своим изяществом. Вот мы въехали в туннель и вынырнули только на Житной улице, Федор Михайлович выразил крайнее удивление, что машинам уже на земле места не хватает. Он обратил внимание на суету и спешку вокруг, которые никак не могут способствовать писательству. С Краснохолмского моста открылся вид на Новоспасский монастырь, который он тотчас же узнал. Далее троллейбус сделал странную петлю, чтобы выехать на Таганскую площадь. Толпа пассажиров хлынула в троллейбус, а у Курского вокзала троллейбус опустел. Мы остались вдвоём, но водитель предложил нам пересест в другой троллейбус, так как здесь - конечная остановка, и у него перерыв. Наше путешествие продолжилось по Земляному валу. На Сухаревской площади Фёдор Михайлович всё искал взглядом Сухареву башню, а когда услышал, что её снесли, то горько разрыдался. Садовые улицы, ничем, кроме названия, не напоминали прежние улицы, утопающие в зелени садов. Остановка Метро "Смоленская" объявил голос, круг замкнулся. Мы вышли как раз у стоянки гужевого транспорта. Фёдор Михайлович поцеловал мне руку, пересел на извозчика и покатил в 1866-й год.

"- Взаправду вы говорите? Ну теперь, после такого вашего признания я верую, что вы искренни и сердцем доб-

ры. Если не дойдете до счастья, то всегда помните, что вы на хорошей дороге, и постарайтесь с нее не сходить. Главное, убегайте лжи, всякой лжи, лжи себе самой в особенности. Наблюдайте свою ложь и вглядывайтесь в нее каждый час, каждую минуту. Брезгливости убегайте тоже и к другим и к себе: то, что вам кажется внутри себя скверным, уже одним тем, что вы это заметили в себе, очищается. Страх тоже убегайте, хотя страх есть лишь следствие всякой лжи. Не пугайтесь никогда собственного вашего малодушия в достижении любви, даже дурных при этом поступков ваших не пугайтесь очень. Жалею, что не могу сказать вам ничего отраднее, ибо любовь деятельная сравнительно с мечтательною есть дело жестокое и устрашающее. Любовь мечтательная жаждет подвига скорого, быстро удовлетворимого и чтобы все на него глядели. Тут действительно доходит до того, что даже и жизнь отдают, только бы не продлилось долго, а поскорей совершилось, как бы на сцене, и чтобы все глядели и хвалили. Любовь же деятельная - это работа и выдержка, а для иных так пожалуй целая наука. Но предрекаю, что в ту даже самую минуту, когда вы будете с ужасом смотреть на то, что, несмотря на все ваши усилия, вы не только не подвинулись к цели, но даже как бы от нее удалились, - в ту самую минуту, предрекаю вам это, вы вдруг и достигнете цели и узрите ясно над собою чудодейственную силу господя, вас все время любившего и все время таинственно руководившего. Простите, что пробыть не могу с вами долее, ждут меня. До свидания..."

Судьба была предельно сурова к Фёдору Достоевскому, особенно в молодые годы. Подобные испытания ломали судьбы многих, но талант и потребность писать позволяли ему преодолевать все препятствия на тернистом жизненном пути. Но у него была одна проблема, которую, подчас, преодолеть у него не было сил. Я имею в виду его отноше-

ния с женщинами. В период работы над "Игроком" - эта проблема проявилась наиболее ярко. Он был весь издерган, замучен, буквально зачумлён ситуацией, в которой оказался в связи с договором с издателем Стелловским. Если бы рядом с ним в это время была любящая женщина, то он бы всё это переносил гораздо спокойнее. На мой взгляд, он был неудовлетворённым мужчиной, он с его страстью, с его сексуальной потенцией, с его эротической одержимостью не мог обходиться без любви. И тут судьба посылает ему молоденькую, сразу влюбившуюся в него Аню Сниткину. Они сошлись в любовном экстазе сразу, он буквально съел её, творчески взлетев до небес. За очень короткое время надиктовал "Игрока", постоянно прерываясь для близости. Роман был сдан в срок. И жизнь потекла в заоблачных высях любви и творчества.

Ирина Оснач

ЖЕНСКАЯ НОТА МАРГАРИТЫ ПРОШИНОЙ

"Вся книга "Мечта" пронизана... женской нотой. Маргарита Прошина не пишет сюжет, она видит мир в образах и красках... Она - мастер коротких эссе, от которых веет чувственностью и поэтичностью. Она любит слова, лелеет буквы, сплетая из них, как из полевых ромашек, свои этюды".

Эти слова писателя Юрия Александровича Кувалдина из его предисловия к книге Маргарите Прошиной можно смело отнести ко всему творчеству замечательной писательницы.

...Москва, 15 мая 2019 года, середина дня, Яузский бульвар, весенний дождь то стучит по молодой листве, то замирает, и тогда между тучами на нас смотрят синие небесные глаза. На нас - писателей, которые приехали на съемки нового литературного телефильма Юрия Кувалдина "Изображение". Мы прогуливаемся по бульвару с Маргаритой Прошиной - ждем, когда наступит наш черед.

До этого майского дня с Маргаритой мы были знакомы заочно, я читала ее рассказы, восхищаюсь ими.

Говорим так, как говорят люди, впервые увидевшие друг друга, переходя с одной темы на другую, возвращаясь,

вспоминая что-то: о Москве, ее бульварах, домашних любимцах, о том, что ветреный дождь растрепал прически... И в тоже время говорим так, как говорят неслучайно знакомые люди, люди, которых объединяет любовь к слову: о прозе, ее ритмике, о любимых книгах...

Юрий Кувалдин приглашает Маргариту, после нескольких минут перед телекамерой она возвращается огорченной: "Надо было лучше, а я запнулась!" На мой взгляд, говорила она замечательно. Но тут же я вспоминаю, что Маргарита снимается уже не в первом телефильме, отсюда и такая взыскательность к самой себе. Как и взыскательность к своим текстам - прочитайте один ее рассказ, второй, третий... Скорее всего, будете читать еще и еще, потому что чтение рассказов Маргариты Прошиной увлекает. И вы непременно обратите внимание на то, что в рассказах нет ничего лишнего, каждый образ, деталь, фраза, неслучайны.

Наступает моя очередь говорить перед телекамерой. Я рассказываю о Рокуэлле Кенте, одном из моих любимейших художников Севера, читаю начало сказки Матвея Долгана из села Аянка Пенжинского района на охотско-ламутском говоре. Людей, которые говорят на этом диалекте, нынче совсем немного. Мой интерес к Северу, преданность Северу объясняется просто: я там родилась и выросла, а с некоторых пор пишу о северянах.

И вновь мы с Маргаритой ходим по Яузскому бульвару, я говорю о ее рассказах: мне нравится, как мастерски она пишет детали, подчеркивая характер героев, умело строит сюжет, и каким неожиданным бывает финал. Это то, что я очень люблю в текстах, а в небольших рассказах и вовсе не обойтись, это дыхание жизни, вспомните Чехова.

Маргарита слушает, улыбается, мы смотрим, как по бульвару идут, болтая и подпрыгивая, ребятишки, стучат каблучками московские красотки, неторопливо, иногда присаживаясь на скамеечки, гуляют пожилые.

"Все они - и есть герои рассказов Маргариты, - думаю я. - На шпильках пошла Лебедева из рассказа Прошиной "Её волшебное озеро", она круглый год ходит на шпильках. А это лирическая героиня Маргариты Прошиной прислушивается к шелесту дождя, размышляя о том, как писали о дожде Набоков, Достоевский, Гумилев... Там, возле старого дерева, сидит, размышляя о своей новой московской жизни, провинциалка Рогачёва..."

Потом, когда съемки закончились, я принялась читать рассказы Маргариты. Перечитывала те, что уже читала. И, каждый раз удивляясь, открывала для себя ее новые рассказы. В них есть все то, что я почитаю у хороших рассказчиков: лаконичные, но так много "говорящие" о героях детали. Например: "Жукова на две головы была выше Алтуховой, казалась угловатой, жизнь воспринимала всерьёз, да к тому же была левшой". Такая характеристика героини рассказа "Особенная" подчеркивает и внешнюю "особенность" героини.

Начало рассказа "Самостоятельные губы": "Апельсины с гудением бильярдных шаров покатались по прихожей", - это гудение, стук задает ритмику, настроение всему рассказу, эхом отзываясь в финале рассказа неожиданной развязкой.

Рассказ "Ее Волшебное озеро": "Лебедева ходит на высоких шпильках круглый год. Предпочитает модную и надежную итальянскую обувь. До конца спуска осталось несколько метров, и она побежала, но вдруг нога подвернулась, раздался треск: отлетел каблук! Лебедева замерла на секунду, на ходу подняла его, и со смехом пошла по платформе, переваливаясь с боку на бок, как хромая".

Другая героиня этого рассказа: "В НИИ стол Скороходовой, заведующей лабораторией, стоял напротив окна. В одной позе Скороходова могла просидеть три часа, не ше-

велясь. Демонстрировала свою не иссякающую работоспособность".

Прибавьте умело выстроенный сюжет, неожиданный финал. Впрочем, почти все финалы рассказов Маргариты Прошиной неожиданны.

Читаешь рассказ "Ее волшебное озеро" и ждешь, что героиня рассказа Лебедева встретит своего "принца", а не утолителя ее страсти на одну ночь. Но финал о заведующей лабораторией Скороходовой. Какая она, Скороходова? А вот какая: "(...) у Скороходовой всё было иначе. С мужем, начальником колонны автобусного парка, выходцем из Владимирской губернии, у Скороходовой отношения были, как брат с сестрой. Спали в разных комнатах", "В одной позе Скороходова могла просидеть три часа, не шевелясь. Демонстрировала свою не иссякающую работоспособность". Скороходова дает Лебедевой "правильные" советы, "Лаборатория Скороходовой признана лучшей".

Финал ошарашивает: "Крышка гроба открылась, костлявые руки Скороходовой схватили Лебедеву за волосы, и потащили к себе. Синие губы прикоснулись к щеке Лебедевой. Она вздрогнула от ужаса, и, открыв глаза, увидела, что Скороходова, сидевшая с ней рядом в актовом зале, на самом деле целует её своими могильными губами.

Скороходова день ото дня желтела.

И вскоре умерла".

Прибавьте к этому отличный русский язык, которым написаны рассказы - а нынче, к сожалению, тексты все чаще написаны неряшливо. Маргарита Прошина умеет уже с первой фразы начать историю, которая будет интересна для читателя. Владеет композицией и элементами сюжета. У ее персонажей есть своя мотивация. Прозаик Прошина отлично описывает героя и тот мир, что его окружает. Без мастерского владения этими приемами в "сторителлинге",

умении рассказывать истории, не обойтись ни автору больших текстов, ни тому, кто пишет "шот стори".

"У каждого из нас существует свой образ окружающего мира. Но редкий человек понимает, что и он является для окружающих образом, не внешним, а интеллектуальным, если таковой нарабатывается через воспитание себя в этом мимолётном мире, иначе говоря, одухотворённость образуется через образованность, которая невольно подвигает его к созданию своего образного мира и изложению его в собственной книге, поскольку образованности без книги не существует". Маргарита Прошина, "Свой образ"

Рассказы, мини-рассказы, эссе, размышления у Прошиной самые разные. Есть даже изорассказы, звукорассказы, эмоциорассказы, в них Маргарита рассказывает о своих книжных, театральных пристрастиях, переживаниях, эмоциях, связанных с музыкой и изобразительным искусством.

В сюжете "Слушаю Баха" писательница пишет о мире музыки: "Я не могу представить себе мир без музыки. Я испытываю чувство святой благодарности к композиторам, которые создают этот мир чувств, эмоций, мыслей... Сегодня я слушаю сонаты Иоганна Себастьяна Баха, наслаждаюсь каждым звуком, мелодическим звучанием скрипки и душа поет вместе с ними. И мир становится таким гармоничным, прекрасным и нежным".

Тоня из рассказа "Любовный напиток" "всё больше сидела дома, читала, слушала радио и пластинки, которые остались от отца. Особенно часто она ставила арию Неморино "Una Furtiva Lagrìma" ("Одна слезинка украдкой") из оперы Гаэтано Доницетти "Любовный напиток", которую

часто ставил отец, она разговаривала с ним, спрашивала, почему он оставил их с мамой без защиты, её детское сердечко сжималось от боли, и никак не желало смириться с тем, что больше никогда отец не обнимет её своими большими ласковыми ладонями, и не поцелует в макушку.

Тоня напевала эту арию по-итальянски и по-русски". И в конце рассказа есть примечание автора: "Слушать арию Неморино "Una Furtiva Lagrìma" ("Одна слезинка украдкой") из оперы Гаэтано Доницетти "Любовный напиток" в исполнении Пласидо Доминго".

Есть у Прошиной и две особых темы: Москва и, как бы я назвала вторую тему, "чутко к природе".

В эссе "Моя Москва" любимый город писательницы - самый лучший город земли: "Иду по Лаврушинскому переулку к Репинскому скверу и думаю, куда свернуть: направо - к Большому Каменному мосту или налево - к Москворецкому? Ветер с такой силой срывает разноцветные листья с деревьев, кружит их, а потом швыряет на землю, и кажется, что вот сейчас и ты полетишь вместе с ним, куда он захочет. Сомнения мучают меня: зачем я пошла на прогулку? Но дома не сидится, ведь на улице моя любимая и прекрасная осень. Дышится легко и хочется кричать громко, во весь голос, что Москва - лучший город земли..."

Когда читаешь рассказ "Река", будто сам стоишь на берегу: "Яна стоит в носовой части судна, смотрит, как одна за другой набегают волны, разбивая о корпус белый кипящий от гнева гребень. У неё кружится голова от прохлады, ветра и чистейшего воздуха, наполненного водными брызгами. Водяная пыль запорошила Яне лицо, и она, чувствуя приятную свежесть, попыталась втянуть её в себя и стала облизывать губы..."

В рассказе "Библиотечный дождь", одном из моих любимых рассказов Прошиной, темы книжных пристрастий, эмоций, эмоциональных переживаний перекликаются

друг с другом. Тут и библиотечное многокнижье, и старушка библиотекарша Фокина, которую "сильно крашенные волосы молодили, но не настолько, чтобы ей можно было убавить возраст лет хотя бы на десять, потому что старость чувствовалась и в сухоньком лице, и в довольно заметной сутулости, как будто она всё время смотрела себе под ноги, и в быстрой семенящей походке". И московский дождь - реальный, и на страницах любимых авторов:

"Какой же дождь у Мандельштама? Холодный, тихий, молодой... " ... Где милая Троя? Где царский, где девичий дом? Он будет разрушен, высокий Приамов скворешник. И падают стрелы сухим деревянным дождем, и стрелы другие растут на земле, как орешник". Я открываю вновь и вновь стихи стихийного поэта. Ещё недавно в стране советов торжествовали рифмачи про танки, пушки и победы. А Мандельштам нигде не числился. Такого поэта нет, говорили, и не было. Московский дождик за окном. Я открываю "Разговор о Данте" и упиваюсь мыслью Мандельштама о том, что поэтическое слово есть пучок, и смысл из него торчит в разные стороны. Так дождь у Мандельштама солёный на вкус, что-то на крыше бормочет. Каждое слово поэта - многозначно, он чувствует слова на вкус, на ощупь, слышит их - "сухие жалобы кропят, как дождик мелкий..."

А таким Маргарита Прошина видит дождь Набокова: "Набок Набоковым свалено небо. Рушилась ночь за окном, "дикое, бледное блистание летало по небу". Стоило мне подумать о том, что у Набокова дождь перекошенный, тревожный, как именно гроза с молниями на полнеба переворачивает всё вверх дном. Ливень не унимался. А вот "Пасхальный дождь": "Жозефине казалось, что дождевая прохлада течет по ее жилам, она не могла оторвать глаза от струящегося неба - и дышащий, млеющий дождь был так приятен, так умирительно вздрагивал лист, что захотелось ей смеяться, смех наполнил ее, - но еще был беззвучным,

переливался по телу, щекотал нёбо - вот-вот вырвется сейчас...". За окном дождь постепенно стих, а на востоке появилась ослепительная полоса".

Настоящее волшебство текста - дождь за окном становится таким, как страницах Андрея Белого, Николая Гумилева, Михаила Булгакова...

И тут к автору приходит озарение: "Под всхлипывания косоного дождя смотрю на буквы, которые складываются в дождь. Это просто волшебство какое-то! Мысль о том, что вся великая литература состоит из дождя букв, поражает меня".

"Женский нарциссизм - основа существования жизни на Земле как таковой. Ты себя знаешь, стало быть, знаешь ближнего", - так написала Маргарита Прошина в эссе, посвященном творчеству московской поэтессы Людмилы Осокиной.

Исследование женской природы, женский нарциссизм важны и для писательницы Прошиной. Маргарита досконально изучает и описывает все, "из чего сделаны женщины", состоит женская природа. Девочки, дочери, взрослые женщины, матери - у каждой из них своя правда. Они кокетливы, легкомысленны, полны надежды, любят, страдают, горюют, изменяют ... Слушают музыку, любят картины, наслаждаются прогулками... Трудятся во имя семьи, да так что уже нет последних сил.

"Живи, дочка, как знаешь, как тебе самой нравится, - ласково говорила она, - от мужиков ничего, кроме слез, не получишь. Никаких радостей", - это немудреный совет матери героини одного из рассказов Прошиной.

Метаморфоза жизни героини рассказа "Жажда счастья":

"Когда-то она беспечно бегала по извивающейся тропинке через луг с соседским приятелем на станцию и обратно к своей деревеньке, вдыхая пьянящий запах трав, подставляя ласковому солнцу и игривому летнему ветерку свое лицо. Тогда она безудержно мечтала, что однажды поезд умчит её в неведомую беззаботную жизнь, в которой не нужно ни учиться, ни работать, и не думать ни о чём".

Началась беззаботная жизнь, состоящая из духов, баночек с кремом, украшений в шкатулочках и шкатулках.

В финале героиня, которую буквально взашей выкинули из роскошной жизни, с раздражением смотрит на красоту природы: "Жданова не слышала лесного шума, пения птиц, не видела погожего летнего дня. Она продолжала пальчиком с зелёным, по последнему писку моды, маникюром размазывать по лицу свою красоту.

Ожесточённая обида на покойного, который так некстати подвёл её своей ненадёжностью, не давала покоя.

Изумрудный, залитый слепящим солнцем луг, наполненный дрожащими звуками цикад и невероятным благоуханиями цветов, буквально раздражал её. "Господи! Сил моих нет видеть всё это! Да ещё трава чёртова наотмашь хлещет по ногам!"

Солнце пекло всё горячее. По синей бездне плавно плыли высокие седые облака, медленно меняя очертания... Ах, не видеть бы сроду эту проклятую красоту!"

Совсем другой мир у работницы завода Ледяйкиной. Она живет в старом бараке, а на заводе вставляет усики в светодиодные кубики. Удивительно, но между Ждановой и Ледяйкиной есть общее, они обе заморожены, одна блеском украшений, а вторая сверкающими огоньками стеклянных кубиков: "Кубики с усиками все чаще и чаще отъезжали влево, а справа надвигались все новые и новые, без усиков. Они уже превращались в какую-то бесконеч-

ную цепочку, словно связанные одной нитью для неимверных бус. А то и вовсе стеклянный поток казался сверкающей разноцветными огоньками елочной гирляндой. В некоторых огоньках Ледяйкиной стали видеться какие-то не то блестящие шарики, не то мушки, не то комарики или вообще - пляшущие человечки".

Чем не украшения у Ждановой? "она стала раскладывать украшения на столике: кольцо с золотистыми топазами, подвеску с бриллиантами, серёжки и колечки переливались и сверкали. Перебрав все украшения, она надела все кольца, которые ей подарил покойный".

Что есть любовь? Коварное чувство - уверена Эльза их "Встречи в Пярну: " Шёпот моря, шум чаек перенесли её на десять лет назад.

Эльза с Эвальдом познакомились осенью в Йыхви, где она пыталась начать самостоятельную жизнь вдалеке от родителей. С той поры это время года было особенным для неё. Тогда она даже и предположить не могла, что любовь есть самое коварное чувство, которое выбивает почву изпод ног у многих женщин.

В ту пору, практически, всё время Эльзы состояло из бесконечного общения. И она искренне считала, что в жизни иначе и быть не может. Постоянные разговоры на работе, в дороге, со знакомыми, бесконечная болтовня по телефону, с родителями и подругами, поздними вечерами, занимали всё её время.

Когда они шли, держась за руки, высокий, худой Эвальд с суровым выражением лица, и крепкая, приветливая Эльза, которая едва доставала до его плеча, рядом с ним, окружающие невольно улыбались..."

Любовный напиток Тони из одноименного рассказа - это смирение: "Нужно быть смелее, соблазнительнее", - подумала она, оголяя своё нежное колено и чуть выше.

Директор положил руку на бедро и сжал.

"Именно так и нужно действовать, чтобы всем заткнуть рты!" - пронеслось в голове Тони, немного захмелевшей от счастья близости, когда директор задремал рядом с нею на широкой кровати после взрыва совершенно юношеской любви. Тоня и не предполагала, что пятидесятилетний мужчина столь же готов к соединению с женщиной, как двадцатилетний. По её наивным представлениям даже в сорок лет люди уже не способны к любви.

Впервые Тоня ощутила, что счастлива или, как ей виделось, испытывала блаженство от этой любви, к которой её привела замкнутая жизнь.

Значит, не напрасно она все эти годы страдала и терпела! Но за это же время она стала равнодушна к поискам счастья, зато прекрасно овладела навыками водить саму себя на собственном поводе.

Она рассталась со своей природной открытостью, добротой, мягкостью (но это же все было как бы во сне!), все эти чувства пересилили дисциплинированность, погружение в себя и до некоторой степени безразличие.

Все эти качества, которые если для чего-нибудь и нужны, так только для того, чтобы перечеркнуть планы тети Брони, вооруженной презрением, самоуверенностью и животной недоброжелательностью, которые удесятерила ее чудовищная, яростная жажда диктата, к несчастью, совершенно не свойственная Тоне.

А Тоня желала лишь единственного - не поддаваться.

Но как?

Когда и так ясно, что силы были не равны: обидно сознавать неподготовленность и иллюзорность добрых сил, а к помощи злых Тоня обращаться и не думала.

Ко всему прочему, эта война не могла проходить на равных, в силу того, что Тоня не щадила себя и постоянно ранила своё сердце своим же оружием смирения".

Еще один женский портрет, женская судьба, вот какой предстает перед нами Алена Викторовна из рассказа "Аленушка": "Позднюю осень Алёна Викторовна любила за рисунки ветвей деревьев на фоне меняющегося неба, которые она воспринимала как зашифрованную книгу, запечатлевшую в вечности хронику уходящего года. Эти рисунки волновали её столько, сколько она себя помнила, поздней осенью в душе её расцветала весна. Ведь пришла она в эту жизнь именно поздней осенью. Самые важные встречи, события жизни от ошеломляющего счастья, до глубоких душевных ран у неё случались именно поздней осенью. Из года в год она с волнением ждала, чем поразит её уходящая осень на этот раз. Осенние дни своим непостоянством и переменчивостью навевали воспоминания о лете, одаривая внезапно слепящим жарким солнцем, чередующимся с затяжными, грустными дождями. Ранними осенними сумерками она мечтала о новом снеге и жадно ловила первые нежные снежинки".

Алена Викторовна - учительница русской литературы, и "Директор уже махнул на неё рукой, мол, пусть отклоняется от планов урока и программы, но она это так виртуозно делает, что он сам однажды расплакался на её уроке, когда нужно было комиссии показать лучший класс".

И как же не вспомнить трогательных девочек из рассказа "Божья коровка"? "Оля нежная и ясная, приветливая, как майское утро, почти беспричинно готова всех согреть, осветить своей простодушной улыбкой, потому что она почти никогда не бывает грустной и всё время улыбается". "От весёлой, внезапной, но и нежной щекотки пяточки совсем просыпается младшая, которая в прелестной мягкой жёлтой пижаме абсолютно похожа на цыплёнка".

Своего счастья ждет кассир Серебрякова, принцесса с Казанского вокзала: "Серебрякова сидела в своей вокзальной кассе, то к ней выстраивалась приличная очередь,

причём сплошь из мужчин, так она привлекала их улыбочками большими глазами, какой-то искристой женственностью, всегда новой и по-детски чистой.

В вокзальном зале билетных касс сновали люди, множество людей, толпы. Серебрякова почти не замечала их. Лишь изредка выхватывала взглядом чьи-то случайные лица, как бы задавая себе вопрос:

"Счастливы ли они?" И не могла этого понять.

Поезда отправлялись и прибывали, шли часы, дни, годы".

Что есть любовь? Что есть счастье? Читаешь рассказы Маргариты Прошиной и слышишь долгую, нежную женскую ноту.

ОБ АВТОРЕ

Маргарита Васильевна Прошина родилась 20 ноября 1950 года в Таллине. Окончила институт культуры. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Долгое время работала заведующей отделом Государственной научной педагогической библиотеки им. К. Д. Ушинского, затем была заместителем директора библиотеки им. И. А. Бунина. Автор многочисленных поэтических заметок под общим заглавием "Задумчивая грусть", и рассказов. Печаталась в альманахе "Эолова арфа", в "Независимой газете" и др. Постоянно публикуется в журнале "Наша улица". Автор книг "Задумчивая грусть" (2013), "Мечта" (2013), "Фортуэта" (2015), "Голубка" (2017), "Явление Афродиты" (2019), "Задумчивая грусть" в трёх книгах (2020) и "Отражённые лучи" (2020), издательство "Книжный сад", Москва. В "Нашей улице" публикуется с №149 (4) апрель 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Кувалдин беседует с Маргаритой Прошиной	3
Григорий Блехман "Чувство времени Маргариты Прошиной"	28
Эмиль Сокольский "В потоке классики"	34
Маргарита Прошина "Яхонтов из Мансуровского"	51
Юрий Кувалдин "Буква есть твоё зеркало"	59
Ирина Гурская "«Чуткий парус» слуха"	65
Нина Краснова об "Уроках деревни" Маргариты Прошиной	73
Андрей Яхонтов "Женщины Маргариты Прошиной"	76
Юрий Кувалдин "Цветы на берегах волшебного озера"	77
Маргарита Прошина "Весёлое время" поэт Евгений Блажеевский	79
Маргарита Прошина "Я спрошу у Господа" Евгений Бачурин	89
Инна Иохвидович "Три рассказа Маргариты Прошиной"	95
Юрий Кувалдин "Евангелие от Маргариты Прошиной"	98
Нина Краснова ""Заметы" ума и сердца"	110
Татьяна Озерова "Собеседница"	125
Маргарита Прошина "Поток сознания Анатолия Кима"	131
Маргарита Прошина "Сад Софии Юзефпольской-Цилосани"	136
Маргарита Прошина "Воздушная вуаль Ирины Гурской"	140
Алексей Некрасов-Вебер "Образ и фон..."	147
Нина Краснова беседует с Маргаритой Прошиной	152
Маргарита Прошина о Валерии Роньшине	163
Маргарита Прошина о Юрии Кувалдине	180
Маргарита Прошина об Иване Бунине	193
Маргарита Прошина об Антоне Чехове	209
Маргарита Прошина о Фёдоре Достоевском	228
Ирина Оснач "Женская нота Маргариты Прошиной"	256
Об авторе	269

Маргарита Васильевна Прошина
В потоке классики

статьи
беседы
литературные портреты

Редактор Юрий Кувалдин

ISBN 978-5-85676-163-3

ЛР № 061544 от 08.09.99.

Сдано в набор 13.10.20. Подписано к печати 03.11.20.

Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.

Гарнитура "OfficinaSansCTT". Печать офсетная.

Уч.-изд. л. (авторских листов) 13,11. Тираж 300 экз.

Издательство "Книжный сад"
www.kuvaldinur.narod.ru

Моё собственное прошлое
воскрешается в художественных
образах, возвращается как
некоторая ностальгия по
поэтическим, умирительным
эпизодам, тающим в памяти
дымкой гаснущего костра. Причём
костры всегда разные и, угасая,
они вспыхивают вновь, озаряя
светом разные уголки памяти. В
эти минуты меня охватывают
разные противоречивые чувства.
Прошлое может быть
безвозвратно утрачено, если его
не сделать записанным.

Маргарита ПРОШИНА